

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

XI.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И К^О.

MDCCCXLI.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 29 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

СМЪСЬ.

	страни.
Шоссе	5
Москва	13
Ломоносовъ	21
О Цензурѣ	41
Русская изба	47
О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потерянаго рая	63
Лордъ Байронъ	81
Послѣдній изъ родственниковъ Юанны д'Аркъ	91
Рославлевъ	107
Некончанная повѣсти	123
Анекдоты	151
Отрывки: литературныя, критическія, грамматическія замѣчанія	193
Записки бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года, съ предисловіемъ и примѣчаніями Пушкина	251

С М Ъ С Ъ.

I.

III O C C E.

Ш О С С Е.

Узнавъ, что новая Московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Я записался въ конпорѣ поспѣшныхъ дилижансовъ (которые показали мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ) и 15 октября, въ десять часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадяхъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекидныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску и съ однимъ слугою отправился въ дорогу. Путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска претривала поминутно починки. Ку-

знецы меня припѣснѣли, рышвины и, мѣспами, деревянная мостовая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней шацился я по несносной дорогѣ и прѣхалъ въ Пешербургъ полумертвый. Мои прѣштели смѣялись надъ моею извѣженностью, но я не имѣю и прѣшзаній на фельдъ-егерское геройство — и, по зимнему пупи возвращаясь Москву, съ шой поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще дороги въ Россіи (благодаря пространству) хороши, и были бы еще лучше, если бы менѣе объ нихъ забопились. Напримѣръ: дернъ ещѣ уже природная мостовая; зачѣмъ его сдиранъ и замѣняшь наносной землею, кошорая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякошь? Возьмите перваго мужика, хопя крошечку смышленнаго, и заспавъше его провесши новую дорогу: онъ начнешь, вѣрояпно, съ шого, что пророешь два паралельные рва для спеченія дождевой воды.

Лѣтъ сорокъ шому назадъ, гдѣ-шо вмѣшпоревъ, подѣланы были парапеты, шакъ-что дороги сдѣланы ящиками для грязи. Лѣпомъ дороги прекрасны; но весной и осенью пупешенники принуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ, пошому-что экипажи вязнутъ и шонутъ на большой дорогѣ, между-шѣмъ, какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благоденспвуютъ.

Великолѣпное Московское шоссе начало по повелѣнію Императора Александра; дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Тамъ должно быть и во всемъ; правительствомъ открываешь дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшіе способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что, со времени восшествія на престолъ Дома Романовыхъ, у насъ правительствомъ всегда впереди на поприще образованности и просвѣщенія.

Собравшись въ дорогу, взявъ пироговъ и холодной шеляпины, я хотѣлъ запасись книгою, понадеясь довольно легкомысленно на шрапширы и боясь разговоровъ съ почшовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшишься вы и раскрыть, возвращаясь изъ Англійскаго клуба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ Арабская сказка, если попадется вамъ въ казематъ, или въ послѣднемъ дилижансѣ. Скажу болѣе, въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотивше слишкомъ скоро, она слишкомъ вѣрнется въ вашу память и воображеніе; перечесать ее уже не возможно. Кни-

га скучная, напропивъ, чипается съ разспановкою, съ опдохновеніемъ; оспавляешъ вамъ способность позабыться, мечпашъ; опомнившись, вы опяпъ за нее принимаешесь, перечипываешемъспа, вами пропущенныя безъ вниманія и проч. Книга скучная предспавляешъ болѣе развлеченія. Поняпше о скукѣ весьма относительное. Книга скучная можешъ быпъ очень хороша; не говорю объ книгахъ ученыхъ, но и объ книгахъ писанныхъ съ цѣлю просто липературною. Многие чипапели соглашяся со мною, что Клариса очень упомипельна и скучна, но совѣмъ шѣмъ романъ Ричардсоновъ имѣешъ необыкновенное доспоинспво.

Вопъ на что хороши пупешеспвія.

И такъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я къ спарому моему пріяпелю * *, коего библіопекой привыкъ пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопытную, въ какомъ бы по ни было опношеніи. Пріяпелъ мой хопѣлъ-было мнѣ дапъ нравспвенно-сапирическій романъ, упверждая, что скучнѣе ничего быпъ не можешъ, а что книга очень любопытна въ опношеніи учаспи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыпу непреодолимость нравспвен-

но-сапирическихъ романовъ. «Поспой, сказалъ мнѣ * *, еспь у меня для тебя книжка.» Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайлы Херакова книгу, повидимому изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. «Прошу беречь ее, сказалъ онъ пачинственнымъ голосомъ. Надѣюсь, что ты выполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность.» Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*; съ эпиграфомъ:

Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лалй.

Телемахіда. Книга XVIII, стр. 514.

II.

МОСКВА.

МОСКВА.

Москва! Москва!... Покидая смиренную Москву и готовясь увидѣшь блестящій Петербургъ, я заранѣе въспревоженъ при мысли перемѣннхъ мой психій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающій меня; голова моя заранѣе кружится.....

Fuit Troja, fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ преобладало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившіе Дворъ, люди независимые, безпечные, спрашныя къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего Русскаго дворянства, которое изъ всѣхъ провинцій съезжалось въ нее на-зиму. Блестящая гвардейская молодежь наезжала туда жъ изъ Петербурга. Во

всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ замѣ Благороднаго Собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тупыя молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные княземъ Долгорукимъ), вошли въ пословицу. Невинныя спиранности Москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по-своему, забавлялись какъ хохлы, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выпроишь себѣ на одной изъ главныхъ улицъ Китайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами, подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину рощу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Третій на запряжки чепверомѣсныхъ саней поставитъ челоуѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ — и цугомъ пащипся по лѣпней мостовой. Щеголихи, перенимая Петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣлся и не вмѣшивался въ зашты спарушки-Москвы. Куда дѣвалась эша шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники? — все исчезло! Остались однѣ невѣсны, къ которымъ нельзя по-

крайней - мѣрь примѣнишь грубую поговорку: Vieilles comme les gues. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе Московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома споятъ печально, между широкимъ дворомъ, заросшимъ правою и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ шорчатъ вывѣска портнаго, который платитъ хозяину 50 рублей въ мѣсяць за кварширу; великолѣпный бель-эпажъ нанятъ мадамой для пансіона — и по слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибино объявленіе, что домъ продается и опдаешся въ-наймы — и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по москвой раздаешся стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Оспанкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ правою, а бывало уставленныхъ мирповыми и померанцовыми деревьями. Пыльные кулисы домашняго шеатра пѣютъ въ залѣ, освѣщенной послѣ послѣдняго представленія Французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ Пѣмецъ управитель

и хлопчепъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даюся уже не хлѣбосолами спариннаго покроя, въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ чеспъ вельможи, удалившагося опъ Двора, но общеспвомъ игроковъ, задумавшихъ обобращъ на-вѣрное юношу, вышедшаго изъ - подъ опеки, или Саратовскаго опкупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эши домашнія прически, на эши бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры набраны кое-гдѣ — и что за-кавалеры! *Горе отъ ума* еспъ уже картина обвешшала, печальнѣй анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, которѣй, *всякому, ты знаешь, радъ* и князю Пешру Ильичу, Французѣ изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому — ни Тапьяны Юрьевны, которая *балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтломъ праздники на дахъ*. Хлеспова въ могилѣ; Репепиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!...

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мяпежей и казней, закоренѣлую спарину и упрямое сопривленіе суевѣрія и предразсудковъ. Онъ оспавилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но пѣсно, и на дальномъ берегу Балтійскаго моря искалъ

досуга, простора и свободы для своей мощной дѣятельности. После этого, Долгорукіе чуть-было не возвратили Москвѣ своихъ Государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Пепербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Пепербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человеческомъ. Но объдѣніе Москвы доказываетъ и другое—объдѣніе Русскаго дворянства, происшедшее *частію* отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, *частію* отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще пополюковать.

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣщаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенною силою. Купечество богатѣетъ, и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова.

Императоры Пепербургскіе, по большой ча-

сти, не литераторы, но предприимчивые и смышленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты неоспоримо на споронѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убоеть Пепербургскій. Московская крипика съ честию опмичается опъ Пепербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе написали нѣскольکو опыповъ, достойныхъ спать на-ряду съ лучшими спатьями Англійскихъ Reviews. Между-тѣмъ, какъ Пепербургскіе журналы судятъ о литерашурѣ какъ о музыкѣ, какъ о полипической экономіи, п. е. наобутъ и какъ-нибудь, иногда впопадъ и оспроумно, но большею частію неосновательнo и по-верхностно.

Философія Нѣмецкая, копорая нашла въ Москвѣ, можетъ бытъ, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаеть уступать духу болѣе пракпическому. Тѣмъ не менѣе вліяніе ея было благопворно: она спасла нашу молодежь опъ холоднаго скеппицизма Французской философіи и удалила ее опъ упопительныхъ и вредныхъ мечпаній, копорыя имѣли споль ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествоваващаго поколѣнія.

III.

ЛОМОНОСОВЪ.

ЛОМОНОСОВЪ.

Ломоносовъ былъ великій человекъ. Между Петромъ I-мъ и Екатериною II-ю онъ одинъ являлся самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзи и элоквенціи не что иное; какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свѣтъ, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и спѣснительныя формы, въ кои оплывалъ онъ свои мысли, дають его прозѣ ходъ упоминательный и тяжелый. Эта схоластическая величавость полу - Славянская, полу - Латышская, сдѣлалась-было необходимою; къ счастью, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу погдашнихъ Нѣмецкихъ спихопворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, упоминательны и надупы. Его вліяніе на словесность было вредное, и до-сихъ-поръ въ ней опзывася. Высокопарность, изысканность, опвращеніе опъ простоты и точности, опсуществіе всякой народности и оригинальности — вопъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзію и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокопороджественный день пезонменишества и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, спрашномъ къ своему искусству, *объ этомъ человекѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ рифмотворствѣ, не думаетъ...* За шо съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смоприше письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

Ничшо не можетъ дать лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ слѣдующій рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757.

« По ордеру вашего сіапельспва велѣно всѣмъ академическимъ профессорамъ и адъюнктамъ, чпобы рапорповали вашему сіапельспву о своихъ прудахъ и упражненіяхъ въ наукахъ съ 1751 года по-нынѣ. Въ силу онаго рапорпую, чпѡ съ того времени до нынѣшняго числа по мосѣй профессорин и въ другихъ наукахъ я учинилъ по-годно.

Въ 1751 году.

Въ Химіи. 1.) Произведены многіе опыты химическіе, по большой частп огнемъ, для изслѣдованія напуры цвѣшовъ, чпо значитъ того жъ году журналъ лабораторіи на 12 листахъ и другія записки. 2.) Говорилъ сочиненную свою рѣчь о пользѣ химіи на Россійскомъ языкѣ. 3.) Вымыслилъ нѣкоторыя новыя инспруменпы для физической химіи.

Въ Физикѣ. 1.) Дѣлалъ опыты въ большіе морозы, для изысканія, какою пропорціею воздухъ сжимается и расширяется по всѣмъ градусамъ термометра. 2.) Лѣтомъ дѣланы опыты зажигаельнымъ стекломъ и термометромъ, коль высоко впекаешъ ршущъ въ разныхъ разстояніяхъ опъ зажигаельной почки. 3.) Сдѣланы опыты, какъ раздѣляшъ олово опъ свинца однимъ

плавленіемъ безъ всякихъ поспороннихъ машерій, простою механикою, что изрядной успѣхъ имѣешь, и весьма дешево спановишься.

Въ Исторіи. Читалъ книги для собранія машерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Неспора, за нимъ Большой лѣтописецъ, Тапищева первой помъ, Крамера, Вейсея, Гелмолда, Арсолда и другія, изъ копорыхъ бралъ нужныя эксцепты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 спашьи, на 15 листахъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1.) Сочинилъ трагедію, Демифонъ называемую. 2.) Сочинялъ стихи на иллюминаціи. 3.) Собранныя прежде сего машерии къ сочиненію грамматики зачалъ приводишь въ порядокъ. Давалъ приватныя лекціи студентамъ въ Россійскомъ стихотворствѣ, и особливо Поповскому, копорый нынѣ профессоромъ. 4.) Диктовалъ студентамъ сочиненное мною начало претвѣй книги краснорѣчія о стихотворствѣ вообще.

Въ 1752 году.

Въ Химіи. 1.) Дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтновъ, о чемъ явспивуешь въ

журналъ сего года, на 25 листахъ. 2.) Показывалъ студентамъ химическіе опыты пѣтъ курсомъ, какъ самъ учился у Геккеля. 3.) Для яснаго понятія и краткаго познанія всей химіи диктовалъ студентамъ и пошковалъ сочиненные мною къ физической химіи пролегомены на Латинскомъ языкѣ, которые содержатся на 15-ми листахъ въ 150 параграфахъ, со многими фигурами, на шести полулистахъ. 4.) Изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составялись мусію. 5.) По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ спекловъ присланнаго изъ канцеляріи спроченій ученика Дружинина для зѣбшихъ спеклянныхъ заводовъ.

Въ Физикѣ. 1.) Чинилъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностію. 2.) Зимною повпорялъ опыты о разномъ просяженіи воздуха по градусамъ термометра.

Въ Исторіи. Для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи читалъ Крайца, Преторія, Мураторія, Юрнанда, Прокопія, Павла дьякова, Зонару, Теофана исповѣдника, Леона грамматика и иныхъ ексцептовъ нужныхъ, на 5-ми листахъ въ 161 славѣ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1.) Сочинилъ оду на

восшествіе на престолъ Ея Императорскаго Величества. 2.) Письмо о пользѣ стекла. 3.) Изобрѣталъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ стихи: на 25-е апрѣля, на 5-е септября, на 25-е ноября. 4.) Орапоріи второй части краснорѣчія сочинилъ 10 лисповъ.

Въ 1753 году.

Въ Химіи. 1.) Продолжались опыты для изслѣдованія папуры цвѣшовъ, что показываетъ журналъ пого же году, на 56 лиспахъ. 2.) По окончаніи лекцій дѣлалъ новыя химико-физическіе опыты, дабы привеспи химію, сколько можно, къ философскому познанію и сдѣлалъ часпью основательной физики; изъ оныхъ многочисленныхъ опытовъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ пропорція показаны, сочинены многія цыфирныя таблицы, на 24-хъ полулисповыхъ спраницахъ, гдѣ каждая спрока цѣлый опытъ содержишь.

Въ Физикѣ. 1.) Съ покойнымъ профессоромъ Рихманомъ дѣлалъ химико-физическіе опыты въ лабораторіи для изслѣдованія градуса теплоты, копорый на себя вода принимаетъ опъ погашенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ. 2.) Чинилъ наблюденія электрической си-

лы на воздухъ, съ великою опасностію. 3.) Говорилъ въ публичномъ собраніи рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ, огнь электрической силы происходящихъ, съ исполкованіемъ многихъ другихъ свойствъ напуры. 4.) Дѣлалъ опыты, конми оказалось, что цвѣты, а особливо красный, на морозѣ ярче, нежели въ шеплогѣ.

Въ Исторіи. 1.) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подѣ списки числами. 2.) Чиналъ Россійскіе академическіе льпописцы, безъ записокъ, чптобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. Для Россійской Грамматикки привелъ глаголы въ порядокъ. 2.) Пять проекшовъ со списками на илюминаціи и сейрверки: на 1-е января, на 25 апрѣля, на 5-е септября, на 25 ноября и на 18 декабря.

Въ 1754 году.

Въ Химіи. 1.) Сдѣланы разные опыты химическіе, которые содержались въ журналѣ сего года, на 46 листахъ. 2.) Повтореніемъ повѣрены физико-химическія шаблоны, прошлаго года сочиненныя.

Въ Физикѣ. 1.) Изобрѣнены нѣкоторыя способы къ сысканію долготы и ширины на морѣ при мрачномъ небѣ. Въ практикѣ изслѣдовать сего безъ Адмиралпейства не возможно. 2.) Дѣланы опыты метеорологическіе надъ водою, изъ Сѣвернаго океана привезенною, въ какомъ градусѣ мороза она замерзнуть можетъ. Припомъ были разныя химическіе растворы морожены, для сравненія. 3.) Дѣланы опыты при пильной мельницѣ въ деревнѣ: какъ текущая по наклоненію вода печеніе свое ускоряетъ, и какою силою бьетъ. 4.) Дѣлалъ опытъ машины, копорая бы, подымаясь къ верху сама, могла поднять съ собою маленькой термометръ, дабы знать градусъ теплоты на вышинѣ, копорая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена.

Въ Исторіи. Сочиненъ опытъ Исторіи Славянскаго народа до Рурика: дедикація, вступленіе; глава 1, о старобышнихъ жителяхъ въ Россіи; глава 2, о величествѣ и поколѣніяхъ Славянскаго народа; глава 3, о древности Славянскаго народа, всего 8 лисцовъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1.) Сочинилъ оду на

рожденіе Государя Великаго Князя Павла Петровича. 2.) Изобрѣлъ фейерверкъ, который былъ представленъ на новый 1754 годъ, и списки сдѣлалъ. Также дѣлалъ проскты на иллюминацію и фейерверкъ къ 25 апрѣля, къ 5-му сентября, къ 25 ноября.

Въ 1755 году.

Въ Химіи. Дѣланы разные физико-химическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того жъ года, на 14 листахъ.

Въ Физикѣ. 1.) Сочинилъ диссертацию о должности журналистовъ, въ которой опровергнуты всѣ крипики, учиненныя въ Германіи противъ моихъ диссертаций, въ коментаріяхъ напечатанныхъ; а особливо пропивъ новыхъ теорій о теплотѣ и спужѣ, о химическихъ растворяхъ и упругости воздуха. Она диссертация, переведенная господиномъ Формсенъ на Французскій языкъ и въ журналъ, называемомъ: Нѣмецкая библіотека (*bibliothèque germanique*) на ономъ языкѣ напечатана. 2.) Сочинилъ письмо о сѣверномъ ходу въ Оспѣ - Индію Сибирскимъ океаномъ.

Въ Исторіи. Сдѣланъ опытъ описаніемъ вла-

двѣя первыхъ Великихъ Князей Россійскихъ: Рурика, Олега и Игоря.

Въ Словесныхъ наукахъ. Сочинилъ и говорилъ въ публичномъ собраніи слово похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому. 2.) Сочинилъ большую часть Грамматики, привелъ къ концу, которая въ нынѣшнемъ году печасью къ концу приходилъ. 3.) Сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.

Въ 1756 году.

Въ Химіи. 1.) Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 лиспахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чшобы изслѣдовать, прибываетъ ли въсь мепалловъ опъ часпаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Биція мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха, въсь сожженнаго мепалла остпаешся въ одной мѣрѣ. 2.) Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ былъ воздухъ выпшанушъ, показывали на огнѣ минералы пакіе феномены, какіе химикамъ еще неизвѣсны. 3.) Нынѣ лабораторъ Клеменшьевъ, подѣ

моимъ сморгнѣемъ, изыскиваемъ, по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленыя звѣздки.

Въ Физикѣ. 1.) Изобрѣшенъ мною новый оптическій инструментъ, который я назвалъ нектопическою трубою, *tubus noctopticus*; оный долженъ служить къ тому, чтобы ночью видѣть можно было. Первый опытъ показываетъ на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя проспымъ глазамъ не видны, и весьма надѣяться можно, что спараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ протспереться да такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. 2.) Сдѣлалъ чепыре, новоизобрѣшенные мною, педула, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служить чрезъ механическія спръжки противъ шкото, которой бы былъ вышиною съ чепвертью на вершну. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда ли центръ съ земли, прилегающій къ себѣ пляккія пѣла, спонитъ неподвижно, или перемѣняется мѣсно. 3.) Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною рѣчь о црѣлахъ.

Въ Исторіи. Собранныя мною въ нынѣшнемъ году Россійскіе историческіе манускрипты для

моей библіотеки, пятнадцать книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1.) Сочиняю героическую поэму, именуемую: Петръ Великій. 2.) Сдѣлалъ проектъ со списками для фейерверка къ 18 декабря сего года.

Сверхъ сего въ разные годы зачаты дѣлались диссертациі: 1.) О лучшемъ и ученомъ мореплаваніи. 2.) О твердомъ термометрѣ. 3.) О прясеніи земли. 4.) О первоначальныхъ частицахъ, шъла составляющихъ. 5.) О градусахъ шеплошы и спужи, какъ ихъ опредѣлишь основательно сомнѣніемъ о умѣренности растворенія воздуха на планетахъ. Къ совершенію привеспъ опчасши препятствуюшь другія дѣла, опчасши преняжнымъ печатаніемъ коменпаріевъ охопа онимаешся.

Сумароковъ былъ шупомъ у всѣхъ погдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подспрекали, и забавлялись его выходками.

Фонвизинъ, коего характеръ имѣетъ, нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразни-

вая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ изъ-подъ-пишка писалъ сапиры на Сумарокова и прѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаясь его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ инаго покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ шопъ же: дома, гдѣ всѣ его препенали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлецера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Съченовымъ, по случаю *Гимна Бороды*, ненапечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о неперпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ — и, кажется, жена его хоть была и Нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ: Вдова втораго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? не о Михайлѣ ли Васильевичѣ? То-пуо былъ пустой чловѣкъ! бывало опъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вопъ Тредьяковскій, Василій Кириловичъ — вопъ эпопъ былъ почтенный и порядочный чловѣкъ!» Тредьяковскій

былъ конечно почтенный и порядочный человекъ. Его филологическія и грамматическія изысканія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о Русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль, перевести его стихами и самый выборъ стиха, доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одисея,

Блгожь волны дѣля, изъ оей ушелъ и сокрылся.

Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ больше пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ спарыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго.

Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной идилліи воспѣваетъ графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поправляетъ графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ

Финляндіи; онъ пишетъ: «Его сіятельство графъ М. А. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія Ея Величеству.» Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что распояніе еще одного сословія до другаго въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглоспїю и запанибратствомъ съ людьми высшаго сословія (хотя впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя поспоянть, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благососпоянїемъ, когда дѣло шло о его чести, или о поржесствѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ эпому самому Шувалову, *предстателю Музы, высокому своему патрону, который вздумалъ было надъ нимъ пошупинть.* «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу.» *

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: «Я опспавлю тебя еще академіи.» Нынѣ, возразилъ гордо Ломоносовъ, раз-

* Смотри его письмо къ Г. Ш.

въ академію опть меня описаваяпъ.» Вопть каковъ бытъ эпоть униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ Англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій недавно, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы *to his grace the Duck. etc.* Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился и проч. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила *M-me de Staël*, словесностію занимались, большею частію, дворяне (*en Russie. quelques gentilshommes se sont occupés de littérature*). Это дало особенную фязіономію нашей литературы; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, коихъ почтняютъ себѣ равными, и подносятъ свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить опть него 500 рублей или персень, украшенный драгоценными камнями. Чпо жъ изъ этого слѣдуетъ? чпо нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Коспровъ? Позвольте въ помъ усомниться.

Нынче писапель, краснѣющій при одной мысли посвяпипь книгу свою человѣку, копорый выше его двумя или према чинами, не спыдишся публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣнїи, но копорый можеть повредипь продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленїемъ заманипь покушпиковъ. Нынѣ послѣднїй изъ писаекъ, готовый на всякую привашную подлоспъ, громко проповѣдуепь независимоспъ и пишепь безыменны пасквили на людей, передъ копорыми распиласпя въ ихъ кабинетѣ.

Къ-тому жъ съ нѣкоторыхъ поръ липература спала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состоянїи дать болѣе денегъ, нежели его сїапельспво пакой-по, или его высокопревосходипельспво пакой-по. Какъ бы по ни было, повпоряю, что формы ничего не значапъ. Ломоносовъ и Креббъ доспойны уваженїя всѣхъ честныхъ людей, не смопря на ихъ смиренныя посвященїя; а господа В. и Р. все-таки презрипельны, не смопря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуепь благородную гордоспъ, и что они свои сочиненїя посвящаюпъ не доброму и умному вельможѣ, а какому-нибудь вралю и плуспу, подобному имъ.

IV.

О ЦЕНЗУРѢ.

О ЦЕНЗУРѢ.

Одинъ изъ Французскихъ публицистовъ оспроумнымъ софизмомъ захопѣлъ доказать безразсудность цензуры. Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бы успановить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстные правила, и два человека, чпобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то позволеніе.

Конечно, если бы слово не было общюю при-

надлежностію всего человѣческаго рода, а только миллионной части онаго, по правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но *грамота* не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ *безграмотный* не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотѣями не всѣ равно обладаютъ *возможностію* и *самою способностію* писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изъ всего народонаселенія. Аристократія самая мощная, самая опасная, есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои статьи, свои предразсудки. Что значить аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ успѣвать проливу всеразрушительнаго дѣйствія типографическаго снаряда. Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно.

Мысль! великое слово! Что жъ и составляетъ величіе чловѣка, какъ не мысль? Да будешь же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ чловѣкъ: *въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.*

«Мы въ томъ и не споримъ, говоря прошивники цензуры. Но книги, какъ и граждане отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для шѣхъ и для другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее пресупною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу.»

Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ *речь* и *рукопись* не подлежатъ закону? Всякое правительство вправѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ основать раздачу рукописи, хотя строки оной начерпаны перомъ, а не писаны спанкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная спорона.

Дѣйствіе чловѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

V.

РУССКАЯ ИЗБА.

РУССКАЯ ИЗБА.

Наружный видъ Русской избы мало перемѣнился со времянъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его путешествію. Ничто такъ не похоже на Русскую деревню въ XVI-мъ столѣтіи, какъ Русская деревня въ 1853 году. Изба, мельница, заборъ, даже эша ёлка, это печальное павро сѣверной природы—ничто, кажется, не измѣнилось. Однако произошли улучшения, по-крайней-мѣрѣ на большихъ дорогахъ: пруба въ каждой избѣ; стекла замѣнили напаянный пузырь; вообще болѣе комфорта, того, что Англичане называютъ comfort. Замѣчательно и то, что одинъ иностранецъ, путешественникъ, заспавивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія сею черпою: *и начала сажать хлѣбы въ печь.*

Фонвизинъ, при Импераприцѣ Екатеринѣ II путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба Русскаго крестьянина показалась ему счастливѣе судьбы Французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лабрюера *; слова госпожи Севинье еще сильнѣе, шѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто рассказываетъ, что видѣла и къ чему привыкла. Судьба Французскаго крестьянина не улучшилась въ царствованіе Людовика XV и его преемника.

Прочтите жалобы Англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волосы встанутъ дыбомъ отъ ужасу. Сколько отвратительныхъ изпязненій, непопашныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой какая спрашная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о спроекти Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работа-

* L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, repandus par la campagne, noirs, livides et tout brûlés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible: ils ont comme une voix articulée, et quand ils se levent par leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines: ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, & meritent ainsi de ne pas manquer de ce pain qu'ils ont sémé. *Les caractères.*

ющихъ подѣ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ; дѣло идетъ о сукнахъ г-на Смида, или объ иголкахъ г-на Джексона. И замѣтите, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходишь въ спрогихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе Англійскаго рабочника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣненіи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячь пять или шесть народу и лишаящей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще нестягосны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразориселенъ. Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволь своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промыслитъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ выработывать себѣ деньги... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на Рускаго крестьянина: есть ли и стѣнь рабскаго уничиженія въ его поступки и рѣчи? О его смѣлости и смѣлености и говорить нечего. Переизчлвность его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не

зная ни одного слова по - Русски, и вездѣ его понимающъ, исполняютъ его требованія, заключающъ съ нимъ условія. Никогда не встрѣшите вы въ нашемъ народѣ того, что Французы называютъ un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ челоуѣка, котораго бы не имѣлъ *собственнаго* своего жилища. Нищій, уходя скитаться по міру, оставляетъ свою избу. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову, вездѣ въ Европѣ, есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣсколькx разъ въ день.... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія... Благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помещиковъ; это очевидно для всякаго. Конечно должны еще произойти великія перемѣны, но не должно шоропить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для челоуѣчества....

VI.

ЭТИКЕТЪ.

ЭТИКЕТЪ.

—

Предполагаешь униженіе въ обрядахъ, установленныхъ эпископомъ, если проспо глупость. Англійскій лордъ, представляясь своему королю, спанился на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Эпо не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякой день подписываемся *покорнѣйшими слугами*—и, кажется, никто изъ эпого еще не заключалъ, чтобы мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при дворахъ нашихъ Царей, уничтожены у насъ Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и симъ уложеніемъ, и установила новой эпископъ. Онъ имѣлъ передъ эпископомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ по преимуществу, что быть основанъ на пра-

вилахъ здраваго смысла и въжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ и обыкновеніяхъ, давно измѣнившихся. Покойный Государь * любилъ проспопу и непринужденность. Конечно Государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часпо для нихъ ушомишельныхъ; но эпикешъ еспъ пакже законъ; къ пому же при дворѣ необходимо, ибо всякому, имѣющему честь приближашься къ Царскимъ Особамъ, необходимо знатъ свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ эпикеша, тамъ придворные въ поминупномъ опасеніи сдѣлають что-нибудь неприличное. Не хорошо прослышь невѣжею, не пріятно казашься и подслужливымъ выскочкою.

* Императоръ Александръ Павловичъ.

VI.

ДЕЛЪВИГЪ.

ДЕЛЪВИГЪ.

—

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 года....). Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 182.. году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія гнѣивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ

изъ своихъ поварищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца погдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣскольکو дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, пребывавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи споль же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смущилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямотушю. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которыми будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіи какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе Русскихъ стихопвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державиннымъ онъ не разпадался. Клопшпока, Шиллера, и Гельпи прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ шоварищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ коменпаріемъ. Гораціа изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго села и разговоры съ шоварищами, коихъ умственныхъ склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихопворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилептѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и шой классической спройности, кошпорой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе оппрыски столь прекраснаго шаланца? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между-штымъ какъ стихи одного изъ его шоварищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чиспотѣ мелочной опдѣлки, въ шо же время были расхвалены и

прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ явленіи на крашкѣ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

VIII.

О МИЛЬТОНѢ

И

ШАТОБРИАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ

ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРИАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

—

Долгое время Французы пренебрегали словесноспію своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ Французскихъ привычекъ и отъ правды, установленныхъ Французскими крипиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ; напротивъ, тщательнѣе ихъ преобразовали. Во Французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору. И въ увѣренности, что оказываемъ услугу публикѣ и самому автору, перевод-

чикъ исключалъ изъ книги мѣста, копорья могли бы оскорбить вкусъ образованнаго Французскаго читателя. Справно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вопль къ чему ведетъ невѣжественная спрасль къ народности!... Наконецъ крипики спохвапились. Спали подозрѣвать, что гг. Лепурнеры могли ошибочно судить о Шекспирѣ, и не всѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Опъ переводчиковъ спали пребовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ, въ ихъ народной одеждѣ народные недоспашки. Даже мнѣніе, ушвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ спарашься передать духъ, а не букву, нашло прошивниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ несслыханный!) первый изъ Французскихъ писателей переводитъ Мильпона *слово-съ-слово*, и объявляетъ, что подспрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, если бы только оный былъ возможенъ! Такое смиреніе во Французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить побор-

никовъ *исправительныхъ переводовъ*, и вѣроятно будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его *грубые недостатки* и украсилъ его безъ милосердія; но какъ же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Что сдѣлалъ изъ него г-нъ Альфредъ де Виньи, котораго Французскіе крипики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоппомъ? какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ Парижской публики? Можетъ быть, чистапельи забыли и «*St. Mags*» и «*Кромвеля*», и попому не могушь судить о негѣпости вымысловъ Виктора Гюго. Выведемъ того и другаго на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго чело-вѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ не-лѣпыхъ произведеній чело-вѣка, впрочемъ одарен-наго талантомъ.

Мы не спанемъ слѣдовать за спопыкливимъ

ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной; мы хопимъ только показать нашимъ чипапелямъ, въ какомъ видѣ въ ней представлень Мильпонтъ, еще не извѣстный поэтъ, но полиптичскій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчьемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочесперомъ, переодѣлымъ въ меподиспа, съ чепырьмя шупами; шупъ же находився Мильпонтъ съ своимъ жоапымъ (лицомъ довольно не нужнымъ, ибо Мильпонтъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Прошекшоръ говоритъ Рочесперу:

«Такъ-какъ мы теперь одни, то я хочу по-смѣяться: представляю вамъ моихъ шуповъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бывають очень забавны. Мы все пишемъ списхи, даже и мой старый Мильпонтъ.

МИЛЬТОНЪ (*съ досадою*).

Старый Мильпонтъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

КРОМВЕЛЬ.

Какъ угодно.

МИЛЬТОНЪ.

Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

КРОМВЕЛЬ.

Какое свѣжее воспоминаніе!

мильтонъ (*съ живостію*).

Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе: я сынъ попаріуса, городского альдермана.

КРОМВЕЛЬ.

Ну, не сердись; я знаю, что ты великій есологъ, и даже хорошій спичкошворецъ, хотя пониже Валлера и Джона.

мильтонъ (*говоря самъ про себя*).

Пониже! какъ эпо слово жестоко! Но погодимъ. Увидяшь, опказало ли мнѣ Небо въ своихъ дарахъ. Попомспво мнѣ судія. Оно пойметъ мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама, преспунаго и добраго, и неукропимаго Духа, царшвующаго также надъ одною вѣчностію, высокаго въ своемъ опчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный гений во мнѣ работаетъ. Я обдумываю, *жолга*, странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтономъ утѣшенъ. Такъ, я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

*

ЛОРДЪ РОЧЕСТЕРЪ (*про себя*).

Что онъ тамъ городитъ?

одинъ изъ шутовъ.

Смѣшной мечтапель!

КРОМВЕЛЬ (*пожимая плечами*).

Твой «Иконокласпъ» очень хорошая книга, но твоя чорпъ Левіаѳанъ... (*смѣясь*) очень плохъ...

МИЛЬТОНЪ (*сквозь зубы, съ негодованіемъ*).

Кромвель смѣлся надъ моимъ сапаною!

РОЧЕСТЕРЪ (*подходитъ къ нему*).

Г-нъ Мильшонъ!

МИЛЬТОНЪ (*не слыша его и обратясь къ Кромвелю*).

Онъ это говоритъ изъ-зависпи.

РОЧЕСТЕРЪ (*Мильтону, который слушаетъ его съ разслышностію*).

По чеспи, вы не понимаете поэзію. Вы умны, но у васъ не доспаетъ вкуса. Послушайте: Французы — учили наши во всемъ: изучайте Раkana, читайте его паспушескія спихопворенія. Пусть Аминша и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка

на голубой ленточкѣ; но Ева, Адамъ, адъ, огненное озеро! сапана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли щегольскимъ плащемъ, если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотой шишкою, розовый камзолъ и мантію Флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во Французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

МИЛЬТОНЪ (*удивленный*).

Эпо что за пустословіе?

РОЧЕСТЕРЪ (*кусая губы*).

Опять я забылся! Я, сударь, шушилъ.

МИЛЬТОНЪ.

Очень глупая шушка!»

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что правннхъ государствомъ — бездѣлица; по ли дѣло пишашъ Лапинскіе стихи!

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что проспекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ; государственный секретарь, ты пинишь, ты въ лирическомъ воспоргѣ забылъ, кто я шаковъ и проч.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ бессмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи Англійскихъ королей, Мильпонъ и одинъ изъ придворныхъ шуповъ играютъ главную роль. Мильпонъ проповѣдуетъ республику, шупъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря. . . .

Вопь какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пуспомѣлей выведенъ Мильпонъ человекомъ, который вѣроятно самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую итѣнь! Въ печеніе всей прагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства, ничего инаго Мильпонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Это спарый болшунъ, котораго все презираютъ, и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, господинъ Гюго! не таковъ былъ Мильпонъ, другъ и сродвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, спрогий шворецъ «Иконокласта» и книги: «Defensio populi!» Не какимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ поэтъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell!

Не могъ бытъ посмѣшищемъ разврапнаго Рочеспера и придворныхъ шутокъ пошль, кпо, въ злые дни жертва злыхъ языковъ, въ бѣдности, въ гонзніи и въ слѣпопль сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Пошерянный Рай.»

Если г-нъ Гюго, будучи самъ поэтъ (хоня и впороспепенный), шакъ худо понялъ поэта Мильтона, шо всякъ легко себѣ вообразилъ, что подь его перомъ спало изъ лица Кромвеля, съ копорымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Опль неровнаго, грубаго Викшора Гюго и его уродливыхъ драмъ, перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де Виньи въ своемъ «Сен - Марсъ» шакже выводитъ передъ нами Мильтона, и вопль въ какихъ обспоятельствахъ :

У славной Маріи де Лормъ, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери шолкуешъ имъ свою аллегорическую картину любви; гости въ восхященіи опль крѣпости *Красоты*, сполщей на рѣкѣ *Гордости*, опль деревни нѣжныхъ *Записочекъ*, опль гавани *Равнодушія* и проч. и проч. Всѣ осыпа-

юпть г-жи Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарпа, которые шупть же находяпся. Вдругъ хозяйка предспавляетъ обществу молодого, пупешествующаго Англичанина, Мильпона, и заспавляетъ его чипашь гостямъ опривки изъ «Поперяннаго Рай.» Хорошо. Да какъ же Французы, не зная Англійскаго языка, поймушъ Мильпоновы спихи? Очень просто: мѣспа, кошорья онъ будешъ чипашь, переведены на Французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильпонъ будешъ декламировапъ, а гости слѣдовапъ за нимъ. Да зачѣмъ же ему безпокоипся, если уже спихи переведены? Спало быпъ, Мильпонъ великій декламапоръ, или звуки Англійскаго языка чрезвычайно чюбопыпны? А какое дѣло графу де Виньи до всѣхъ эпихъ нелѣпыхъ несообразностей? Ему надобно, чпобъ Мильпонъ чипалъ въ Парижскомъ обществѣ свой «Поперянный Рай», и чпобъ Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильпонъ, не смопря на то, чпо назначенныя мѣспа для чпенія переведены, и чпо онъ долженъ чипашь ихъ по порядку, ищепъ въ памяши своей то, чпо, по его мнѣнію, болѣе про-

изведеть дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда (неизъясненнаго г-мъ де Виньи) всѣ его понимаютъ. Де Барро находятъ его припорнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ, Марія де Лормъ очень пронула описаніемъ Адама въ первобытномъ его сословіи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплименстами и пр. и пр.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не спалъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ, и въ домъ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ, неизвѣсномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, по закрывая глаза, по взводя ихъ въ пополокъ. Разговоры его съ де Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодого человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де Виньи, хопише ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудшокѣ» встрѣчу одного изъ

дѣйствующихъ лицъ съ Мильпономъ въ кабинетъ Кромвеля.

Французскій романистъ конечно не довольствовался бы такимъ незначущимъ и ещеспвеннымъ изображеніемъ. У него Мильпонъ, занятый государственнымъ дѣлами, непременно перялся бы въ пиншическихъ мечпаніяхъ и на поляхъ какого-нибудь опчепа намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ «Поперяннаго Рая»; Кромвель бы эпо подмѣщилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихопыстомъ, вралемъ и проч. и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Валшеръ Скошпъ и не подумалъ.

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ Французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую пѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильпона почти слово-въ-слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ Французскаго языка: трудъ тяжельй и неблагодарный, незамѣнный для большинства чинапелей, и который можетъ быть оцѣненъ двумя, прѣмъ знапоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобріанъ нашелъ въ Низарѣ крипика неумоли-

маго. Низаръ въ спашь, исполненной понкой смѣшливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобрианомъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что, спараясь передать Мильтона *слово-въ-слово*, Шатобрианъ однако не могъ соблюсти въ своемъ предложенiи вѣрности смысла и выраженiя. Подспрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженiя, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соотвѣствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: *Comment vous portez vous; How do you do.* Попробуйте перевести ихъ *слово-въ-слово* на Русскiй языкъ *.

Если уже Русскiй языкъ, столь гибкiй и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношенiяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подспрочному, къ предложенiю *слово-въ-слово*, то какимъ образомъ языкъ Французскiй, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь

* Кстати: недавно (въ Телескопѣ, кажется) кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ вѣроятно блеснуть знанiемъ Итальянскаго языка и извѣсти переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженiе *'batarsi la quancia* бить себя по щекамъ. *Batarsi la quancia* значитъ раскаться; перевести иначе, не имѣло бы никакого смысла.

пристраспный къ своимъ преданіямъ, споль не-
пріязненный къ языкамъ, даже ему единоплемен-
нымъ, выдержипъ паковой опытъ, особенно въ
борьбѣ съ языкомъ Мильпона, сего поэта, вмѣ-
стѣ и изысканнаго и простодушнаго, и пемна-
го, и запушаннаго, и выразительнаго, и свое-
нравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Поперяннаго Рая» естъ порговая
спекуляція. Первый изъ современныхъ Француз-
скихъ писателей, училель всего пишущаго по-
колѣнія, бывшій нѣкогда первымъ миниспромъ,
нѣсколько разъ посланникомъ, Шашобріанъ на
спароспи лѣтъ перевелъ Мильпона *для куска*
хлѣба. Каково бы ни было исполненіе шруда, имъ
предпринятаго, но самый сей шрудъ и цѣль
онаго дѣлаюптъ честь знаменитому спарцу. Ша-
шобріанъ, копорый, попорговавшись немного съ
самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться
щедропами новаго правительствва, власпію, по-
чеспиями и богатствомъ, предпочелъ имъ чест-
ную бѣдность и, уклонившись отъ палаты це-
ровъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчи-
вый его голосъ, приходиптъ въ книжную лавку
съ продажной рукописью, но съ неподкупной со-
вѣспію. Послѣ эшого, что скажеть крипика?
Спанелтъ ли она спротоспію оцѣнки смущашь

благороднаго пруженика и, подобно скупому покупщику, хулишь его поварь? Но Шапобрианъ не имѣеть нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и крипика можетъ оказаться спрогою къ ихъ недоспапкамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, спраницы достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасушь его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недоспапки.

Англійскіе крипики спрого осудили «Опытъ объ Англійской литературе.» Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недоспапчнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шапобриана требовали ученой крипики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не шого должно было искашь въ семъ блестящемъ обзорѣни. Въ ученой крипикѣ Шапобрианъ не пвердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, копорыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ, и кое-какъ отдѣльвается отъ скучной должности библіографа; но поминушно изъ-подъ пера его вылепають вдохновенныя спраницы; онъ поминушно забываетъ крипическія изыска-

нія, и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ шѣми, коимъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много просподушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ опривкахъ, чуждыхъ исторіи Англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта.»

IX.

7

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

Родъ Байроновъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ Англійской аристокраціи, младшей между Европейскими, произошелъ отъ Норманца Ральфа де Бюронъ (или Бирона), одного изъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя. Имя Байроновъ съ честью упоминается въ Англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643-мъ году. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими пвораеніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыхъ наследовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того слава, имъ самимъ приобретенная, нанесла ему и мелочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго барона,

предавая имя его на произволъ молвы, ко всему равнодушной и ничего не уважающей.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и опецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда *Cormorthen* и женился на ней пошчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ попомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ вдовецъ, для поправленія своего распроеннаго состоянія, женился на миссъ *Gordon*, единственнѣй дочери и наследницѣ *Георгія Gordon*, владѣльца *Гайфскаго*. Бракъ сей былъ несчастливъ: 23,500 фунт. стерл. (587,500 руб.) были распочены въ два года—и *mistriss* Байронъ осталась при 150 фунт. стерл. годоваго дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію, и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787-го года.

Въ слѣдующемъ году, 22-го января, леди Байронъ родила единственнаго своего сына *Георгія Гордона Байрона*. (Въ слѣдствіе распоряженій фамильныхъ, наследница *Гайфская* должна была сыну своему передать имя *Гордона*). Новорожденнаго крестили герцогъ *Гордонъ* и полковникъ *Дозъ*. При его рожденіи повредили ему ногу, и

лордъ Байронъ полагалъ пому причиною спыдливоспъ и упрямство своей мапери.

Въ 1790 г., леди Байронъ удалилась въ Абердиль, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколькo времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкoмъ несовмѣспны: вскорѣ попомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валенсепѣ въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердиль, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ; но на другой же день онъ опослалъ неугомоннаго ребенка къ его мапери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мисприссъ Байронъ была проста, вспылчлива и во многихъ опношеніяхъ безразсудна; но пвердоспъ, съ кошорою она умѣла перенеспъ бѣдность, дѣлаелъ честь ея правиламъ. Она держала одну шолько служанку, и когда, 1798 года, повезла она молодаго Байрона вспупапъ во владѣніе Нью-Спида, деньги ея не превыпали 60-пи фуншовъ сперлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствевахъ своего дѣтства, находя ихъ унижительно-ными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ Абердильской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ, и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подрапья и опплатить старую обиду.

Нѣкто Пазеринъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ попомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году леди Байронъ повезла его въ горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины.

Суровыя красоты Шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи опрока.

Около того же времени осмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. Черезъ 17-ть лѣтъ

послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ самъ описалъ свою раннюю любовь.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюспидѣ старый лордъ Вильгельмъ Байронъ. За чепыре года предъ симъ, родной внукъ его скончался въ Корсикѣ—и маленькій Георгій Байронъ оспался единствен-нымъ наследникомъ имѣній и шипула своего рода; но, какъ несовершенно-лѣтній, онъ опцданъ былъ въ опеку лорду Карлилю, дальнему его род-ственнику, и восхищенная mistress Байронъ осенью того же года оспавила Абердилъ и опправилась въ древній Ньюспидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Лири Гре.

Лордъ Вильгельмъ, братъ адмирала Байрона, роднаго дѣда его, былъ человекъ спранный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника. Они дрались безъ свидѣ-телей, въ пракширѣ, при свѣчкѣ. Дѣло эпо произвело много шуму—и палапа перовъ при-знала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однако жъ освобожденъ опъ наказанія. Съ шѣхъ поръ жилъ въ Ньюспидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплешень и клеветы. Носились самыя негѣные слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли,

что онъ однажды покушался ее упоить въ Ньюспидскомъ пруду.

Онъ спарался раззорить свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники его были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скупость, старый лордъ имѣлъ часно нужду въ деньгахъ, и доспавалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рогдаль, родовое владѣнiе, безъ всякаго на то права (что знали и покупщики; но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣюшь уничтожить незаконную куплю).

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенiя съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ *мальчикъ, что живетъ въ Абердиль.*

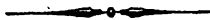
Первые годы, проведенные лордомъ Байрономъ въ соспанiи бѣдномъ, несообщившемъ его рожденiю, подъ надзоромъ пылкой мащери, спюдь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ

и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно попярая чувствительность, оставило въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя пошомъ сдѣлались главными знаками его характера.

Замѣчаютъ справедливо Муръ, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны смѣлая предприимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой—необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по-смерти лордомъ Вильгельмомъ, сильно подѣйствовала на воображеніе его наследника: многое перенялъ онъ у своего сиротнаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ удивительнаго Ньюспидскаго барона.

Обсцощельство, повидимому маловажно, имѣло шоль же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена—и Байронъ остался хромымъ на всю свою жизнь. Эшопъ физическій недоспашокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уро-

домъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды мисприссъ Байронъ выбрала его *хромымъ мальшикою*. Будучи собою красавецъ, онъ дичился общесва людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недоспапокъ усиливалъ въ немъ желаніе опличаться во всѣхъ упражненіяхъ, преобладающихъ силы физической и проворства.

Х.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ

ІОАННЫ ДАРКЪ.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕН- НИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

—

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1856 году, умеръ нѣкто г-нъ Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), попомокъ роднаго брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвспвенницы. Г-нъ Дюлисъ переселился въ Англию въ началѣ Французской революціи. Онъ былъ женатъ на Англичанкѣ и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наследникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство рода господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго шоргу за весьма дорогую цѣну, шакъ же, какъ и лю-

большинный автографъ: письмо Вольтера къ опцу покойнаго г-на Дюлиса.

Повидимому Дюлисъ, отецъ, былъ добрый дворянинъ, мало занимавшійся литературою. Однако жъ около 1767 года дошло до него, что нѣкто *mr. de Voltaire* издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героннѣ. Книга продавалась очень дорого. Г-нъ Дюлисъ рѣшился однако жъ ее купить, полагая найсти въ ней достоверную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными карпинками. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо сіе такъ же, какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналъ *Morning Chronicle*).

Милостивый Государь!

Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть лудировъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростибельныхъ для человѣка, знающаго сколько - нибудь

испорію Франціи, по еще и негѣпою клеветною касашельно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвспивенницы, Агнессы Сорель, господъ Лапримуля, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знапныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамопгъ, копорыя храняпся у меня въ замкѣ моемъ (Tournebu, baillage de Chaumont en Tourraine) вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукъ д'Аркъ дю Ферону (Lucas d'Arc seigneur du Feron), отъ котораго происхожу по прямой линіи. А посему, не только я полагаю себя въ-правѣ, но даже и спавлю себя въ непремѣнную обязанность требовапъ отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злоспныя и лживыя показанія, копорыя вы себя дозволили напечатать касашельно вышеупомянутой дѣвспивенницы. И такъ, прошу васъ, милоспивый государь, дапъ мнѣ знапъ о мѣспѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла.

Чеспъ имѣю и проч.

Не смопря на смѣшную спорону этого дѣла, Вольтеръ принялъ его не въ-шутку. Онъ испугался шуму, копорый могъ бы изъ шого прои-

зойши, а можетъ - быть, и шпаги цесковливаго дворянина, и пошчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ.

22 мая 1767.

Милостивый Государь!

Письмо, копорымъ вы меня удоспоили, за-спало меня въ поспели, съ копорой не схожу вопъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволише знашь, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и гореспями, а не одинъ изъ пѣхъ храбрыхъ рыцарей, опъ копорыхъ вы произошли. Могу васъ увѣришь, что я никакимъ образомъ не учаспвовалъ въ соспавленіи глупой рифмованной хроники (*l'impertinente chronique rimée*), о копорой изволише мнѣ писашъ. Европа наводнена печашными глупоспиями, копорья публика великодушно мнѣ приписываешъ. Лѣтъ сорокъ пому назадъ, случилось мнѣ напечапашъ поэму подъ заглавіемъ Генріада. Исчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлоспъ обрапипсья къ знаменипой вашей родспвенницѣ (*votre illustre cousine*) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglais et le soutien du trône.

Вопть единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы прудиться для удовольствія публики, бессмысленной и неблагодарной.

Честь имѣю быть,
милосивый гбсударь,
вашимъ покорѣйшимъ слугою

VOLTAIRE

gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналистъ, по поводу навсчапанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія :

« Судьба Юанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея опечеству, по-истинѣ достойна изумленія: мы конечно должны раздѣлять съ Французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство Англичанъ можетъ еще быть извинено предрасудками вѣка, ожеспochenіемъ оскорбленной народной гордости,

которая искренно приписала дѣйствию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность Французовъ? Конечно не спрахомъ діавола, котораго испари не боялись. По-крайней-мѣрѣ мы хоть что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы; нашъ Лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственныя порывы своего (еще не купленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ; какъ же Франція поспаралась загладить свое кровавое пятно, замазавшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственнымъ Иоанны д'Аркъ; но ихъ попомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ Французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе прогашельнаго, болѣе поэтическаго, жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольперъ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть испинно поэпомъ, и вопль на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сапаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, плывшія въ пепелъ мученическаго костра, и какъ пьяный дикаръ пляшетъ около своего погѣшнаго огня.

Онъ, какъ Римскій палачъ, присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма Лаурсапа не споймъ конечно поэмы Вольпера въ отношеніи силы вымысла; но творенія Соупе есмъ подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго воспорга. Замѣнимъ, что Вольперъ, окруженный во Франціи врагами и зависниками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его пресупная поэма. Самые ожесточенные враги его были безоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени кинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего опечесства, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неспощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и m-me Jeoffrin, но и въ спаринныхъ залахъ потомковъ Лагира и Лапримудья. «Жалкій вѣкъ! Жалкій народъ!»

XI.

Врачское

ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА.

ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА.

Вольперъ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини» пишетъ онъ «случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному испорнику. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заключеніе на островъ Св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коѣй нижняя часть была на пружинахъ, такъ - что онъ могъ дышать, не сымая ее съ лица. Приказано было, въ случаѣ, если бы онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 года, когда Сен-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Басилію, пріѣхалъ за нимъ и пре-

проводилъ его въ Баспилю, все пакъ же маскированного. Передъ тѣмъ маркизь де Лувуа посѣтилъ его на семь оспровѣ, и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Баспилю, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое шонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Сполъ его былъ самый опличный. Губернапоръ рѣдко садился передъ нимъ. Сшарый лекарь, часпо его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хопя и осматривалъ его языкъ и другія часпи тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣшомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ прогашелень; онъ никогда не жаловался и не намекалъ на свое соспоянiе.

«Неизвѣстный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью въ приходѣ Св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на оспровъ Св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безъ всякаго сомнѣнiя, былъ особа важная. Доказательствомъ шому служилъ происшествiе, случившееся въ первые дни его зашоченiя на оспровѣ. Самъ губернапоръ прино-

силъ ему кушанье на столъ, запираетъ дверь и удаляется. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножомъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. «Читалъ ли ты, что тутъ написано?» спросилъ онъ у рыбака: «и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?» Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ; я сей-часъ ее нашелъ; никто ея не видалъ. Рыбака задержали, пока не удостоверились, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...» Г-нъ де Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зная его, маршалъ де-ла Фельдъ сказывалъ мнѣ, что при смерти своего пестя, онъ на колѣнахъ умолялъ его открытъ, кто таковъ былъ человекъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ отвѣщивалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ея не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтверждаютъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе.»

Сія строка произвела большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Спали

разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто бы за пощечину, имѣ данную дофину (Лудовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бюфоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни Парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч. и проч. Самъ Вольперъ, опровергнувъ всѣ сіи мнѣнія съ ясностью крипшики, ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Лудовика XIV, жертва честной любви и полишики жестокосердой. Доказательства Вольпера были слабы. Загадка оставалась неразрѣшенной. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнаруженіе ея архива ничего не могло опровергнуть касательно истиннаго заговорника.

III.

РОСЛАВЛЕВЪ.

РОСЛАВЛЕВЪ.

Читая Рославлева, съ изумленіемъ увидѣла я, что завязка его основана на истинномъ происшествіи, слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ несчастной женщины, выбранной г-мъ Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Вниманіе публики вновь обратилось на происшествіе забытое; а чувства ненависти и негодованія, усыпленные временемъ, пробудились и возмутили спокойствіе могилы. Я буду защитницею пѣни, и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участью бѣдной моей подруги.

Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній.

Легко можно себя вообразить, что должна была чувствовалашъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, промѣнявъ анпресоли и учипелей на непрерывные балы и визиты. Я предавалась вихрю веселій со всею живоспью моихъ лѣтъ, и еще не размышляла. Жаль: погдашнее время спомно наблюдений.

Между дѣвицами, выѣхавшими вмѣстѣ со мною въ свѣтъ, опличчалась княжна ** (г-нъ Загоскинъ назвалъ ее Полиною; оспавляю ей это имя). Мы скоро подружились вопъ по какому случаю.

Брапъ мой, двадцати-двухъ-лѣтній малой, принадлежалъ сословію погдашнихъ франповъ; онъ считался въ иноспранной коллегіи и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши дома. Брапъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ.

Сблизась съ Полиною, изъ угожденія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много спраннаго, и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительна я спала смотрѣть ея глазами и думашъ ея умомъ.

Отецъ Полины былъ человекъ солидный, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключъ и звѣзду; впрочемъ былъ въпренъ и проспъ. Мать ея, напропивъ, была женщина спепенная и опшичалась важностью и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками; съ нею любезничали, но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодноспи. Это чрезвычайно шло къ ея греческому лицу и чернымъ бровямъ. Я торжеспвовала, когда мои сапирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скучающее лицо.

Полина чрезвычайно много чипала и безъ всякаго разбора. Ключъ опть библиотеки опца ея былъ у нея. Библиотека большею частію состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность опть Монпескье до романовъ Кребийлона была ей знакома. Руссо знала она наизуспъ. Въ библиотекѣ не было ни одной Русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, копорыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ прудомъ разбирала Русскую печашь, и вѣроятно ничего по-Русски не чипала, не исключая спишковъ, поднесенныхъ ей Московскими спихопворцами.

Здѣсь позволю себѣ маленькое опешупленіе. Вопшь уже, слава Богу, лѣпшь придѣать, какъ браняпть насъ за шо, чпо мы по-Русски не читаемъ и не умѣемъ (будшо бы) изъясняпсь на опешественномъ языкѣ. (NB. Авшору Юрія Милославскаго грѣхъ повторапшь эпи пошлыя обвиненія: мы всѣ прочли его и, кажешся, одной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего романа на Французскій языкъ). Дѣло въ помѣ, чпо мы бы и рады читашь по-Русски; но словесность наша, кажешся, не спарѣ Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она предспавляешь, конечно, намъ нѣсколькo опличныхъ поэповъ, но нельзя же опть всѣхъ читашелей пребовашь исключительной охопы къ спихамъ. Въ прозѣ имѣемъ мы шолько Испорію Карамзина; первые два или при романа появились два или при года пому назадъ. Между пѣмъ, какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе, поминупіно слѣдуюпть одна за другой. Мы не видимъ даже переводовъ; а если и видимъ, шо, воля ваша, я все-таки предпочипаю оригиналы. Журналы наши занимательны шолько для нашихъ липеранпоровъ. Мы принуждены всѣ извѣстія и понятія черпашь изъ книгъ иностраннхъ; такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ всѣ шѣ, копо-

рые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человѣческаго рода). Въ эпюмъ признались мнѣ самыя извѣстныя наши императоры. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ коемъ оставляемъ мы Русскія книги, похожи на жалобы Русскихъ торговцевъ, негодующихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлеръ, а не довольствуемся произведеніями Коспромскихъ модисковъ. Обращаюсь къ моему предмету.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны, даже въ эпоху имперскую. Однако жъ появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Эта путешественница была *m-me de Staël*.

Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть Московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засушилось; не знали, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, давали ей обѣды. Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее, и были по большей части недовольны ею. Они видѣли въ ней пятидесятилѣтнюю бабу, одѣтую не по-лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полинны, знавшій *m-me de Staël* еще въ Парижѣ, далъ

ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ Московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу Корины. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, сверпывая и разверпывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ-духъ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожности своихъ мыслей и оробѣвшіе въ присутствіи Европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе госпей раздѣлено было между блюдами и *m-me Staël*. Ждали отъ нея поминутно *bon mot*; наконецъ вырвалось у ней двусмысліе и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захопали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину: лице ея пылало и слезы показались на ея глазахъ. Госпи вспали изъ-за стола, совершенно примиренные съ *m-me de Staël*. Она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

Что съ побою сдѣлалось, *ma chère*? спросила я Полину; не уже ли шутка, немножко воль-

ная могла до такой степени себя смутить? Ахъ! милая, опивчала Полина, я въ опчаяніи! Какъ ничпожно должно было показаться наше общество эпой необыкновенной женщины! Она привыкла быть окружена людьми, копорые ее понимаютъ, для копорыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово—никогда не поперяны; она привыкла къ увлекашельному разговору высшей образованности. А здѣсь.... Боже мой! ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ печеніе цѣлыхъ прехъ часовъ! тупыя лица, глупая важность.... и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась упомленной! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились.... Я сгорѣла со стыда, я гошова была заплакать.... Но пусть она, съ жаромъ продолжала Полина, вывезетъ объ нашей свѣтской черни мѣтніе, копорого они достойны. По крайней мѣрѣ она видѣла нашъ добрый, простиой народъ и понимаетъ его. Ты слышала, что сказала она дядюшкѣ, этому спарому несносному шуту, копорый, изъ угожденія иносранкѣ, вздумалъ—было смѣяться надъ Русскими бородами? « Народъ, копорый опсшоялъ свою бороду, опсшоятъ въ наше время и свою голову.» Какъ

она мила! какъ я люблю ее! какъ ненавижу ея гонимеля!

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другіе глаза остановились на ней въ ту же самую мигу: черные, пронцапельные глаза самой m-me de Staël. Не знаю, что подумала она, но только послѣ обѣда она подошла къ моей подругѣ и съ нею разговорилась. Черезъ нѣсколько дней m-me de Staël написала ей слѣдующую записку:

Ma chère enfant, je suis toute malade; il serait bien aimable à vous de venir me ranimer; tachez de l'obtenir de m-me votre maman et veuillez lui présenter les respects de votre amie de S.

Эта записка хранилась у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ m-me de Staël, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти опъ славной женщины, споль же добродушной, какъ и геніальной.

До чего доводитъ охопа къ злословію! Недавно рассказывала я все это за обѣдомъ у **. Можеть быть, замѣтили мнѣ, m-me de Staël была ничто иное, какъ шпионъ Наполеоновъ, а

княжна * * доставляла ей нужныя извѣстія. Послушайте: m-me de Staël, десятль лѣтъ гонимая Наполеонѣмъ, благородная, добрая m-me de Staël, насилу убѣжавшая подѣ покровительствѣ Русскаго Императора, m-me de Staël, другъ Шамобріана и Байрона, m-me de Staël будетъ шпиономъ у Наполеона!..... Очень, очень можетъ спашься, возразила мнѣ красноносая графиня Б.; Наполеонъ былъ такой хипрецъ, а m-me de Staël препонкая шпука.

Всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе Французскому пону временъ Людовика XV было въ модѣ.

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе Государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились проспонародные лещки графа Расвиопчина; народъ ожешпочился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы спрухнули.

Гонители Французскаго языка у Кузнецкаго моспа взяли въ обществѣхъ рѣшительный верхъ, а госпиныя наполнились папріюнами: кино высыпалъ изъ шабакерки Французской шабакъ и спалъ нюхашъ Русской; кино сжегъ десяпокъ Французскихъ брошюрокъ; кино отказался опъ

лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ заклились говорить по-Французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мишинѣ, и спали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ Саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Пресненскихъ прудахъ, она нарочно говорила по - Французски; за споломъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала папріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу опечесства. Полина презрительно улыбалась. «Дай Богъ, говорила она, чтобы всѣ Русскіе любили свое опечесство, какъ я его люблю.» Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость. «Помилуй, сказала я однажды, охота тебѣ вмѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть мужчины себѣ дерущся, и кричатъ о полишкѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта.» Глаза ея засверкали.— Спыдись, сказала

она, развѣ женщины не имѣютъ опечесства? развѣ нѣтъ у нихъ опцовъ, брапьевъ, мужей? Развѣ кровь Русская для насъ чужда? или пы полагаемъ, что мы рождены для того только, чпобъ насъ на балъ верпѣли въ экосезахъ, а дома заспавляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ! Я знаю, какое влїяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю униженїя, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на *m-me de Staël*. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непрїятельской силой..... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостїю при приближенїи Французской арміи: «будьте покойны, сударыня, Наполеонъ воюетъ проптивъ Россїи, а не проптиву васъ...» Да! Если бъ дядюшка попался въ руки Французамъ, по его бы пуспили гулять по Пале-Роялю; но *m-me de Staël* въ такомъ случаѣ умерла бы въ государспвенной темницѣ. А Шарлотта Корде? а наша Марѳа Посадница? а княгиня Д**? чѣмъ я ниже ихъ? Ужъ вѣрно не смѣлостїю души и рѣшительностїю.—Я слушала Полину съ изумленїемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честполюбія. Увы! къ чему привели ее необыкновенныя качесства души и мужеспвенная возвышенность ума? Правду сказалъ

мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes *.

Пріѣздъ Государя усугубилъ общее волненіе. Воспоргъ папріотизма овладѣлъ наконецъ и высшимъ обществомъ. Госпиныя преврапились въ палаты прѣній. Вездѣ толковали о папріотическихъ пожертвованіяхъ. Повпоряли безмерпную рѣчь молодого графа Мамонова, пожертвовавшего всѣмъ своимъ имѣніемъ. Нѣкопорыя маменьки послѣ того замѣнили, что графъ ужъ не пакой завидной женихъ, но мы всѣ были опъ него въ восхищеніи. Полина бредила имъ. «Вы чѣмъ пожертвуете?» спросила она разъ у моего брата.—Я не владѣю еще моимъ имѣніемъ, опвѣчалъ мой повѣса. У меня всего-на-все 30,000 долгу: приношу ихъ въ жертву на алтарь опечества. Полина разсердилась. «Для нѣкопорыхъ людей, сказала она, и честь и опечество— все бездѣлица. Братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ госпиныхъ. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтобы позволилъ пакимъ фиглярамъ припворяться передъ нею въ любви.» Братъ мой вспыхнулъ.—Вы слишкомъ взыскапельны, княжна, возразилъ онъ. Вы пребудете, чтобы всѣ видѣли въ васъ т-ше

* Кажется, слова Шатобріана. *Примѣч. изд.*

de Staël и говорили бы вамъ пирады изъ Корины. Знайше, что кто шупипть съ женщиною, шопть можепть не шупипть передъ лицомъ опечеспва и его неприяпелемъ.—Съ эпимъ словомъ онъ опшвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинъ понравилась дерзоспть моего брапа; она проспила ему неуѣспную шупку за благородный порывъ негодованія, и узнавъ чрезъ недѣлю, что онъ вспупилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобъ я ихъ помирила. Брапъ былъ въ воспоргъ. Онъ шупть же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но оперочила свою свадьбу до конца войны. На другой день брапъ мой опправился въ армію.

Наполеонъ шель на Москву; наши опспупали; Москва шревожилась; жишели ея выбрались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговорили машушку вмѣспть вхашъ въ ихъ * * * скую деревню.

XIII.

НЕОТОНЧАННЫЯ ПОВѢСТИ.

НЕКОНЧАНЫЯ ПОВѢСТИ.

I.

Въ 179 . . году возвращался я въ Лифляндію съ веселою мыслию: обнять мою спарушку-мать послѣ чепырехъ - лѣпней разлуки. Чѣмъ болѣе приближался я къ нашей мызѣ, тѣмъ сильнѣе волновало меня неперпѣніе. Я погонялъ почшаря, хладнокровнаго моего единоемца, и душевно жалѣлъ о Русскихъ ямщикахъ и объ удалой Русской ѣздѣ.

Къ умноженію досады, бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ оспановишься. Къ счастью, станція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чтокъ выслать людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было

въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханныя поля, съ другой луга, поросшіе мелкимъ куспарникомъ. Издали слышалась печальная пѣснь молодой Эстонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ... и замеръ безъ опзыва. Я удивился. Въ сосѣдствѣ не находилось ни одной крѣпости; какимъ же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть услышанъ въ этой мирной споронѣ? Я рѣшилъ, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь поблизости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минушу къ занятіямъ военной жизни, мною по-люкочпо покинушой.

Подходя къ деревнѣ, увидѣлъ я въ споронѣ господской домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы. Проходя мимо ихъ, я поклонился и отправился на почшовой дворъ.

Едва успѣлъ я справиться съ лѣнливыми кузнецами, какъ явился ко мнѣ спаричекъ, опспавной Русскій солдашъ, и опгъ имени барыни позвалъ меня опкушашъ чаю. Я согласился охотно, и опсправился на господскій дворъ.

Дорѣгой узналъ я опгъ солдаша, что спарую барыню зовуть Каролиной Ивановной, что она

вдова, что дочь ея, Каперина Ивановна, уже въ невѣспахъ, что объ такія добрыя и проч....

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ меня, мою фамилію, Каролина Ивановна сочлась со мною свойспвомъ; и я узналъ въ ней вдову фонъ М., дальняго намъ родственника, храбраго генерала, убишаго въ 1772-мъ году.

Между-тѣмъ, какъ я повидному со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доброй Каролины Ивановны, я украдкою посмапривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее яншарное масло на ломпики домашняго хлѣба. 18-ть лѣтъ, круглое румяное лице, темныя, узенькія брови, свѣжій рошикъ и голубые глазки—вполнѣ оправдывали мое ожиданіе. Мы скоро познакомились, и на прѣпшней чашкѣ чаю уже обходился я съ нею какъ съ кузиною. Между-тѣмъ бричку мою привезли; Иванъ пришелъ мнѣ доложить, что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день упромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорчило, и, по приглашенію Каролины Ивановны, я оспался ночевать

II.

МАРІЯ ШОНИНГЪ*.

АННА ГАРЛИНЪ КЪ МАРІИ ШОНИНГЪ.

25-го апрѣля.

Милая Марія!

Что съ тобою дѣлаешься? Ужъ болѣе чепы-
рехъ мѣсяцевъ не получала я отъ тебя ни
спрочки. Здорова ли ты? Если бы не всегдашнія
хлопоты, я бы ужъ побывала у тебя въ гос-
тяхъ; но ты знаешь: 21 мѣся—не шутка. Безъ

* *Marie Schoning et Anne Harlin jugées en 1778 à Nuremberg.*

Marie Schoning, fille d'un ouvrier de Nuremberg, perdit son père à 17 ans. Elle le soignait seule, la pauvreté l'ayant forcé de renvoyer leur unique servante Anne Harlin.

En revenant de l'enterrement de son père, elle trouva deux officiers du revenu public, qui lui demandèrent à visiter les papiers

меня хозяйствомъ спанеть; Францъ въ немъ ничего не смыслилъ: наспоищій ребенокъ. Ужь не вышла ли ты за-мужь? Нѣшь, вѣрно ты бы обо мнѣ вспомнила — и порадовала свою подругу

du defunt, pour s'assurer s'il avoit payé les taxes en proportion de sa propriété. Ils trouvèrent après l'examen que le vieux Schoning n'avoit pas payé en proportion de ses moyens: ils mirent les sceaux. La jeune fille se retira dans une chambre sans meuble jusqu'à ce que les directeurs du tresor public eussent décidé sur cette affaire.

Les officiers du fisc reviennent avec la decision de leurs chefs, muns d'un ordre qui enjoignait Marie Schoning de quitter la maison, confisquée au profit du tresor.

M-r Schoning était pauvre, mais économe. Une maladie de trois ans epuisa tout ce qu'il avoit amassé. Marie alla chez les commissaires. Elle pleura, et le bureau fut inflexible.

La nuit elle alla au cimetièrre de S-t Jacque.—Elle en sortit le matin.

La police de Nurenberg assigne un demi-couronne aux gardes de nuit pour chaque femme arretée la nuit après 10 heures. Marie Schoning fut conduite au corps de garde. Le lendemain elle fut emmenée devant le magistrat qui la renvoya, en la menaçant de l'envoyer dans la maison de correction en cas de tardivité.

Marie voulait se jeter dans la Pegnitz. . . On l'appelle: elle vit Anne Harlin, ancienne servante de son père, qui avait épousé un invalide. Anne la consola: la vie est courte, lui dit-elle, et le ciel c'est pour toujours, mon enfant.

Marie fut recueillée chez les Harlins pendant une année. Elle y mena une vie assez misérable. Au bout de ce tems elle tomba malade. L'hiver vint, l'ouvrage manqua; de fisc des denrées s'accrut. Les meubles furent vendus pièce à pièce, excepté le bois de lit de l'invalide qui mourut au printemps.

Un pauvre medecin traitait gratis le mari et la femme. Il apportait quelquefois une bouteille de vin, mais il n'avait pas d'argent. Anne se reblit; mais elle devient apathique: le travail manqua tout à fait.

вѣспію о своемъ счастьи. Въ последнемъ письмѣ ны писала, что твоя бѣднѣй опець все еще хвораетъ; надѣюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче. О себѣ скажу, что я, слава Богу, здорова и счастлива. Работа идетъ

Au commencement de Mars, un soir, Marie sortit tout à coup.

Elle fut arrêtée par la patrouille de nuit. Le caporal la plaça au milieu des soldats, et lui dit que le lendemain elle sera souettée. Marie s'écria qu'elle était coupable d'un infanticide....

Amenée devant le juge, elle déclara avoir été accouchée par la femme Harlin et que celle-ci avait enterré son enfant dans un bois. Anne Harlin fut tout à coup arrêtée, et sur sa dénégation confrontée avec Marie, elle nia tout.

On apporta les instruments de tortures. Marie s'épouvanta — elle saisit les mains liées de sa prétendue complice et lui dit: « Anne, fais l'aveu qu'on te demande! Ma bonne Anne, tout sera fini pour nous, et Frank et Nany seront mis dans la maison des orphelins. »

Anne la comprit, l'embrassa, et dit — que l'enfant fut jetté dans la Pegnitz.

Le procès fut rapidement instruit. Elles furent condamnées à mort. — Le matin du jour fixé, elles furent amenées à l'église, où elles se préparèrent à la mort par la prière. Sur la charette Anne fut fermée. Marie fut agitée. Harlin monta sur l'échafaud et lui dit: encore un instant, et nous serons là (au ciel)! Courage, une minute, et nous serons devant Dieu!

Marie s'écria: elle est innocente, je suis un faux témoin.... elle se jeta aux pieds du bourreau et du prêtre... elle dit tout. L'exécuteur, étonné, s'arrête. Le peuple pousse des cris... Anne Harlin interrogée par le prêtre et le bourreau répond à Marie que Marie a dit la vérité. Je suis coupable pour avoir menti et manqué de foi en la Providence.

Un rapport est envoyé au magistrat. Le messenger revient dans une heure avec l'ordre de procéder à l'exécution. L'exécuteur s'éva nous après avoir décapité Anne Harlin. Marie était déjà morte.

помаленьку, но я все еще не умѣю ни запрашивать, ни порговаться. А надобно будетъ выучиться. Францъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинаеть его беспокоить; онъ мало ходить, а въ несласное время кряхтитъ да охаетъ. Впрочемъ, онъ по прежнему весель, по прежнему любитъ выпить спаканъ вина, и все еще не досказалъ мнѣ испоріи о своихъ походахъ. Дѣти роспущъ и хорошѣютъ. Францъ спановится молодцемъ. Вообрази, милая Марія, что ужъ онъ бѣгаетъ за дѣвчонками, каковъ? а ему нѣтъ еще и прехъ лѣтъ. А какой забіяка! Францъ не можетъ имъ налюбоваться, и ужасно его балуетъ; вмѣсто того, чтобъ ребенка унимать, онъ еще его подспрѣкаетъ, и радуется всѣмъ его проказамъ. Мина гораздо спепеннѣе; правда, она годомъ спарше. Я начала ужъ учить ее азбукъ. Она очень поняплива, и, кажется, будетъ хороша собою. Но что въ красотѣ? была бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ и счастлива.

Р. S. Посылаю тебѣ въ госпинецъ косынку; обнови ее въ будущее воскресенье, когда пойдешь въ церковь. Это подарокъ Франца; но красный цвѣтъ идетъ болѣе къ своимъ чернымъ волосамъ. Мужчины этого не понимаютъ. Имъ

все равно, что голубое, что красное. Прости, милая Марія, я съ тобою заболпалась. Отвѣчай же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Вѣкъ не забуду, что я провела при года подѣ его кровлею, и что онѣ обходился со мною, бѣдной сироткою, не какъ съ наемной служанкой, а какъ съ дочерью. Напиши мнѣ, каково его здоровье.

МАРІЯ ШОНИНГЪ КЪ АННѢ ГАРЛЕНГЪ.

28 апрѣля.

Я получила письмо швое въ прошедшую пятницу, но прочла его только сегодня. Бѣдный отецъ мой скончался въ понедѣльникъ, въ 6-ть часовъ поутру; вчера были похороны.

Я никакъ не воображала, чтобъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче, и г-нъ Кельцъ имѣлъ надежду на совершенное его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онѣ даже гулялъ по нашему садикъ, и дошелъ до колодезя не задохнувшись. Возвратясь въ комна-

шу, онъ почувствовалъ легкій ознобъ; я уложила его и побѣжала къ г-ну Кельцу: его не было дома. Возвращаясь къ опцу, я нашла его въ усыпленіи; я подумала, что сонъ успокоилъ его совершенно. Г-нъ Кельцъ пришелъ вечеромъ; онъ осмопрѣлъ больного, и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лекарство. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣсть; я дала ему супу; онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впалъ въ усыпленіе. На другой день съ нимъ сдѣлались спазмы. Г-нъ Кельцъ опять него не отходилъ. Къ вечеру боль утихала; но имъ овладѣло такое безпокойство, что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ одномъ положеніи; я должна была поворачивать его съ боку на бокъ. . . . Передъ упрямъ онъ утихъ — и часа два лежалъ въ усыпленіи. Г-нъ Кельцъ вышелъ, сказавъ мнѣ, что ворошится часа черезъ два. Вдругъ отецъ мой приподнялся и позвалъ меня; я къ нему подошла и спросила: что ему надобно? Онъ сказалъ мнѣ: «Марья, что такъ темно? — открой спавни. Я испугалась и сказала ему:—Баюшка! разве вы не видите. . . спавни открыты. Онъ спалъ искавъ около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: Марья, Марья, мнѣ очень дурно—я умираю. . . . Дай, пожалуйста себя—поскорѣе. Я бросилась на колѣ-

на и положила его руку себѣ на голову — рука вдругъ опяжелѣла. Онъ сказалъ: «Господь! награди ее; Господь! Тебѣ ее поручаю. Онъ замолкъ; я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутокъ не смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ г-нъ Кельць, снялъ съ моей головы руку его, и сказалъ мнѣ: теперь оснавьте его, подице въ свою комнату. Я взглянула: опецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый г-нъ Кельць цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и все распорядилъ, попому что я была не въ силахъ. И въ послѣдніе дни я одна ходила за больнымъ; некому было меня смѣнить. Часто я вспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебѣ съ нами не было. Вчера я вспала съ постели и пошла — было за гробомъ; но мнѣ спало дурно. Я свала на колѣна, чтобъ издали съ нѣмъ проспиться. Госпожа Ропберхъ сказала: какая комедіантка! Вообрази, что эти слова кольнули меня въ сердце; но мнѣ, право, было не до этой Ропберхъ! Вообрази, милая Анна, что слова два возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви, мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло и все кругомъ меня шипалось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться.

Его снесли на кладбище, что за церковью Св. Якова, и при мнѣ опустили въ могилу. Мнѣ вдругъ захопѣлось тогда ее разрыть, потому-что я съ нимъ не совсѣмъ проспилась. Но многіе еще гуляли по кладбищу, а я боялась, чтобъ Ротберхъ не сказала опять: какая комедіаншка!

Какая жестокость! не позволять дочери проспиться съ мершвымъ опцемъ, если ей вздумается.

Возвращаясь домой, я нашла чужихъ людей, кошорые сказали мнѣ, что надобно запечатать все имѣніе и бумаги покойнаго опца. Они осматили мнѣ мою комнату, только вынесли изъ нея все, кромѣ кровати и одного шула. Завтра воскресенье. Я не обновлю пвоей косынки, но очень шебя за нее благодарю. Кланяюсь пвоему мужу; дѣшей цѣлую. Прощай. Пишу шебѣ стоя у окошка, а чернильницу заняла у сосѣдей....

III.

ЗАПИСКИ М*

—

Я начинаю помнить себя съ самаго нѣжнаго младенчества, а вопль сцена, которая живо сохранилась въ моемъ воображеніи.

Нянька приноситъ меня въ большую комнату, слабо освѣщенную. На постелѣ, подъ зелеными занавѣсками, лежитъ женщина въ бѣломъ; опецъ мой беретъ меня на руки — рыдаетъ громко — бѣлая женщина цѣлуетъ меня и плачетъ; няня меня выноситъ, говоря: Миша хочетъ бай, бай. Помню также большую суматоху, множество гостей, люди бѣгаютъ изъ комнаты въ комнату. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки, и мнѣ очень весело. Монахъ, съ золо-

шимъ крестомъ на груди, благословляеть меня; въ двери выносятъ красный гробъ. Вопеть все, что похороны мапери оспавили у меня въ сердцѣ. Она была женщина съ необыкновеннымъ умомъ и сердцемъ, какъ узналъ я послѣ по разсказамъ людей, незнавшихъ ей цѣны.

Тутъ воспоминаія мои спановятса сбивчивы. Я могу дасть ясный опчепъ о себѣ не прежде, какъ ужъ съ осьми-лѣтняго моего возраста. Но прежде долженъ я поговорить о моемъ семейспвѣ.

Опецъ мой былъ пожалованъ сержанпомъ, когда еще бабушка была имъ брюхапа. Онъ воспитывался дома до 18-ти лѣтъ. Училель его М. Дерори былъ простой и доброй спаричокъ, очень хорошо знавшій Французскую ореографію; не извѣстно, были ли у опца другіе наставники; но опецъ, кромѣ Французской ореографіи, кажепса, ничего основательно не зналъ. Онъ женился пропивъ воли своихъ родипелей на дѣвущкѣ, которая была спарѣ его нѣсколькими годами; въ шопъ же годъ вышелъ въ опспавку и уѣхалъ въ Москву. Старый Савельичъ, его камердинеръ, сказывалъ мнѣ, что первые года супружеспва были счастливы. Мать моя успва

примиришь мужа съ его семействомъ, въ копоромъ ее полюбили. Но легкомысленный и непосоянный характеръ отца моего не позволилъ ей насладиться спокойствіемъ и счастіемъ. Онъ вошелъ въ связь съ женщиной, извѣстной въ свѣтѣ своей красою и любовными похождениями. Она для него развелась съ своимъ мужемъ, копорый уступилъ ее отцу моему за 10,000, и потомъ обѣдывалъ у насъ довольно часто. Мать моя знала все—и молчала. Душевныя спраданія распрошили ее здоровье: она слегла и уже не встала.

Отецъ имѣлъ 5,000 душъ. Слѣдственно былъ изъ пѣхъ дворянъ, копорыхъ покойный гр. Ш. называлъ мелкопомѣстными, удивляясь отъ числаго сердца, какимъ образомъ они могутъ жить! Дѣло въ томъ, что отецъ мой жилъ не хуже гр. Ш., хотя былъ ровно въ 20 разъ бѣднѣе. Москвичи помнятъ еще его обѣды, домашній театръ и роговую музыку. Года два послѣ смерти матери моей, Анна Пешрова Вирлацкая, виновница этой смерти, поселилась въ его домъ. Она была, какъ говорили, видная баба, впрочемъ уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости. Мнѣ подвели мальчика, въ красной курточкѣ съ манжетками, и сказали, что онъ мнѣ братецъ.

Я смотрѣлъ на него' во всё глаза. Мишенька шаркнулъ направо, шаркнулъ налево, и хопнулъ поиграшь моимъ ружьемъ; я вырвалъ игрушку изъ его рукъ—Мишенька заплакалъ, и опецъ поспавилъ меня въ уголь, подаривъ брашцу мое ружье.

Такое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе мое подъ опеческою кровлею не оставило ничего пріятнаго въ моемъ воображеніи. Опецъ конечно меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не беспокоился и оставилъ меня на попеченіе Французовъ, которыхъ беспрепятственно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; второй, человекъ не глупой и не безъ свѣдѣній, имѣлъ таковой бѣшенный нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ за то, что пролилъ я чернила на его жилетъ; третій, проживши у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій, и въ домѣ тогда только догадался о томъ, когда пришелъ онъ жаловаться Аннѣ Пепровнѣ на меня и на Мишеньку, за то, что мы подговорили клоповъ всего дома не давать ему покою, и что, сверхъ того, черпенокъ повадился выпить гнѣзда въ его кофакъ. Прочіе Французы не могли ужиться съ Анной Пепровной, которая не давала имъ ви-

на за обѣдомъ, или лошадей по воскресеньямъ; сверхъ пого имъ плапили очень несправно. Виновапымъ оспался я: Анна Пепровна рѣшила, что ни одинъ изъ моихъ гувернеровъ не могъ сладить съ такимъ несноснымъ мальчишкою.

Впрочемъ и по правда, что не было у насъ ни одного, котораго бы въ двѣ недѣли, по его вспуленіи въ должность, не обрапилъ я въ домашняго шута; съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаю о Женевицѣ, котораго увѣрилъ я, что Анна Пепровна была въ него влюблена.

Надобно было видѣть цѣломудренное выраженіе лица его съ нѣкоторою примѣсью лукаваго кокетства, когда Анна Пепровна косо поглядывала на него за споломъ, говоря въ полголоса: экой обжора!

Я былъ рѣзвъ, глѣнвъ и вспыльчивъ, но чувствительнень и честолюбивъ, и ласкою отъ меня можно добиться всего. Къ несчастію, всякой вытшивался въ мое воспитаніе и никакъ не умѣлъ за меня взяться.

Надъ учителями я смѣялся и проказилъ; съ Анной Пепровной бранился зубъ-за-зубъ; съ Ми-

ишенькой имѣлъ безпреспанныя ссоры и драки; съ опцомъ доходило часто дѣло до ручныхъ объясненій, копорыя съ обѣихъ споронъ оканчивались слезами. Наконецъ Анна Пепровна уговорила опца опослать меня за границу въ университетъ. Я опправился; мнѣ тогда было 15 лѣтъ. Университетская жизнь моя оспавила мнѣ пріятныя воспоминанія, копорыя, если ихъ разобрать, опносятся къ происшествіямъ ничтожнымъ, иногда непріятнымъ; но молодость великой чародѣй. Дорого бы я далъ, чтобъ опять сидѣть за кружкою пива, въ облакахъ шабачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и съ засаленной бархашной фуражкой на головѣ. Дорого бы я далъ за мою комнапу, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого народа; за наши Латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистрами!

Вольное университетское ученіе привесло мнѣ болѣе пользы, нежели домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованію и дѣланію пунша. Изъ дому получалъ я деньги въ разные неположенные сроки. Эпо пріучило меня къ долгамъ и къ безпечности. Прошло три года, и я получилъ опть опца изъ П. б. приказаніе оспавить университетъ и вхать въ Рос-

сію службу. Нѣсколько словъ о разстроенномъ состояніи, о лишнихъ расходахъ, о перемѣнѣ жизни, показались мнѣ странными; но я не обратилъ на нихъ большаго вниманія. При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и челоуѣчеству. На другой день, съ головной болью и съ книгою, отправился въ дорогу.

IV.

На углу маленько́й площади, передъ деревяннымъ домикомъ, спояла карета, явленіе рѣдкое въ сей отдаленной части города. Кучеръ спалъ на козлахъ, а форейпоръ игралъ въ снѣжки съ дворовыми мальчиками.

Въ комна́тъ, убранной со вкусомъ и роскошью, на диванѣ, обложенная подушками, одѣтая съ большою изысканностію, лежала блѣдая дама, ужь не молодая, но еще прекрасная. Передъ каминомъ сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ 26-ти, перебирающій листы Англійскаго романа.

Начинало смеркаться, каминъ гаснулъ; молодой человекъ продолжалъ свое чтеніе.

Блѣдая дама не спускала съ него своихъ черныхъ и впалыхъ глазъ, окруженныхъ болѣзненной

синевою. Наконецъ она сказала: «что съ побою сдѣлалось, Валеріанъ? ты сегодня сердиптъ.»

— Сердиптъ! отвѣчалъ онъ, не подымая глазъ съ своей книги.

«На кого?»

— На князя Горѣцкаго. У него сегодня балъ, а я не званъ.

«А тебѣ очень хотѣлось бытъ на его балу?»

— Нимало. Чортъ его побери съ его баломъ. Но если зоветь онъ весь городъ, то долженъ звать и меня.

«Который это Горѣцкій? Не князь ли Яковъ?»

— Совсѣмъ нѣтъ. Князь Яковъ давно умеръ. Это брантъ его, князь Григорій.

«На комъ онъ женатъ?»

— На дочери того пѣвчаго . . . какъ бинъ его?»

«Я такъ давно не выезжала, что совсѣмъ

разнакомилась съ вашимъ обществомъ... Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія и благосклонностію жены его, дочери пѣвчаго?

— И конечно, съ жаромъ отвѣчалъ молодой человѣкъ, брося книгу на столъ. Я человѣкъ свѣпскій, и не хочу быть въ пренебреженіи у свѣпскихъ аристократовъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной, ни до ихъ нравственности.

«Кого ты называешь аристократами?»

— Тѣхъ, которые протягиваютъ руку графинѣ Фуфлыгиной.

«И пренебреженіе людей, которыхъ ты не любишь, сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія, можетъ до такой степени тебя оскорблять?... Признайся, шутъ есть иная причина...»

— Такъ: опять подозрѣнія! опять ревности! Эпо, ей-Богу, несносно.

Съ этимъ словомъ онъ вспалъ и взялъ шляпу.

«Ты ужъ ѣдешь?» сказала дама съ безпокойствомъ. Ты не хочешь здѣсь опобѣдаться?»

— Нѣтъ, я далъ слово.

«Объдай со мною, продолжала она ласковымъ и робкимъ голосомъ. Я велѣла взять шампанскаго.

— Эпо зачѣмъ? развѣ я безъ шампанскаго обойпшсья не могу? развѣ я Московскій банкومتъ?

«Но въ послѣдній разъ пы нашель, что вино у меня дурно, и пы сердился, что женщины въ эпомъ не знаютъ шолку. На шебя не угодишь.

— Не прощу и угождашь.

Она не опвѣчала ничего. Молодой человекъ раскаялся въ грубости сихъ послѣднихъ словъ. Онъ къ ней подошелъ, взялъ ее за руку и сказалъ съ нѣжностію: «Зинаида! проспи меня: я сегодня самъ не свой; сержусь на всѣхъ и за все. Въ эпо минушы надобно мнѣ сидѣшь дома... Проспи же меня; не сердись.

«Я не сержусь, Валеріанъ; но мнѣ больно видѣшь, что съ нѣкотораго времени пы совсѣмъ перемѣнился. Ты пріѣзжаешь ко мнѣ, какъ по обязанности; не по сердечному внушенію. Тебѣ

скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь, чѣмъ занялся, перевертываешь книги, придираешься ко мнѣ, чпобъ со мною побранишься и увъхатъ. . . . Я не упрекаю тебя: сердце наше не въ нашей волѣ, но я. . . .

Валеріанъ уже ея не слушалъ. Онъ натягивалъ давно надѣшную перчатку и неперпѣливо поглядывалъ на улицу. Она замолчала съ видомъ снѣсенной досады. Онъ пожалъ ея руку, сказалъ нѣсколько незначущихъ словъ и выбѣжалъ изъ комнаты, какъ рѣзвый школьникъ выбѣгаетъ изъ класса. Зинаида подошла къ окну, смопрѣла, какъ подали ему карешу, какъ онъ сѣлъ и увъхалъ. Долго спояла она на помъ же мѣспѣ, опершись горячимъ лбомъ объ оледенѣлое стекло. Наконецъ она сказала вслухъ: «нѣптъ, онъ меня не любитъ!» позвонила, велѣла зажечь лампу и сѣла за письменный столикъ.

XIV.

АНЕКДОТЫ.

I.

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, рассказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукій, послѣ дерзкаго своего поступка, уѣхалъ домой изъ сенапа. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ спалъ передъ Нимъ на колына и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, спалъ съ нимъ разсуждая о сущности разорваннаго указа. Долгорукій изложилъ Ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ нынѣ по же самое сказать, замѣнилъ ему Петръ, не раздирая Моего указа?—Правда Твоя, Государь, отвѣчалъ Долгорукій; но я зналъ, что если я его раздеру, то уже впредь шаковыхъ подписывать не спанешь, жалѣя мою спаросить и усердіе. Государь съ нимъ помирился, но, пріѣхавъ къ Себѣ, приказалъ Царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милоспива, призвать князя Якова и присовѣшповать ему на дру-

гой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у Государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вспрыпимъ въ сенатѣ Государя, и болѣе, нежели когда-нибудь, Его оспоривалъ. ПЕТРЪ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ.

II.

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску, получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать претребованіе свѣпльйшаго. Одни боятся незапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастье. Молодаго человека снаряжаютъ на-скоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣпльйшаго. Объ немъ поспѣе докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ претепомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постелѣ со свѣпцами въ рукахъ. Вошь ихъ разговоръ:

ПОТЕМКИНЪ.

Ты, брапецъ, мой адъютантъ *такой-то?*

АДЪЮТАНТЪ.

Точно шакъ, ваша свѣпность.

ПОТЕМКИНЪ.

Правда ли, что ты свящцы знаешь наизусть?

АДЪЮТАНТЪ.

Точно такъ.

ПОТЕМКИНЪ (*смотря въ свящцы*).

Какого же свящаго празднуютъ 18 мая?

АДЪЮТАНТЪ.

Мученика Феодота, ваша свѣтлость.

ПОТЕМКИНЪ.

Такъ. А 29 сентября?

АДЪЮТАНТЪ.

Преподобнаго Куріака.

ПОТЕМКИНЪ.

Точно. А 5 февраля?

АДЪЮТАНТЪ.

Мученицы Агаѣи.

ПОТЕМКИНЪ (*закрывая свящцы*).

Ну, повзжай же себя домой.

III.

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и оспраго крищика, и всегда претовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, которій обыкновенно его не баловалъ, пришедъ однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ великій человекъ! Сумароковъ

первый Русскій стихопворецъ!» Обрадованный Сумароковъ велѣлъ пошчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходи, сказалъ онъ ему: «нѣтъ, Александръ Пепровичъ, я шебѣ солгалъ: первый-то Русскій стихопворецъ — я, вшорой Ломоносовъ, а ты только-что прешій. Сумароковъ чупъ его не зарѣзалъ.

IV.

Кречешниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ Императрицы. «Исполнилъ ли ты Мои приказанія?» спросила Императрица.—Нѣтъ, Государыня, отвѣчалъ Кречешниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣтъ?» Кречешниковъ спалъ излагать причины, недозволившія ему исполнить Высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва, Она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречешниковъ ожидалъ своей гибели. Наконецъ Императрица умолкла, и спала ходишь взадъ и впередъ по комнатамъ. Кречешниковъ спалъ ни живъ, ни мершвъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, Государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише. «Скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить Мою волю?» Кречешниковъ повщорилъ свои прежнія

оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливоспъ, но не желая признахся въ своей вспыльчивоспи, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: «Эпо дѣло другое. Захъмъ же пы мнѣ пошчасъ эпого не сказахъ?»

V.

Херасковъ очень уважалъ Коспрова, и предпочипалъ его талантъ своему собственному. Эпо приносиптъ большую честь и его сердцу и его вкусу. Коспровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Эпо наскучило Коспрову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искахъ по всей Москвѣ, и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ опъ него письмо изъ Казани. Коспровъ благодарилъ его за всѣ его милоспи, «но, писалъ поэпъ, воля для меня всего дороже.»

Коспровъ былъ опъ Императрицы Екатерины именованъ *университетскимъ стихотворцемъ*, и въ семъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда насшупали торжественные дни, Коспрова искали по всему городу для сочиненія спиховъ, и находили обыкновенно въ кабахъ, или у

дьячка, великаго пьяницы, съ копорымъ былъ онъ въ шѣсной дружбѣ.

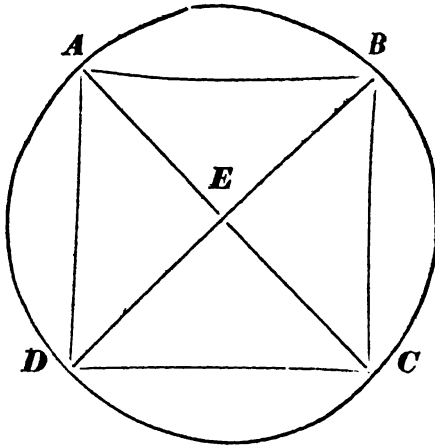
Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ споломъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая эпидѣю, въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Коспрова. Всѣ очень изумились. Коспровъ былъ нрава самаго крошкаго, да ужъ и не въ такихъ лѣсахъ, чшобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, шы-шо какъ сюда попался? — Изъ состраданія къ чловѣчеству, отвѣчалъ добрый Коспровъ.

VI.

Езуипъ Посевинъ, споль извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонимелей памяти Макиавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный Флорентинецъ, и шѣмъ оспановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Conringius, издавшій Principiæ въ 1660 году, доказалъ, чпо Посевинъ никогда не читалъ Макиавеля, а полковалъ о немъ по-наслышкѣ.

VII.

Форма цифръ Арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры.

AD (1), ABDC (2), ABEC (3), ABD+AE (4)
и проч.

Римскія цифры составлены по тому же образцу*.

* Гораздо правдоподобнѣе происхожденіе Римскихъ цифръ объясняется слѣдующимъ образомъ. Пока Римляне еще не умѣли писать, для означенія единицы юдинками одинъ валець сжатой пятерью количества: два, три и четыре тоже означались числомъ поджимаемыхъ пальцевъ. Всѣ сіи знаки приняты были въ письмѣ безъ измѣненія; послѣдній долго сохранялся въ рукописяхъ, даже у насъ въ печатныхъ книгахъ. Римская цифра V есть сокращенная пятерня, въ которой три средніе пальца не разогнуты; десять (X) представляетъ двѣ пятерни вышесозначенной формы, поставленная одна подъ другою П. П.

VIII.

Опелло опъ природы не ревнивъ, напропивъ, онъ доврчивъ. Вольперъ эпо понялъ, и развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux. . . .

Si je l'etais jamais! . . .

IX.

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говоритъ Макиавель, сей великій знапокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и эпо приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюминья, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась явнѣ для человѣка мыслящаго.

X.

Divide et impera—есть правило государственное, не только Макиавелическое (принимаю эпо слово въ его общенародномъ значеніи).

XI.

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивѣцъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изрѣченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заспавить сдѣлать чрезъ другаго.» Н., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя.»

XII.

У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ обыкновенно сидѣвалъ), сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣнить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ», отвѣчалъ Крыловъ, «уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непременно описатьъ косвенную линію и миновать мою голову.»

XIII.

Одна дама сказывала мнѣ, что если мужчина начинаеть съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы принаровливаясь къ слабости

женскаго понятія, по въ ея глазахъ онъ почасти обличаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣдѣ, не смѣшно ли почитать женщинъ, копорыя такъ часно поражаютъ насъ быспропою понятія и тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно спранно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II, и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за Европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые, Богъ вѣдаетъ, почему?

ХІУ.

Нѣкто К. Х., возвращаясь изъ Парижа въ Москву, опличался невоздержностію языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за такую дерзость въ Парижѣ сажаютъ въ башню, а у насъ недавно рѣзали языки; что, не будучи опъ природы жестока, Она для *такого бездѣльника*, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако совѣщаетъ ему впредь быть осторожнѣе.

ХV.

Н. Н., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные шапскіе совѣшники, былъ недоволенъ

обхожденіемъ князя Попемкина. «Развѣ не знаешь князь,» говорилъ онъ на своемъ партѣи *, «что я такой же генералъ?» Это пересказали Попемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: «что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ - бастъ.»

XVI.

Когда графъ д'Аршуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то Государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ Ей однако надоѣлъ, и Она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онъ поспарались его занять. Однажды посадила она графа д'Аршуа въ свою карету. Графъ Д. Ав. . . ., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хоптылъ было сѣсть также въ карету; но Государыня остановила его, сказавъ: «*Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de m-r le c. d'Artois.*

XVII.

Когда Пугачевъ сидѣлъ на мѣновомъ дворѣ, праздные Москвичи между обѣдомъ и вечеромъ

* «Хиба винъ це тямить того, що я такий едноралъ, якъ вишь самъ.»

заѣзжали на него поглядѣшь, подхвапипь какое-нибудь опть него слово, которое снѣшпили потомъ развозипь по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавипнсь. Посѣшиптели молча окружили его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣспно по преданіямъ, что Петръ I, во время Персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась не вдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ размешать курганъ, дабы увидѣшь хопь его кости...» Всѣмъ извѣспно, что Разинъ былъ четверпованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто *** Сибирскій дворянинъ, бѣжавшій опть него, пріѣхалъ на него посмопрѣшь, и видя его крѣпко привинченнаго къ цѣпи, спалъ осыпая его укоризнами. *** былъ очень дурень лицомъ, къ тому же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмопрѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей брапшн, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывалъ.»

XVIII.

Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ Дворахъ, куда они являлись. Были однако жъ съ ихъ спороны нѣкопорые промахи.

Они сыпали деньги и дорогие подарки. Въ Берлинѣ старый князь Випгенштейнъ сказалъ Брессону, копорый хвастался ихъ распочительностію: «*mais, mon cher m-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild.*

XIX.

Многіе негодуютъ на журнальную крипику за дурной ея тонъ, незнаніе приличія, и тому подобное: неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человекъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтаетъ навыкъ къ суетной образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшенъ и опвращивленъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

(ЧЕТЫРЕ РАЗСКАЗА 3...)

XX.

Пошемкинъ пріѣхалъ со мною проспитъся. Я

сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу.»—А что такое?— «Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать.»—Какъ такъ?—«Ты мо- ложе Государыни; ты ее переживешь; что пог- да изъ тебя будетъ? Я знаю тебя какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть впо- рымъ челоукомъ.» Попемкинъ задумался и ска- залъ: «не безпокойся; я умру прежде Государы- ни; я умру скоро.» И предчувствіе его сбылось. Ужъ я больше его не видала.

XXI.

Вы слышали про Вешошкина? Это удивитель- но, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжекъ былъ въ то время дере- вушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали (не знаю, какъ это сказать: *ils faisaient le commerce des grains*) крупами, что ли? и привозили на баржахъ, не помню куда. Вотъ эпопѣ Вешошкинъ былъ при- кашникомъ на этихъ баржахъ. Онъ былъ расколь- никъ. Однажды онъ являлся къ митрополиту, и просилъ его объяснить ему догматы право- славія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-Гречески, по-Еврейски и, Богъ вѣдаетъ, что еще. Ве-

пошкинъ уходилъ опть него и черезъ два года являлся опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ опрехалъ опъ своего раскола и принялъ испинную вѣру. Въ городѣ только-что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь-объ-дверь съ графомъ А. С. Спрогановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ-учителяхъ, поплъ самый, что подписалъ попомъ опредѣленіе... Онъ очень былъ умный человекъ, *c'était une forte tête, un grand raisonneur; il vous eut rendu claire l'Apocalypse.* Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ пипомцемъ. Я ему рассказываю про Вепошкина.—*Madame, c'est impossible.— Mon cher Mr. Rom, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Вепошкинъ chez le pr. Potemkine, il y vient tous les jours.— Madame, je n'y manquerai pas. Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Вепошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, m-g?— Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant. Мнѣ очень хотѣлось встрѣпипъ Вепошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я заспала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Вепошкинъ имѣлъ une controverse (прѣвнѣ). Вепошкинъ былъ щедушный мужчина*

лѣтъ 35. Прѣнїе ихъ очень меня занимало. После того за ужиномъ я сидѣла противъ Вешошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености? «Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ, а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ И. И., да князь Г. А.—Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ.—«Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занявъ книгами.» Пошемкинъ, спрастный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Вешошкина, что не могъ съ нимъ расстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Вешошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человекъ эпошъ Вешошкинъ.

XXII

Пошемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была *une maitresse de clavecin*. Разъ она мнѣ говоритъ: *Madame, je ne puis rester à Pétersbourg.—Pourquoi ça?—Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive. — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il*

faut arranger cela de manière ou d'autre. При-
ѣзжася ко мнѣ Попемкинъ. Я говорю ему: «какъ
ты хочешь, Попемкинъ, а мамзель мою при-
строй куда-нибудь.» — Ахъ, моя голубушка! сердеч-
но радъ; да что для нея сдѣлать, право не знаю. —
Что же? черезъ нѣсколько дней принесли мою
мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье.
Нынче этого сдѣлать ужъ нельзя.

XXIII.

Попемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однаж-
ды: «Н. К., хочешь ты земли?» — Какія земли? —
«У меня тамъ есть въ Крыму.» — Зачѣмъ мнѣ
брать у тебя земли, къ какой есаули? — «Разу-
мѣется, Государыня подаритъ, а я только ей
скажу.» — Сдѣлай одолженіе. Я поговорила объ
этомъ съ Т., который мнѣ сказалъ: спросите у
князя планы, а я вамъ выберу земли. Такъ и
сдѣлалось. Проходилъ годъ, мнѣ приносятъ 80
рублей. «Откуда, батюшки?» Съ вашихъ новыхъ
земель; тамъ ходятъ есаулы, и за это даютъ вамъ
деньги. — «Спасибо, батюшки.» Проходилъ еще
годъ, другой, Т. говоритъ мнѣ: «что же вы не
думаете о заселеніи вашихъ земель? десять лѣтъ
пройдетъ, такъ худо будетъ; вы заплатите
большой штрафъ.» Да что же мнѣ дѣлать? — «На-

пишете вашему бабюшкѣ письмо; онѣ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе. Я такъ и сдѣлала; бабюшка пожаловалъ мнѣ 500 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю, опгь чего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми пожалуста мои Крымскія земли, мнѣ съ ними только-что хлопоты. «Что же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 руб. доходу. Я очень была рада.

XXIV.

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то снраспи, такого-то порока, но существа живыя, исполненные многихъ снраспей, многихъ пороковъ; обстоятельство развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. У Мольера скупой, скупъ — и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣшливъ, мспипелевъ, чадолюбивъ, оспроумень. У Мольера лицемеръ волочится за женою своего благодѣшеля, лицемеря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемеря; спрашивается спаканъ воды, лицемеря. У Шекспира лицемеръ произноситъ судебный приговоръ съ щеславною спрогоспію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомыслен-

нымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемеръ, потому что его гласныя дѣйствія проповѣдуютъ пайнымъ спрашамъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній гений Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханалии. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе; смолоду, вѣроятно грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ расхохотался, одряхъ; обжорство и вино примѣтно взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ прусъ, но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою прусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и до расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ, напрошивъ, онъ имѣетъ и нѣкошорія привычки человѣка, нѣрѣдко выдавашаго хорошее общесство.

Правиль нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое Испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ доспать ихъ, онъ готовъ на все, только бѣ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ космъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повпорила его геніальное созданіе. * * * бытъ вшорой Фальстафъ: сластолюбивъ, прусъ, хвасливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и полспъ. Одно обспояпельспво придавало ему прелспсть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ бытъ ни рогапымъ супругомъ, ни опцемъ семейства. Сколь-ко сценъ, поперянныхъ для киспи Шекспира!

Вопъ черпа изъ домашней жизни моего почпеннаго друга. Чепырехъ - лѣтній сынокъ его, вылитый опецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его опспустспвіи, повпорялъ про себя: «какой папенька хлаблій! какъ пацспьку Госудаль любиптъ!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кпо тебѣ эпо сказываль, Володя?» — Папенька, опспвчалъ Володя.

XXV.

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаусти превозжилъ воображеніе Чальдъ - Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи — и остался хромъ, какъ Іаковъ.

XXVI.

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратиону, и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить». Багратионъ * отвѣчалъ: — непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на моемъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

XXVII.

Сапирякъ М*** пришелъ однажды къ Гивдичу — пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и распрепанный. Гивдичъ принялся увѣщавать его. Распроганный М** заплакалъ и указывая на небо сказалъ: «памъ, памъ найду я награду за всѣ мои спраданія...» — Братецъ, воз-

* Можетъ быть, не весьма извѣстно, что у князя Багратиона былъ очень большой носъ.

разить ему Гиндичъ, посмотри на себя въ зеркало: пускай ли тебя туда?

XXVIII.

Попемкину доложили однажды, что нѣкто графъ Мор..., жишель Флоренціи, превосходно играеть на скрипкѣ. Попемкину захопѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Италію, явился къ графу Мор..., объявилъ ему приказъ свѣщѣйшаго и предложилъ шопъ же часть садиться въ его шележку и скакать въ Россію. Благородный вирпуозъ взбѣсился и послалъ къ чоршу и Петербургъ и курьера съ его шележкой. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ опыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ паланца, и легко уговорилъ его назваться графомъ Мор... и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Попемкину, копорый остался доволенъ его игрою.

XXIX.

Генералъ Р. былъ насмѣшливъ и желченъ. Во время Турецкой войны, обѣдая у главнокомандую-

цаго гр. К., онъ замѣтилъ, что кандидаторъ вздумалъ выставить вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ какую-то козью шутку. Въ этотъ же день Р. былъ высланъ изъ главной кварширы. Онъ сказывалъ мнѣ, что К. былъ прусъ, и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако подъ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ К., вдававшегося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріателемъ, и выпросилъ себѣ за это награжденіе. Вспрѣясь съ г. Р. и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился-было его обнимать; Р. опспунилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрывія.»

XXX.

Д*** однажды вызвалъ на дуэль Б***. Б*** отказался, сказавъ: «скажете Д***, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ.»

XXXI.

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе.»

XXXII.

Я познакомился съ однимъ г. Д... на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзрума. Онъ лечился опть какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ капалепсін, и игралъ съ усипра до ночи въ карпы. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Д. помѣшанъ былъ на одномъ пунктѣ: ему непременно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячъ? Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были необходимы, то я бы ихъ укралъ. «Я объ этомъ думалъ, отвѣчалъ мнѣ Д.—Ну, что же?—«Мудрено; не у всякаго въ кармаѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣзать или обокрасть человека за бездѣлицу, не хочу, у меня есть совѣсть. Не знаете ли вы иного способа?»—Просите денегъ у Государя.—«Я объ этомъ думалъ.»—Что же? «Я даже и просилъ.»—Какъ! безо всякаго права?—«Я съ него и началъ: «Ваше Величество! я никакого права не имѣю просить у Васъ то, что соопавило бы счастье моей жизни; но, Ва-

ше Величество, на милость образца итѣть, и пакъ далѣе.» Чпо же вамъ отвѣчали? — «Ничего.» Эпо удивительно. Вы бы обратились къ Ропшильду. «Я объ эпомъ думалъ.» — Чпо же, зачѣмъ дѣло спало? «Да видите ли: одинъ способъ выманишь у Ропшильда эпо тысячь; эпо было бы пакъ спранно и пакъ забавно: надобно бы написать ему просьбу, чпобъ ему было весело, попомъ разеказать анекдопъ, который споня бы спа тыелчь. Но сколько прудностей!... Словомъ, нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Д. уже не подумалъ. Последний проектъ его былъ выманишь эпо деньги у Англичанъ, подспрекнувъ ихъ народное самлюбие и въ надеждѣ на ихъ любовь къ спранноспямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. Англичане! я бмся объ закладъ объ 10,000 руб., чпо вы не откажетесь мнѣ дать займы 100,000 рублей. Гг. Англичане! избавьте меня опъ провгрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше всему свѣпу извѣспное великодушіе.» Д. просилъ меня похлопотать объ эпомъ въ Пешербургъ чрезъ Англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взять съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ гоповъ былъ всегда бмся объ закладъ, и о чемъ бы по ни

было. Говорили ли о женщинѣ? Хопиппе со мной бился объ закладъ, прерывалъ Д., что черезъ три дня она меня полюбитъ? Спрѣляли ли въ цѣль изъ пистолепа? Д. предлагалъ спать въ 25-ти шагахъ и бился о 1,000 руб., что вы въ него не попадете. Недавно получилъ я опть него письмо. Онъ пишетъ мнѣ: «исторія моя коропка; я женился, а денегъ все нѣтъ.» Я отвѣчалъ ему: «жалѣю, что изъ 100,000 способовъ доспать 100,000 руб. ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.»

XXXIII.

Державина видѣлъ я полько однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣспинцу, чтобъ дожидаться его и поцѣловашъ руку, руку—написавшую Водопадъ. Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ слышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, брашець, здѣсь вышши? Этопъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который опмѣ-

нилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ эпо рассказываетъ мнѣ съ удивительнымъ просподушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень спаръ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его упомялъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лице его было безсмысленно, глаза мутны, губы опвислы. Порипреть его (гдѣ предспавленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до пгѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ въ Русской словесности. Тупъ онъ оживился: глаза заблнспали, онъ преобразился весь. Разумѣется, чнпаны были его спнхн, разбнрались его спнхн, помннушно хвалнли его спнхн. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспомнанія о Ц. С.*, спноя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описанъ состояння душн моея: когда дошелъ я до спнха, гдѣ упоминаю ннмя Державина, голосъ мой опроческій зазвенѣлъ, а сердце забнлось съ упонпельнымъ воспоргомъ.... Не помню, какъ я кончелъ свое чпеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеннн: онъ меня прребовалъ, хотѣлъ меня обннать.... Меня искали, но не нашлн....

XXXIV.

ОТРЫВОКЪ *.

Не смотря на великія преимущества, коими пользуются спихопворцы (признаюсь, кромѣ права ставитъ винительный падежъ вмѣсто родительнаго послѣ часпицы *не*, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за нашими спихопворцами не вѣдаемъ), какъ бы по ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и неприятностямъ. Не говорю о ихъ обыкновенномъ гражданскомъ ничпожествѣ и бѣдности, вошедшей въ пословицу; о зависти и клеветѣ брапціи, коихъ они дѣлаются жертвами, если они въ славѣ; о презрѣніи и насмѣшкахъ, со всѣхъ споронъ падающихъ на нихъ, если произведенія ихъ не нравятся. Но, кажется, что можеть сравниться съ несчастіемъ для нихъ неизбѣжнымъ, разу-

* Очеркъ и даже вѣкоторыя частности этого отрывка авторъ уже употребилъ въ неокончанной повѣсти своей, напечатанной въ семь же изданіи, подъ названіемъ: *Египетскія Ноги*. Издатели не считаютъ за излишнее помѣстить здѣсь этотъ отрывокъ и въ томъ видѣ, какъ онъ приготовляеть быть авторомъ еще до назначенія ему мѣста въ пьесѣ, какъ онъ набросанъ былъ въ видѣ завсваго матеріала. Не бесполезно учиться у хорошаго писателя, наблюдая, какъ онъ самъ сочиненіе свое критикуеть, шныя части сжимая въ немъ, шныя развертывая. П. П.

мѣемъ сужденія глупцовъ? Однако жъ и это горе, какъ оно ни велико, не есть крайнимъ еще для нихъ. Зло, самое горькое, самое нестерпимое для спихопворца, есть его званіе, прозваніе, коимъ онъ заклеименъ и которое никогда его не покидаетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность, считающъ себя вправѣ претовашъ опъ него опчета въ малѣйшемъ шагѣ. По ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея удовольствія, и дышетъ для того только, чпобъ подбирать рифмы. Требуяють ли обстоятельство присупствія его въ деревнѣ — при возвращеніи его, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новаго? Явившя ль онъ въ армию, чпобъ взглянуть на друзей и родспвенниковъ—публика претуетъ непременно опъ него поэмы на послѣднюю побѣду, и газетчики сердятся, почему долго заставялетъ онъ себя ждать. Задумается ли онъ о разспроенныхъ своихъ дѣлахъ, о предположеніи семейспвенномъ, о болѣзни милаго ему человека—шопчасъ уже пошлая улыбка сопровождаетъ пошлос восклицаніе: «вѣрно изволитъ сочинять.» Влюбится ли онъ — красавица его нарочно покупаетъ себѣ альбомъ и ждетъ ужъ алегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ сосѣду поговорить о дѣлѣ или просто для развлеченія опъ трудовъ — сосѣд кличетъ

своего сына и заставляешь мальчика чинить списки *такого-то*, и мальчишка самым жалостным голосом пронзает стихосворца его жъ изуродованными списками. А это еще называется поржесством! Каковы жъ должны быть слѣдствія неудачъ? Не знаю; но послѣднія легче, кажутся, переносятся. По крайней мѣрѣ одинъ изъ моихъ пріятелей, извѣстный стихосворецъ, признавался, что сіи привѣщанія, вопросы, альбомы и мальчишки до такой степени бѣсили его, что поминутно принужденъ онъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости, и твердишь себѣ, что эти добрые люди не имѣли вѣроятнаго намѣренія вывести его изъ терпѣнія. Мой пріятель былъ самый простой и обыкновенный человекъ, хотя и стихосворецъ. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), то онъ запирался въ своей комнатѣ и писалъ въ поспѣхъ съ утра до поздняго вечера, одѣвался на-скоро, чтобы пообѣдать въ респоранціи, выѣзжалъ часа на три; возвратившись, опять ложился въ постель и писалъ до пѣтуховъ. Это продолжалось у него недѣли двѣ-три, много мѣсяцъ, и случалось единожды въ годъ, всегда осенью. Пріятель мой увѣрялъ меня, что онъ только тогда и знаетъ истинное счастье; оспальное время года онъ гулялъ, читая мало и не сочи-

няя ничего, и слыша поминупно неизбѣжный вопросъ: скоро ли вы насъ подарите новымъ произведеніемъ пера вашего? Долго дождалась бы почтеннѣйшая публика подарковъ отъ моего пріятеля, если бѣ книгопродавцы не плащили ему довольно дорого за его стихи. Имѣя поминупно нужду въ деньгахъ, пріятель мой печаталъ свои сочиненія и имѣлъ удовольствіе попомъ читать о нихъ печатныя сужденія (см. выше), что называлъ онъ въ своемъ энергическомъ проспектарѣчин — подслушиваетъ у кабака, что говорятъ объ насъ холопья.

Пріятель мой происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ нашихъ родовъ, чѣмъ и щеславился со всевозможнымъ добродушіемъ. Онъ сподѣло же дорожилъ шрема спрочками льшописца, въ коихъ упоминано было о предкѣ его, какъ модный камеръ-юнкеръ шрема завѣдами двоюроднаго своего дяди. Будучи бѣденъ, какъ почи и все наше старинное дворянство, онъ, подымая носъ, увѣрялъ, что никогда не женился, или возьметъ за себя княжну, именно одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ опцы и братья, какъ извѣстно, нынѣ запашутъ сами, и вспрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, смирахають сохи и говорятъ: «Богъ помочь,

князь Аншпигъ, сколько швое княжое здоровье сегодня напахало?» — Спасибо, князь Ерема Авдеевичъ. — Кромъ этой маленькой слабости, которую впрочемъ относимъ мы къ желанію подражать лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихопворенія, пріятель мой былъ человекъ круглый, *un homme tout rond*, какъ говорятъ Французы: *homo quadratus*, человекъ чепыре-угольный, по выраженію Лапинскому — по нашему, очень хорошій человекъ.

Онъ не любилъ общесства своей брашья-лишерапоровъ. Онъ, кромъ весьма немногихъ, находилъ въ нихъ слишкомъ много припязаній, у однихъ на колкость ума, у другихъ на пылкость воображенія, у шрешьихъ на чувствительность, у чепверпыхъ на меланхолію, на разочарованность, на глубокомысліе, на филантропію, на мизантропію, иронию и проч. Иные казались ему скучными по своей глупости; другіе несносными по своему пону; шрешья гадкими по своей подлости; чепверпые опасными по своему двойному ремеслу; вообще слишкомъ самолюбивыми и занятыми исключительно собою, да своими сочиненіями. Онъ предпочипалъ имъ общесство женщинъ и свѣпскихъ людей, копорые, видя его ежедневно, переспавали съ нимъ чинишья и из-

бавляли его оиъ разговоровъ о лииературѣ и оиъ извѣснаго вопроса: «не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?»

Мы распроспранились о нашемъ пріятелѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что онъ есть единственнѣй лииераторъ, съ копорымъ удалось намъ коропко познакомиться; во-вторыхъ, что повѣсть, предлагаемая нынѣ читателю, слышана нами оиъ него.

СТАРИННЫЯ РУССКІЯ СТРАННОСТИ.

—

ОТРЫВКИ БІОГРАФІИ ***.

I.

Я начинаю себя помнить на большомъ барскомъ дворѣ, гдѣ сидѣлъ я въ пескѣ (что почитается среднимъ прошиву шакъ называемой Англійской болѣзни). Около меня полна нянекъ и мамушекъ, и шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, гошовыхъ попеременно пскакавъ меня во весь духъ въ колясочкѣ съ барскаго на черной дворъ и на деревенской базаръ. Помню опца моего—и вопль въ какихъ обстоятельствахъ. Назначенъ отъѣздъ въ Пешербургъ. На дворѣ собируется огромный обозъ. Крыльцо усыяно наро-

домъ: гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, опспавными маіорами въ спаринныхъ мундирахъ, и проч. Опець мой между ними въ зеленомъ плащѣ. Одноколка подана. Меня приносятъ къ опцу съ нимъ проспиться. Онъ хочетъ взять меня съ собою. Я плачу: жаль расстаться съ нянею. Опець съ досадою меня опшаккиваетъ, садится въ одноколку, выѣзжаетъ; за нимъ ѣдетъ весь обозъ; дворъ пустѣетъ, челядь расходится, и съ шѣхъ поръ впечатлѣнія мои спановашся слабы и неясны до десятаго года моего возраста.

II.

Опець мой жилъ бариномъ. Порядокъ его разъѣздовъ дастъ понятіе объ его жизни. Собираясь куда-нибудь въ дорогу, подымался онъ въ домъ. Впередѣ на рослой Испанской лошади ѣхалъ съ волпорною чловѣкъ (изъ иноспрацевъ). Должностъ его въ домѣ сосполяла въ шомъ, что въ базарные дни обязанъ онъ былъ выѣзжать на верблюдѣ и показывать мужикамъ *lanterne-magique*. Въ дорогѣ же подавалъ онъ волпорною сигналъ привалу и походу. За нимъ ѣхала одноколка опца моего; за одноколкою двумѣстная кареша про случай дожда (подъ козла-

ми находилось мѣсто любимаго его шута). Вслѣдъ шянулись кареты, наполненныя нами, нашими мадами, учителями, няньками и проч. За нами ѣхала длинная рѣшепчатая фура съ дураками, арапами, карлами, всего прищасть человекѣ. Вслѣдъ за нею шочно шлакая же фура съ большими борзыми собаками. Пошомъ слѣдовать огромный ящикъ съ роговою музыкою, буфетъ на шеспнацати лошадахъ; наконецъ повозки съ Калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отецъ мой оспанавливался всегда въ полѣ). Посудите, сколько при всемъ этомъ находилось народу, музыканшовъ, поваровъ, царей и разной челяди.

III.

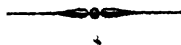
Мать моя была въ своемъ родѣ шволь же замѣчательна, какъ и мой отецъ. Она была изъ роду ***ихъ. Отецъ, заблудившись на охонѣ, прѣхалъ въ домъ къ ***ву, влюбился въ его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновеннаго ума и способностей. Она знала многіе языки, между - прочимъ Греческій; Англійскому выучилась она шеспидесяти лѣтъ. Отецъ мой ее любилъ, но содержалъ въ шпирогоспи. Много вышербѣла она опѣ его

причудъ. Напримѣръ: она боялась воды. Опецъ мой въ волновую погоду сажалъ ее въ рыбацью лодку и капалъ ее по Волгѣ. Иногда, чпобъ пріучипь ее къ военной жизни, сажалъ онъ ее на пушку и палилъ изъ-подъ нея. До глубокой спароспи сохранила она видъ и обхождение знапной дамы. Я не видывалъ спарушки лучшаго тона.

IV.

У насъ было множесшво учипелей, гувернеровъ и дядекъ. Однажды, мучась продолжипельноснїю вечерняго урока, въ шо время, какъ Французъ-учипель занялся съ брапомъ моимъ, я подкрался и задулъ обѣ свѣчки. Матери моей не было дома. Случилось, чпо во всемъ домѣ, кромѣ сихъ двухъ свѣчей, не было огня, а слуги, по своему обыкновенїю, всѣ ушли, оспавя домъ пущымъ. Учипель насилу ихъ нашелъ, насилу добился огня, насилу добрался до меня и, въ наказанїе, заперъ меня въ чуланъ. Вышло, чпо въ чуланѣ заперпы были разные съеспные припасы. Я, къ неизъяснимому упѣшенїю, топчасъ опыскалъ шупъ изюмъ и винныя ягоды и наѣлся вдоволь. Между-тѣмъ ощупалъ шпофъ, опкупоридъ его, полизалъ горлышко, нашелъ его сладкимъ, попробовалъ изъ него хлебнуть: мнѣ эшо

поправилось. Нѣсколько рѣзь повторить свое испытаніе и вскорѣ повалился безъ чувствъ. Между-тѣмъ мапушка пріѣхала. Учитель разсказалъ мою проказу и съ нею отправился въ чуланъ. Будятъ меня. Чпо же? Встаю, шапаясь, блѣдный; на полу разбитый шпофъ. Опгь меня несеитъ водкой. Мапушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, съ головной болью, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу въ окно и вижу, что на повозку громоздятъ пожилки моего учителя. Няня моя объяснила мнѣ, что мапушка прогнала его за тѣмъ-де, что онъ вечеръ заперъ меня въ чуланъ.

XV.

ОТРЫВКИ.

**ЛИТЕРАТУРНЫЯ, КРИТИЧЕСКІЯ,
ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.**

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

А. С. Пушкина.

—

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда опускался изъ лѣноспии. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ; я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или королевскаго знакомства. Теперь какія-то изоржественности меня окружаютъ, и вѣроятно будутъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей—за то буду осомнительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достойны.

Избравъ себя лицомъ, около котораго поспараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя

замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ опть Прусскаго выходца *Радиш* или *Раги* (*мужа честна*, говоритъ лѣтописецъ, п. е. знашнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ Россію во время княженія Св. Александра Ярославича Невскаго. Опть него произошли Мусины, Бобрищевы, Мяпьевы, Повадовы, Каменскіе, Бушурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. Имена предковъ моихъ встрѣчаются поминутно въ нашей Исторіи. Въ маломъ числѣ знапныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ опть кровавыхъ опалъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуешь и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ, въ эпоху Самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междоусобицъ, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинокъ Исмайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло*. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольникій Маввѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ—объ уничтоженіи мѣспничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ Первомъ, сынъ его, спольникъ Федоръ Маввѣевичъ,

уличень былъ въ заговоръ прошиву Государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковиннымъ. Прадѣдъ мой, Александръ Петровичъ, былъ женатъ на меньшей дочери графа Головина, перваго Андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ. Единственнѣйшій сынъ его, Левъ Александровичъ, служилъ въ аршылмерин, и въ 1762 году, при вспушненіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вспушалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Родословная маперя моей весьма любопытна. Дѣдъ ея былъ Негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то доспалъ его изъ серала, гдѣ содержался онъ аманашомъ, и опослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчапани. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ въ 1707 году, съ Польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 го-

да, Ганнибалъ находился неоплучно при особѣ Государя, спалъ въ его шокарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, попомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во Французскую службу; во время Испанской войны, былъ въ голову раненъ, *въ одномъ подземномъ сраженіи* (сказано въ рукописной его біографіи), и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяннѣ большаго свѣта. Петръ Первый неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не поропился, опговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоспавляетъ его доброй волею возвратишься въ Россію, или оспашься во Франціи; но что, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставишь прежняго своего питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно опсправился въ Пепербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Пешра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже опыскашь. Государь пожаловалъ Ганнибала въ бомбардирскую роту Преображенскаго полка капитанъ - лейпешанпомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго, судьба Ганнибала перемѣнилась. Меньшиковъ, опасаясь его вліянія на Императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ Двора. Ганнибалъ былъ переименованъ въ майоры Тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрить Кипайскую степну. Ганнибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ Пестербургъ, узнавъ о паденіи Меньшикова, и надѣясь на покровительство князей Долгорукихъ, съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Миннихъ спасъ Ганнибала, отправа его тайно въ Ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда Императрица Елисавета взошла на престолъ, тогда Ганнибалъ написалъ ей Евангельскія слова: «помяни мя, егда приидеши во царствіе твое.» Елисавета тотчасъ призвала его ко Двору, произвела въ бригадиры, и вскорѣ потомъ въ генералъ-майоры и въ генералъ-аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губерніяхъ Псковской и Пестербургской; въ первой: Зуево, Боръ, Пешровское и другія; во второй: Кобринно, Суйду и Танцы; также деревню *Рагалу*, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ

онъ оберъ-коменданпомъ. При Петръ III вышелъ онъ въ опшпавку и умеръ философомъ (говорить его Нѣмецкій біографъ), въ 1781 году на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ-было свои записки на Французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами.

Спаршій сынъ, Иванъ Абрамовичъ, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки волѣ родителя, опшичился, и ползая на колѣняхъ, выпросилъ опщовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ шѣхъ, копорые спаслись съ корабля, взметѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донны въ уважающа въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я спариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Пешемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него Александровскую леншу; но онъ оставилъ службу и съ шѣхъ поръ жилъ по больной часпи въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими и Суворовымъ, копорый при немъ оставилъ свои

проказы, и кошорога принималъ онъ во завѣщивая зеркаль и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ, служилъ во флотъ и женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери Тамбовскаго восводи, роднаго брата дѣду отца моего, (кошорый доводился внучапнымъ брапомъ моей мапери) и сей бракъ былъ несчастливъ; онъ кончился разводомъ. Дѣдъ мой умеръ въ 1707-мъ году, въ своей Псковской деревнѣ. Одиннадцатъ лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Свяшогорскомъ монастырѣ.

—

.

2-го апрѣля вечеръ провелъ у Н. Д. Прелестная Гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пашью Греками, я одинъ говорилъ какъ Грекъ; всѣ опчаявались въ успѣхъ предпріяшя *Этерия*. Я твердо увѣренъ, что Греція воспоржесшвуешь, и 25,000,000 Турковъ оставяшъ дѣвшущую страну Эллады законнымъ наследникамъ Гомера и Семейспокла. Съ крайнимъ сожалѣнїемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣешъ другаго доспомни-

ства, кромѣ храбрости необыкновенной — храбрости доспанепъ и у Ипсиланши.

5-го. Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополипа; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ Жиды: они наполняли пѣсныя улицы, взбирались на кровли и соспавляли памъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со-всѣмъ пѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! они боялися христіанъ и пошому во спо крапъ благочиннѣе всѣхъ.

Чипалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Ж. Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! *Кому былъ Фебъ изъ Русскихъ ласковъ* — неожиданная рифма Херасковъ не примиряетъ меня съ шакой какофоніей. Баратынскій — прелестъ.

Болезнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейпонтъ за меня не опшвчалъ. Семья моя была въ опчаявіи; но черезъ шесць недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часшо; ихъ разговоры сокращали скучные вечера.

Чувство выздоровленія, одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню непрерывнѣе, съ которымъ ожидалъ я весны—хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня поску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоели во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всей поэтической своей прелестью. Это было въ февраль 1821 года. Первые восемь помовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностію и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и бытъ надлежало) надѣяло много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 5,000 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяць (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ)—примѣръ единственныи въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать Исторію своего отечества, до того неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моему выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи опучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глубѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать

на счесть духа и слога Испоріи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ II-ю часть, прочла въ слухъ: *Владимиръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его однако! зачѣмъ не но? Однако! какъ это глупо! чувствовали ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!*— Въ журналахъ его не крипиковали. К. бросился на одно предисловіе.

—

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, за что никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ, во время самыхъ блестящихъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-ть лѣтъ жизни безмолвнымъ и неупоминимымъ прудамъ. Ношы Русской Испоріи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ шѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно окончанъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Молодые Якобинцы негодовали на испоріографа за его умеренность; они забывали, что Карамзинъ (который впрочемъ былъ убѣжденъ въ необходимости для Россіи самодержавія, вѣтъ коего нѣтъ или по край-

ней мѣрь долго, долго не будетъ для нея безопасно-спи) печаталъ Исторію свою въ Россіи; чтоо Государь, освободивъ его отъ цензуры, симъ знакомъ довѣренности, нѣкопорымъ образомъ, полагалъ на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умѣренности. Онъ рассказывалъ со всею вѣрностию испорника, онъ вездѣ ссыла-ся на испочники; чего жъ болѣе претоватиъ было отъ испорника? Повторяю, чтоо *Исторія Государства Россійскаго* есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго чело-вѣка.

Нѣкопорые изъ людей свѣпскихъ письменно крипиковали Карамзина. М., молодой человекъ, умный и пыкій, разобралъ предисловіе, или вве-деніе: предисловіе!... О., въ письмѣ къ В. . . , гнѣвалъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исто-ріи не помѣспилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи Славянъ, ил. е. претовалъ романа въ испоріи—ново и смѣло! Нѣко-порые оспряки за ужиномъ переложили первыя главы Типа Ливія смотомъ Карамзина. Римляне время Тарквинія, непонимающіе *спасительной пользы монархій*, и Брушъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, *ибо редко основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностию* — конечно

были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ эпиграммъ; это не лучшая черпа моей жизни.

Если въ печеніе 16-ти-лѣтней авторской жизни, я никогда не отвѣчалъ ни на одну криптику (не говорю ужъ о ругательствахъ), то сіе происходило, конечно, не изъ презрѣнія.

Состояніе криптики само по себѣ показываетъ степень образованности всей либературы вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ доспащны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ. Презираетъ криптику значило бы презираетъ публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесность съ гордостью можетъ выспавить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басень, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтновъ энегической поэзии: такъ и наша криптика можетъ предспавить нѣсколько отдѣльныхъ спапей, исполненныхъ свѣпныхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно въ распояніи одна отъ другой и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не пришло.

Не опивчалъ я моимъ кришикамъ не потому также, чтобъ недоснавало во мнѣ веселости и педантизма, не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ кришикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и спараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности); мнѣ было совѣстно, для опроверженія кришикъ, поспорять школьныя или пошлыя истины, полковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего зашуднипельнѣе, важно говорить: *Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons.* Ибо кришики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Опселя ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина и главная: лѣтность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливостъ или недобросовѣстностъ, чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносныя часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарища, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать опроверженія. Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь помилуетъ мнѣ читателя),

что глупѣе сего занятія опъ роду ничего не могъ я выдумашъ.

Возраженія не на крипики (на эпо никакъ не могу рѣшишься), но на обвиненія липературныя, копорыя нынѣ въ большой модѣ.

О Цыганахъ одна дама замѣшила, что во всей поэмѣ одинъ шолько чеспный человекъ, и по медвѣдъ. Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣда и еще собираешъ деньги съ глзбющей публики. В. повпорилъ по же замѣчаніе (Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алека хопъ кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе). Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: *ma tanto meglio*.

Вѣроятно прагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для

публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны липературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны, или искажены въ подражаніяхъ.

—

Между прочими липературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говоритъ тому, кто опъ-роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять по же милое обвиненіе издателя Сѣверной Пчелы? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній, число требователей ограничено. Оно состоитъ изъ нѣкихъ же лицъ, которыхъ плащятъ по пяти рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рублю экземпляръ, все-таки продавали бъ по пяти рублей. Правда, въ такомъ случаѣ авторъ могъ бы приспустить ко второму, дешевому изданію, но книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Этия торговые обороты намъ, издавателямъ-писателямъ, очень извѣстны. Мы знаемъ, что дешевизна книги не

доказываетъ безкорыстіе автора, но, или большое прѣбываніе оной, или совершенную оспановку въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе, напечатать: 20,000 экземпляровъ одной книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продавать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басень Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта (*le plus national et le plus populaire*), не противорѣчитъ нами сказанному. Басни (какъ и романы) читаютъ и императоръ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничная и дѣти. Но стихопвореніе лирическое читаютъ только любители поэзіи.—А много ли ихъ?

—

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшаютъ. Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ, гдѣ болѣе мерзвыхъ? Но что сказали бы мы прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Феды, если бъ, къ несчастію, написалъ ее Русскій и въ наше время? Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочи-

нипелемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодого олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной спира-спирт своей (!!!!). Сего не довольно: сія фурія, упопребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, возноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ чинапельницамъ, не смѣемъ объяснить!!! Злой старичишка, не входя въ обстоятельство, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!) — послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра оправливается; ея гнусная наперсница упопляется, и пошло. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. (пусть личности и ругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровавая, развратная вѣдьма съ прыщичками на лицѣ! — Шлюсь на совѣсть самихъ криптиковъ!»

Но должно ли и можно ли серьёзно опвѣчать на таковыя криптики, хотя бѣ онѣ были писаны и по-Лашинъ? Не такъ ли, хотя и болѣе кудрявымъ слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно не равныя достоинствомъ произведенія Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отноше-

нѣя? А прѣятели называютъ этогѣ вздоръ. глупокомыслѣемъ.

Если бѣ Недоросль, сей единственнѣй памятникъ народной сапиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Фонвизина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранишь Памашку *каналъей* и *сабахъей дочерью*, а себя сравниваетъ съ сукою (!!). «Что скажутъ дамы, воскликнулъ бы крипикъ? вѣдъ эша комедія можетъ попасться дамамъ! Въ самомъ дѣлѣ спрашно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушашъ! А дамы наши (Богъ имъ судья) ихъ и не слушаютъ и не читаютъ; а читаютъ этого грубаго В. Скопца, которѣй никакъ не умѣетъ замѣнить проспорѣчіе проспомыслѣемъ.

Будемъ справедливы: Г*** нельзя упрекнуть въ низкомъ подобоспрашн предъ знапными; напрошивъ, мы гоповы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и опношенія къ живымъ.

Китайскій анекдотъ. Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса грамотѣевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ Пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотѣй (слѣдующъ Китайскія ругашельства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей (что, говорятъ, за нимъ вѣждалось), или пихонько взялъ рукопись изъ шкапулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось), склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотѣй-трагикъ, человѣкъ ловкій и безпокойный, но смирный, поворчавъ немного, оставилъ - было въ покоѣ похипипеля; но грамотѣй - романистъ, опасаясь быть обличеннымъ, спалъ кричаъ изо всей мочи, что трагикъ Фанъ - хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фасъ-хи въ совѣстный Пекинскій судъ, и проч. и проч.

—

Спихъ: *Два вѣка ссоритъ не хочу*, крипику показался неправильнымъ. Что гласитъ грамма-

пика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею пребуеть не винительнаго, а родительнаго падежа; наприкладъ: я *не пишу стиховъ*. Но въ моемъ стихѣ частица *не* относится къ глаголу *хочу*, а не къ *сорить*. Ergo правило сюда неидеть. Возьмемъ, наприкладъ, слѣдующее предложеніе: я не могу вамъ позволить начать писать *стихи*, а ужь конечно не *стиховъ*. Не ужь - по электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголовъ и опозваться въ существительномъ? Не думаю.

Кстати о грамматикѣ. Я пишу *Цыгань*, а не *Цыгане*; *Татаре*, а не *Татары*. Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончащіяся на *анинъ*, *лиинъ*, *аринъ* и *яринъ* имѣють свой родъ во множественномъ на *анъ*, *янъ*, *аръ* и *яръ*; а именительный множествен. на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*. Всѣ же существительныя, кончащіяся на *анъ* и *янъ*, *аръ* и *яръ*, имѣють во множественномъ именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родъ на *ановъ*, *яновъ*, *аровъ*, *яровъ*.

Единственное исключеніе: имена собственныя. Пошомки г-на Булгарина будуть г-да Булгарины, а не Булгаре.

У насъ многіе (между прочими и г-нъ Каче-новскій, котораго, кажешся, нельзя упрекнутьъ въ незнаніи Русскаго языка) спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаешь — рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ — вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. Рѣшу спрягается, какъ — грѣшу.

Иноспранные собственныя имена, кончаціяся на *e, и, o*, не склоняются. Кончаціяся на *a, ъ* и *ь*, склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и прошивъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ; пишутъ: книга, сочиненная Гѣшемъ, и проч.

Какъ надобно писати: Турковъ, или Турокъ? то и другое правильно. Турокъ и Турка равно употребительны.

Вотъ уже 16-ть лѣтъ, какъ я печатаю, и крипики замѣтили въ моихъ спискахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправ-

лялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти шакъ, какъ пишешь Г***.

Многіе пишутъ: *юпка, сватьба*. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняешь на *д*, ни *л* на *б*, а мы говоримъ *юбочница, свадебныя*.

Двенадцать, а не *двѣнадцать*; сокращено изъ *двое*, какъ *три* изъ *трое*.

Пишутъ: *тѣлега, телѣга*. Не правильнѣе ли: *телега* (отъ слова *телецъ*; шелеги запряжены волами)?

Разговорный языкъ проспаго народа (не читающаго иноспранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ), достоинъ шакже глубочайшихъ изсѣдованій.

Альфieri изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвириямъ: онѣ говорящъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

Московскій выговоръ чрезвычайно измѣненъ и прихопшивъ. Звучныя буквы *щ* и *ѣ* передъ другими согласными въ немъ измѣнены. (См. Богдановича).

Г-нъ Б. Федоровъ, въ журналѣ, который началъ было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главу Онегина, замѣтилъ однако жъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сразу начинающа у меня часшицею *ужъ*, что и называлъ онъ *ужами*; а что въ рипорикѣ зовется *единоначатіемъ*. Осудилъ онъ также слово *корова*, и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ, и вѣроятно чиновныхъ, называлъ *дьяконками* (что конечно не учтиво), между-шѣмъ, какъ просую деревенскую дѣвку называлъ *дѣвою*:

Въ избушкѣ распявал, дава врадѣть.

Шестой пѣсни Овѣгина не разбирали, даже не замѣтили въ Вѣспникѣ Европы Латинской опечатки. Кшати: съ пѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ Лицея, я не раскрывалъ Латинской книги и совершенно забылъ Латинской языкъ. Жизнь коротка; перечитывать некогда. Замѣчательныя книги пѣснися одна за другой, а нѣко по нынче по-Латинѣ ихъ не пишеть. Въ XIV столѣтїи, на оборотъ, Латинскій языкъ былъ необходимъ, и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго челоуѣка.

Г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправляя ихъ по-своему и опсылая въ Альманахъ Г. Б. вмѣстѣ съ собственными произведенїями. Стихи, преданные мною забвенїю, или написанные не для печати (напримѣръ: *Она мила, скажу межъ нами*), проспителью мнѣ было написать на 19-мъ году, но непроспителью признавъ публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и спепенномъ (напримѣръ, посланїе къ Ю); однако жъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденїе получаешь вѣсь опъ волшебнаго влїянїя типографїи. Намъ все еще печат-

ный листъ кажется свѣтъмъ. Мы все думаемъ: какъ можетъ это быть глупо, или несправедливо? вѣдь это печально!

Habent sua fata libelli. Полшава не имѣла успѣха. Можетъ быть, она его и не сполла, но я былъ избалованъ приѣмомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ. Журналы взялись объяснить мнѣ причину шому. Они во-первыхъ объявили мнѣ, что опъ-роду не видано, чтобъ женщина влюбилась въ спарика, и что, слѣдственно, любовь Маріи (Матрены) Кочубеевой къ спарому гепману (впрочемъ исторически доказанная) не могла существовать.

«Такъ что жъ, что ты Честотъ? Хоть знаю, да не вѣрю.»

Этимъ я не могъ удовольствоваться: любовь есть самая своенравная сирася. Не говорю ужъ о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ; я вспомнилъ преданія мифологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Пазноаю, Олимпію, Пигмаліона, и принужденъ былъ признасться, что

всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи, или справедливѣе ей принадлежатъ. А Опелло, старый Негръ, плѣтившій Дездемону разказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ? . . . Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа *злой и глупой старикшика*. (Спаричишка, вмѣсто спарикъ — ради запѣйливости). Что я изобразилъ Мазепу *злымъ*, въ помѣ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особенно въ минушу, какъ онъ хлопочетъ о казни опца дѣвухи, имъ обольщенной. *Глупость* челоуѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ почвъ-почъ какъ и въ исторіи. Рѣчи объясняютъ его исторической характеръ. Не довольно, если крипикъ и рѣшипъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо; не худо, если онъ чѣмъ-нибудь эпо и докажетъ. Попомъ замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ; что Малоросійскій гешманъ не спуденпъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мспинпъ не захочетъ; опять исторія, опроверженная липературною крипикою, опять: *хоть знаю, да не вѣрю*.

Мазепа, воспитанный въ Европѣ, въ по время, какъ поняшій о дворянской чести были въ высшей степени силы, Мазепа могъ поминпъ долго обиду. Въ этой чертѣ весь его характеръ,

скрыпный, жестокий, постоянный. Дернуть Поляка или казака за усы, все равно было, что хватить Россіянина за бороду. Хмельницкій, за всѣ обиды, прешерпанныя, помнится, опть Чернецкаго, получилъ въ возмездіе, по приговору Рвчи посполитой, осприженный усъ своего непріателя (см. Конисскаго).

Попомъ слѣдовала крипика мелочная, крипика буквъ, опть которой пора бы намъ опвыкнупь; слова: *усы, визжать, оставай, разсвѣтаетъ, ого, пора*, показались крипикамъ *низкими, бурлацкими*. Никогда не пожерпвую крапкостію и почностію выраженія провинціальной чопорности, бояся казаться прешонароднымъ для Славянофиловъ, или п. п.

—

Говоря о Полтавѣ, крипики упомянули однако жъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его, или справедливѣе, какъ не понимали!

Спарый гешманъ, предвидя неудачу, въ моей поэмѣ, бранилъ молодого Карла и называетъ его мальчишкой и сумасшедшимъ. Крипики важно

укорали меня въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ чему не былъ привязанъ; кристики ссылались на *собственные* слова гешмана, увѣряющаго Марию, что онъ любитъ её

Больше славы, больше власти.

Такъ понимали они драматическое искусство!

Въ Вѣспникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я её Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо. Но была шутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій фонтанъ въ рукописи названъ былъ Гаремомъ; но меланхолическій эпиграфъ (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнилъ меня.

—

Байронъ зналъ Мазепу только по Вольперовой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только карпиной человѣка, связаннаго на дикой лошади и несущагося по степямъ. Карпина, конечно, поэтическая. И за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Какое пламенное созданіе! какая широкая кисть!

Но не ищите пупъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго характера, который проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона; но котораго (на бѣду моихъ криптиковъ) въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ; онъ выпавилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе. Вотъ и всё. Если же бы подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно, ни кто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего предмета.

—

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубел
И обольщенную ихъ дочь,

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры — и не мудро и не великодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустилъ столь разительную историческую черту было не проспитель-но. Однако жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни

одной упѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость.... Сильные характеры и глубокая прагматическая пѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вопъ что увлекло меня. Полпаву написалъ я въ нѣсколько дней, далѣе не могъ бы ею заниматья и бросилъ бы всё.

—

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его безнравственнымъ, разумѣея, въ журналахъ; въ свѣтѣ приняли его благосклонно, и никто изъ журналистовъ не захопѣлъ за него вступитъя. Молодой человекъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! какъ смѣетъ писать такіа опврапительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что бы на мѣстѣ Напальи Павловны сдѣлали Пепербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстапи о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ презвѣымъ и благоприспойнымъ образомъ) подняли проптивъ меня всю классическую древность и всю Европейскую литературу! Вѣрю спыдливости моихъ крипи-

ковъ, вѣрю, что графъ Нулинъ почто кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И уже ли творцы шумливыхъ повѣстей: Аріостъ, Бокаччо, Лафонтенъ, Каспи, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Уже ли, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмипріева? Какой несчастный педантъ осмѣлился укорить Душеньку въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станеть важно осуждать *модную жену*, сей прелестный образецъ легкаго и шумливаго разсказа. А эротическія стихотворенія Державина, невиннаго, великаго Державина? Но устранимъ неравенство поэтическаго достоинства. Графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности и въ живописи шупокъ.

Эти Гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-лѣтняя племянница, у другаго 15-лѣтняя знакомая, и все, что, по благоусмотрѣнію родителей, еще не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! какъ будто литература и существуетъ

полюко для 16-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ? Благоразумный наставникъ вѣроятно не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ брашцамъ, ни сдннаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хреспоманіи, выбранныя мѣста и ш. п.; но публика не 15-ти-лѣтняя дѣвица и не 13-ти-лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія, и все, что про-себя читаютъ сами Гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ коррекпурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эпизы господа, столь щекотливые на счетъ благоприсойности, напоминаютъ спыдливость Тартюфа, накидывающаго плапокъ на опкрутую грудь Дорины и заслуживающаго забавное возраженіе горничной.

—

Въ Вѣспникѣ Европы съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ копомъ, цапцарапсвующимъ кошку (забавный глаголъ: цапцарапсвую, цапцарапсвуетъ, цапцарапсвуетъ). Правда, во всемъ Графъ Нулинъ этого сравненія

не находилъся, такъ же, какъ и глагола цаццарап-
ствую; но хоть бы и было, что за бѣда?

—

Безнравственное сочиненіе есть то, кое-
го цѣлю или дѣйствиемъ бываетъ попрясненіе
правиль, на коихъ основано общественное сча-
стіе или достоинство человѣческое. Спихотво-
ренія, коихъ цѣль горячить воображеніе любо-
страстными описаніями, унижаютъ поэзію, пре-
вращая ея божественный нектаръ въ воспали-
тельный составъ. Но шутка, вдохновенная сер-
дечною веселостію и минушною игрою вооб-
раженія, можетъ показаться безнравственною
только тѣмъ, которые о нравственности имѣ-
ютъ дѣпское или темное понятіе, смѣшивая ее
съ нравоученіемъ, и выдають въ лицерашуръ од-
но педагогическое зачатіе.

—

Ксшапи! началъ я писать съ 13-ти лѣтняго
возраста и печатать почти съ того же време-
ни. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ не-
достойное даже и моего дарованія, каково бы
оно ни было. Иное тяготѣеть, какъ упрекъ на

совѣспи моеи. По крайней мѣрѣ, не долженъ я опвѣчать за перепечашаніе грѣховъ моего опрочесства, а пѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ г-мъ Б. Оедоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ г-на П-ва. Г-нъ Марлинскій, въ предисловіи какого - то альманаха, благодаритъ какого-то г-на А. П. за доставленіе стихопвореній, объявляя, что не всѣ удостоились напечатанія.

—

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной сцены въ Вѣстникѣ Европы, въ которой ее побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худова слова. Никпо не замѣнилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкопорыя, слегка сладоспратныя описанія, за стихи, мною выпущенные во шпоромъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилой
Ласкаетъ сморщенной рукой &c.

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились &c.

и за пародію *Двенадцати сплящихъ дѣвъ*; за послѣднее можно было меня пожуришь порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Не простительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣйственное поэтическое созданіе. Были прочіе упрёки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напри- мѣръ, Аріоспа, о которомъ помивушно пѣрдали мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень, очень смягченное подражаніе Аріосту.

—

Кавказскій пленникъ. Первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ эгегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Н. и А. Р. и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

—

Бахчисарайскій фонтанъ слабѣ *Плѣнника*, и, какъ онъ, опзывается чпеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ

*

Маріей имѣеть драматическое достоинство. Его, кажешся, не крипиковали. А. Р. хохоталъ надъ слѣдующими стихами :

Опъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю — и съ размаха
 Недвижимъ остается вдругъ,
 Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
 Блѣднѣеть &c.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія спрасей. Ихъ герои всегда содрагаются; хохочуть дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

Не помню, кто замѣнилъ мнѣ, что не вѣро-
 ятно, чтобъ скованные вмѣстѣ разбойники мо-
 гли переплыть рѣку. Все это происшествіе спра-
 ведливо и случилось въ 1820 году, въ бытность
 мою въ Екашеринославѣ.

Наши крипики долго оспавляли меня въ по-
 коѣ. Это дѣлаеть имъ честь: я былъ далеко
 и въ обшпашельспвахъ неблагопріятныхъ. По
 привычкѣ, полагали меня все еще очень моло-

дымъ человѣкомъ. Первыя непріязненныя спашь, помнишь, спали появляясь по напечатаніи четвершой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Ашенѣ, удивилъ меня хорошимъ пономъ, хорошимъ слогомъ и спрранностию привязокъ. Самыя обыкновенныя рипорическія фигуры и шропы оспанавливали крипика, напр. можно ли сказаць: *стаканъ шипитъ вмѣспо вино шипитъ въ стаканъ? каминъ дышитъ, вмѣспо паръ идетъ, изъ камина?* не слишкомъ ли смѣшно *ревнивое подозрѣніе?* *невгърный ледъ!* Какъ думаете, чпѣ бы такое значило:

Мальчишки

Коньками зегно рѣжутъ ледъ?

Крипикъ догадывался однако жъ, чшо эню значить: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣспо:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
(Задумалъ плыть по лону водѣ)
Ступаетъ бережно на ледъ.

Крипикъ чишалъ:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
Задумавъ плыть —

и справедливо замѣчалъ, чшо не далеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы *не* винительный, а не родительный падежъ; времянъ, вмѣсто времени, какъ, на примѣръ, у Бажюшкова:

То древно Русь и нравы
Владимира времянъ. . . .

приводили крипика моего въ великое недоумѣніе; но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую моль и конскій топъ.

«Такъ ли изъясняемъ мы, учившіеся по старымъ грамматикамъ? можно ли пакъ коверкать Русскій языкъ?» Надъ эпимъ стихомъ жестоко попомъ посмѣялись и въ Вѣспникъ Европы. *Моль* (рѣчь) слово коренное Русское. *Топъ* вмѣсто *топотъ* (слѣдственно и *хлопъ* вмѣсто *хлопаніе*) вовсе непрошивно духу Русскаго языка, какъ и *шипъ* вмѣсто *шипѣніе*:

Онъ шипъ пустилъ по змѣному.

(Древ. Русскія стихотвор.)

(споль же употребительно). На ту бѣду и стихъ-шо весь не мой, а взявъ цѣликомъ изъ Русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую моль.»

Бова Королевичъ.

Изученіе старинныхъ пѣсень, сказокъ и ш. и.

необходимо для совершеннаго знанія свойспивъ Русскаго языка; крипики наши напрасно ими презираюшъ.

Пропущенныя спрофы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что еспь спрофы въ Онѣгинѣ, копорыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываюшъ связь разсказа и по-эшому означаеися мѣстою, гдѣ бышъ имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эпи спрофы другими, или переправляшъ и сѣлавливать мною сохраненныя.

Но, виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсь такъже, что въ Донъ-Жуанѣ еспь двѣ выпущенныя спрофы.

—

Крипику VII пѣсни въ Сѣверной Ичегѣ пробѣжалъ я въ-госпяхъ и въ шакую минушу, когда было мнѣ не до Онѣгина... Я замѣнилъ польско очень хорошо написанные стихи, и довольно смѣшную шупку *объ жулкѣ*—у меня сказано:

Быль вечеръ. Небо мрачно. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Крипикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ опть него характера, лучше выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія, или мысли крипической, не было. Другихъ крипикъ я не чиналъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

Шупки нашихъ крипиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный анекдотъ: «Въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ поварищей, и не шѣмъ будь помянушъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха ха ха, хи хи хи,
Д — пишеть стихи.

Каково же было намъ Д. и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго Вѣспника Европы, найти слѣдующую шупку: Альманахъ Сѣверные Цвѣпы раздѣляется на прозу и стихи—хи хи! Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи хи, показалось видно столь запѣйливымъ, что его перепечатали съ большою похвалою въ Сѣверной Пчелѣ:

«Хи хи, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣспникѣ Европы, etc.»

Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обзорѣнн нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій опозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эшу душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскушки, и вопль уже годъ какъ ими щеголяютъ, спараясь насмѣшить свою публику. Но какая имъ опъ пого прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣрять наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но поспоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ и безпристрастію критики.

—

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Опъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положившись не возможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые ко-

нечно не спанутьъ ему въ глаза бранишь его произведеніе, хотя бы оно шого и споймо.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще опозвались объ ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ прошиворѣчилъ шому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесѣть часшей одеого и шого же сочиненія, спранно было мнѣ чипапшь неумѣренную брань и личносши, копорыми шакъ называемые судіи наши встрѣшили седьмую.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII Глава не могла имѣшь никакого успѣху, ибо нашъ вѣкъ и Россія идушь впередъ, а спихонворецъ оспаешся на прежнемъ мѣспѣ. Рѣшеніе несправедливое (ш. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можешъ идиши себѣ впередъ, и науки, философія и гражданспвенносшь, могушь усовершенспвовашься и измѣняшься — но поэзія оспаешся на одномъ мѣспѣ — цѣль ся одна, средспва птѣ же. Поэшическое произведеніе можешъ бьшь слабо, неудачно, ошибочно — виновашпо ужъ вѣрно дарованіе спихонворца, а не вѣкъ, ушедвий онъ него впередъ.

Произведенія испивныхъ поэзовъ оспаюся свѣжи и вѣчноюны — и между шѣмъ, какъ великіе предспавипели спаринной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ спарѣюпъ и одинъ другому успунасптъ мѣспю, одна поэзія оспаепся на своемъ неподвижно и никогда не перепсптъ своей младоспи.

Вѣрояпно крипикъ хотѣлъ сказапъ, что Евгенийъ Онѣгинъ и весь его причесптъ уже не новосптъ для публики, и что онъ надобѣлъ и ей, какъ журналиспамъ.

Какъ бы по ни было, рѣшусь еще испусиппъ перпѣніе. Воптъ еще двѣ * Главы Евгениа Онѣгина — послѣдніа, по крайней мѣрѣ для печаспи. Тѣ, копорые спали бы въ нихъ испакпъ занимапельноспи происшеспвій, могутъ быпъ увѣренны, что въ нихъ еще менѣ дѣйспвіа, нежели во всѣхъ предшеспвовавшихъ. Осьмую Главу я хотѣлъ - было вовсе уничпюжипъ и замѣнипъ одной Римскою цифрою, но побоялся крипика; къ спому же многіе ошривки изъ нея были уже напечаспаны.

—

* Видно, что это писано по одному предположенію. После двйствительно VIII Глава уничпюжена была авторомъ. II. II.

Пора занявъ Барашынскому на Русскомъ Парнасъ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю спрогость криптиковъ и публики — напрошивъ. Едва замѣтили въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже потчасъ спѣшатъ привѣщивать его шипломъ генія, за сладкіе спишки; нѣжно благодарятъ его въ журналахъ опъ имени чловѣчества.

Невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравнваемъ безъ церемоніи съ безмерными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рвшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать злую посредственность невинныхъ удовольствій — журнальнымъ споржесствомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Барашынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностію журналовъ — опъ того ли, что вѣрность ума, чувствва, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на полпу, нежели преувеличеніе (*exageration*) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкопорыми эпи-

граммами заслужилъ негодованіе брашна, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъясляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шупкахъ покойнаго Благонамѣреннаго, извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе Эды, произведенія, столь замѣчательнаго оригинальной своею простотою, прелестью разказа, живоспью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, появленіе Эды подало только поводъ къ неприличной спашейкѣ въ Сѣверной Пчелѣ и слабому возраженію на нее въ Московскомъ Телеграфѣ.

Какъ опоздался Московскій Вѣстникъ о собраніи стихотвореній нашего перваго эстетическаго поэта (упоминаю обо всемъ эпозѣ для назиданія молодыхъ писателей)? Между пѣмъ Барашинскій спокойно совершенствовался. Последнія его произведенія являюцца плодами зрѣлаго таланта. Последняя поэма, Балъ, напечатанная съ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красокъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разказѣ тонъ шуп-

ливый и спрастный, метафизику и поэзію (два лица являюся передъ нами, одно исключительно занимаетъ *интересъ*). Характеръ поэмы совершенно новый, развитый сои атоге и съ удивительнымъ искусствомъ; для нея поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ ошпѣнки своей метафизики — для нея распочилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ укоризны; напрасно онъ съ принужденной холодностью говоритъ о ея смерти, сапирически описываетъ намъ ея похороны, и шулкою кончитъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную спрастную героиню — онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть поэтъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и — никогда вполне не удовлетворяя ни ея спрасти, ни любопытству — долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое *вліяніе*.

Никогда не пащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья; онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занялъ спенень, ему принадлежащую, и спашъ подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенаповъ и Тавриды.

Перечпите его Эду (копорую крипники наши напли ничпожной; ибо, какъ дѣпи, опгъ поэмы пребуютъ они происшесвій), перѣчпите сію крапкую восхиппительную повѣспь: съ какою глубиною чувспвъ развила въ ней женская любовь.

Баратынскій принадлежитъ къ числу опычныхъ нашихъ поэповъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслилъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслилъ по-своему, правильно и независимо, между пгемъ какъ чувспвуептъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжеспь, слогъ, живоспъ и почноспъ выраженія, должны поразипъ всякаго, хопя нѣсколькo одареннаго вкусомъ, чувспвомъ. Кромпъ прелеспныхъ элегій и мелкпхъ сппхотвореній, знаемыхъ всѣми наизуспъ и споль неудачно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣспп, копоруя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были

замѣчены одними знапоками. Первыя, юношескія произведенія Барапынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Пошпараемся объяснить пому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые чипашели понижаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лѣта идушъ — юный поэтъ мужаепъ, талантъ его распепъ, понятія спановятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не пѣ, а чипашели пѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ опдѣляется опъ нихъ, и мало-по-малу уединяепся совершенно. Онъ пворипъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываепъ свои произведенія, то встрѣчаепъ холодность, невниманіе и находипъ опголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкопорыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣпѣ. Вторая причина еепъ опсупспвіе крипики и общаго мнѣнія. У насъ липература не еепъ полюбленность народная. Писатели получаютъ из-

вѣспность посторонними обстоятельствоми, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляють журналы, которые судяють о липературѣ, какъ о политической экономіи, какъ о музыкѣ, п. е. иаобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ расчѣпамъ. Будучи предметъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій иногда за себя не вступаея, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что съ другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки — шѣмъ не менше ихъ разговоры имѣють рѣшительное вліаніе.

Третьею причиною — эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правнителей Русскаго Парнаса — хотя поэтъ нашъ никогда не находилъ ума въ полемикѣ и не любилъ соспизаться съ нашими арислархамъ, не смопра на необыкновенную силу своей діалектики, но и не могъ удержаться, чпобъ сильно не выразишь иногда своего мнѣнія въ энихъ маленькихъ сапирахъ, споль забавныхъ и чувспвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ.

Слишкомъ было бы жаль, если бѣ онѣ не существовали.

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похва-ламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень, очень замѣчательны. Никогда не спарался онѣ малодушно угождать господствующему вкусу и притребованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлапанству, преувеличенію (exaggeration) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами опдѣлки и опщепливости.

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ — судьба человѣческая, судьба народная. Вопшъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вопшъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливостъ опдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безприсрастіе, государственныя мысли

историка, догадливость, живость воображенія, опусуспівіе предрасудковъ и всякой любимой мысли.

Между пѣтъ какъ правила эстетички со временемъ Канпа и Лессинга развишы съ такой ясностію и обширностію, мы все еще оспаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готтшпеда; мы все еще повтोरлемъ, что *прекрасное* есть подражаніе изящной природы, и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи раскрашенныя нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэты предпочитаютъ выражать мысли свои стихами? и какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ драматическаго искусства. Что, если докажутъ намъ, что и самая сущность драматическаго *искусства* есть именно это правдоподобіе?

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ спрогѣмъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣсна, то увидимъ, что величайшіе драмати-

ческіе писатели часто не повиновались сему правилу. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываеъ прошивника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полу-Скинеъ Ипполитъ её подымаеъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза. Римляне Корнеля суть если не Испанскіе рыцари, то Испанскіе бароны. Со-всѣмъ пѣтъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ споятъ на высотѣ недосыгаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ истинныхъ изученій и воспоговъ.

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса рассмотримъ сначала, что такое драма и кака ея цѣль?

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, пребуеъ занимательности, дѣйствія. Драма представляетъ ему необыкновенное, истинное происшествіе; народъ пребуеъ сильныхъ ощущеній (для него и казни—зрѣлице); трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, спраданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоклетъ, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображе-

ніе привыкаесть къ убійствамъ и казнямъ, сморипитъ на нихъ ужъ равнодушно; изображеніе же спрасшей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма спала завѣдывасть спрасшими и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, попрясаемыя волшебствомъ драмы; но смѣхъ скоро ослабѣваесть и на немъ одномъ невозможно основашь полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сапира овладѣла ею исключительно, и приняла форму драмы. Такимъ образомъ родилась комедія, со-временемъ споль усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи.

Истина спрасшей, правдоподобіе чувствованій въ предполагаемыхъ обстоятельствевахъ — воптъ чего требуесть нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма, оставивъ площадь, перенеслась въ чершогн образованнаго, избраннаго общесства и

оспається вѣрною первоначальному своему назначенію — дѣйствовать на толпу, занимаясь любопытством. Творецъ прагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію своей возвышенности—и публика безпрекосновенно это признавала. При Дворѣ, на-оборотѣ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики — зрители были образованнѣе его, по крайней мѣрѣ такъ думали и онъ и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія упонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по сословію; онъ боялся унижить какое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патронновъ; отъ сего и робкая чопорность и опсегъ смѣшная надупость, вошедшая въ пословицу (*un héros, un roi de comédie*) и привычка влагать въ уста людямъ высшаго сословія съ какимъ-то подобострастіемъ спранный, нечеловѣчскій образъ изъясненія.

Драма никогда не была у насъ потребностію народною. Первые труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, непонимавшаго драматизма и непривыкшаго къ его условіямъ. Явился Сумароковъ; несчастнѣйшій изъ подражате-

лей. Трагедіи его, исполненыя прошивосмыслія, писанныя варварскимъ изгѣженнымъ языкомъ, нравились Двору Елисаветы, какъ новосшь, какъ подражаніе Парижскимъ увеселеніямъ. Сии вѣды, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное присраспіе. Озеровъ это чувспвовалъ. Онъ попыпшался дать намъ прагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной испоріи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ прагедій изъ Греческой, Римской и Европейской испоріи, и что самыя народныя прагедіи Шекспировы заимспвованы имъ изъ Испаліянскихъ *Носелъ*.

Послѣ Дмипрія Довскаго, послѣ Пожарскаго, произведенія незрѣлаго таланта, мы все не имѣли прагедіи. Андромаха Кашенина (можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ испинныхъ чувспвъ, по духу испинно прагическому), не разбудила однако жъ нашу сцену, опустылую послѣ Семеновой.

Ермакъ, идеализированный, лирическое произведеніе въ формѣ драмы. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелестъ поэзи.

Комедія была счастливице. Мы имѣемъ двѣ драматическія сапиры.

Отъ чего жъ нѣтъ у насъ трагедій? Не худо было бы рѣшиться: можетъ ли она и быть? Мы видели, что народная трагедія родилась на площади, образовалась, и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было бы напрошивъ. Мы захотѣли бы придворную Сумароковскую трагедію низвести на площадь, но естъ препятствія..

Трагедія наша, образованная по примѣру трагедій Расина, можетъ ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ (отъ своего разговора развѣреннаго и напыщенно благоприсойнаго)? какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ спрашеій, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ опростать отъ модоспрашеія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? и у кого ей выучиться нарѣчію, понятному народу? Какія суть спраши сего народа, какія спруны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучія — словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

XVI.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА
МОРО - ДЕ - БРАЗЕ
О ПОХОДЪ 1711 ГОДА,
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМЪЧАНІЯМИ
ПУШКІНА.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО- ДЕ-БРАЗЕ

О ПОХОДЪ 1711 ГОДА.

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ полку пѣхоты наемныхъ храбрцовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальперъ-Скоппъ такъ гениально изобразилъ въ лицѣ своего капитана: Dalgetty.

Моро былъ родомъ Французскій дворянинъ. Въ слѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ,

доспавляемыхъ Петромъ I иноспраннымъ офицерамъ, прїѣхалъ онъ въ Россію и принявъ былъ въ службу полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастнаго похода въ Молдавію, и послѣ Прусскаго мира былъ опспавленъ опъ службы съ чиномъ бригадира. Онъ скисался попомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги по Австрїи, по Саксонїи, по Венеціанской республикѣ, получалъ опказы и вспоможенїя; сидѣлъ въ шюрмѣ, и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщины хорошей, дворянской фамиліи, и копорая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была по, что Французы называютъ *ide aventurière*. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при Дворѣ Государыни Великой Княгини, супруги несчастнаго Царевича, но не ужилась съ молодымъ графомъ Левенвольдомъ и была выслана изъ Пешербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: *Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. N. D. B. C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, a Venitopolis chez Jean Disant-vrai. 3 volumes.*

Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать по себя, по свою жену. Онъ не имѣютъ ни прелеспи Гамильпона, ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжель, какъ и неправиленъ. Впрочемъ Моро писалъ свои сочиненія съ небрежвой увѣренностию дворянина, а смотрѣлъ на нихъ усгѣхъ съ философіей чловѣка, знающаго цѣну славы и деньгамъ. «*Qui que vous soyez, ami lecteur*» говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: «*quelque élevé que soit votre genie, quelques superieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grace et vous pouvez-vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coutera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un gallant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se desennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous*

m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mêlent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura de censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana.»

Записки Моро перемежаны съ разными стихотвореніями, иногда чрезвычайно вольными, большею частію собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою императорскою собственностію, какъ неприцельскою.

Впрочемъ онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько спроще изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je cru le bien servir,
J'ai même cru longtems pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

* *

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné;
Qui fut par le Turban dans le combat pillé
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.

* *

Renvoyé sans argent du fond de la Russie;
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes vœux.

* *

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état present, que je ne me sai rien,
Un peu d'honneur pour ma naissance,
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы оп-
савнаго бригадира находились не въ цѣпущемъ
состояніи. Впрочемъ Августъ велѣлъ выдать ему
присла гюльденовъ, и Моро былъ очень дово-

лень; должно признаваться, что ода и этого не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года, лучшее мѣсто изъ всей книги, опличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ опкровеній, которыхъ можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказаніяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie.

Моро не любитъ Русскихъ и недоволенъ Петромъ; шѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельство, которыя вырываются у него по-неволѣ. Съ какой прослѣдушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, *qui, quoique Russes, c'est à dire peu pitoyables, vouloient monter á cheval pour secourir ces braves Hongrois* *, на что чувствительные Нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы

* Тринадцать Венгерцевъ, кинувшихся въ средину Турецкой конницы.

не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что шаковыя нападенія не могутъ повредить ни славу Петра Великаго, ни чести Русскаго народа. Предлагаемъ «Записки бригадира Моро», какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями иностранцевъ о нашемъ обществе.

Начинаю съ замѣчательнѣйшаго и самаго блестящаго изъ событій, конемъ былъ я свидѣтель въ этой глухой спорѣ: именно съ войны, объявленной султаномъ Петру Алексѣевичу, Императору Великой и Малой Россіи. Но, дабы представить ее въ истинномъ видѣ, мнѣ должно будетъ описать предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ * обратиться къ тому времени, какъ Шведскій король Карлъ XII, воспоржествовавъ надъ Фридерикомъ - Августомъ (королемъ Польскимъ и курфирстомъ Саксонскимъ)

* Моро-де-Бразе относится въ своихъ запискахъ къ неизвѣстной дамѣ. Прим. А. С. Пушкина.

и надъ Его Царскимъ Величествомъ **, бросился въ Саксонію, возвелъ на Польскій престолъ Спанислава, и принудилъ Августа опказаться опть короны съ сохраненіемъ единаго королевскаго шипула. Въ это время Шведскій король могъ заключить чеспный и выгодный миръ, предлагаемый ему Царемъ. Положеніе его было самое счасливое: у него было до 40,000 прекраснаго войска, обыкшаго къ боямъ и цѣлымъ десятымъ лѣпымъ избалованнаго побѣдами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось въ Саксоніи, не безъ обиды и припѣсненій обывателямъ. Главная цѣль Шведскаго короля была имъ достигнута. Фридерикъ-Августъ былъ низверженъ. Онъ могъ опдѣлаться опть прочихъ своихъ непріятелей миромъ, котораго они сами домогались. Вспомнимъ, что Карлъ XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи Ризвицкаго мира. Онъ могъ обезоружить Европу, воющую за Испанское наследство, если бы только объявилъ себя пропивникомъ споромъ несогласной на общій миръ. Даже было о томъ и предположеніе, устроенное г-мъ де Бонакомъ, Французскимъ чрезвычайнымъ посломъ при его дворѣ; но герцогъ Марибругъ

** Должно было прибавить: и надъ Датскимъ королемъ Фридерикомъ IV, который началъ сѣверную войну и пераимъ почувствовалъ когти Шведскаго льва. Прим. А. С. П.

опвращилъ ударъ, прибывъ въ Саксонію и успѣвъ задарить г-на Пипера Англійскимъ и Голландскимъ золотомъ *. Сей министръ изъ благодарности разрушилъ мѣры, уже принятыя для утвержденія общаго мира, и завлекъ Карла XII въ преслѣдованіе Петра въ предѣлы областей Его Царскаго Величества — роковое предпріятіе, дорого ему стоившее!

Шведскій король вышелъ изъ Саксоніи со всеми своими полками. Онъ оставилъ въ Польгѣ, для поддержанія Станислава, имъ коронованнаго, 20,000 войска (въ томъ числѣ 9,000 новоприбывшаго изъ Швеціи) подъ начальствомъ генерала графа Крассау; а самъ пошелъ къ Днѣпру, переправился чрезъ него, не смотря на всѣ препятствія, и приблизился къ самой Полтавѣ, гдѣ Его Царское Величество остановился и укрѣплялся, предавъ огню и разоренію собственную землю, дабы опьянть у непріятеля способы къ пропитанію.

* Такъ вообще думали въ Европѣ. Вольтеръ съ этимъ несогласенъ: Il est certain que Charles étoit inflexible dans le dessein d'aller détrôner l'Empereur des Russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avoit pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiowitz une vengeance qu'il cherchoit depuis longtems. Histoire de Charles VII. Прим. А. С. П.

Вся Европа видѣла конецъ несчастнаго похода и паденіе короля, дополъ непобѣдимаго. Войско его было уничтожено или захвачено въ плѣнъ. Его совѣтъ, чиновники, за нимъ послѣдовавшіе, имѣли шу же учаспъ; самъ король, дабы не попался въ руки своимъ врагамъ, пробился, съ шпрема шпами конныхъ, въ Турецкую землю, за Днѣспрѣ, въ сосѣдство Буджицкихъ Ташаръ и искалъ убѣжища въ Бендерахъ.

Эшо удивительное поражение измѣнило всѣ его дѣла не только въ Польшѣ, но и въ собственномъ его государствѣ. Крассау, получивъ о шомъ извѣстіе и не будучи въ состояніи держаться долѣе въ Польшѣ, послѣшшо удалился въ Померанію. Станиславъ за нимъ послѣдовалъ, спрашась попасться въ руки приверженцамъ Августовымъ.

Польскій король обнародовалъ манифесшъ, въ копоромъ опшказывался опъ мира, имъ заключеннаго съ Карломъ XII, объявляя, что принужденъ былъ на оный согласиться, дабы избавишь свои наследственныя области опъ насилія Шведскихъ войскъ, разорывшихъ Саксонію, и что миниспры, имъ упошребленные для переговоровъ, нехспаши обязали его и прешупиили его предписанія. По-

помѣ явился онѣ въ Польшѣ, и, поддерживаемый великимъ гепманомъ Снявскимъ, имѣя въ своей власти коронное войско и множество приверженцевъ, онѣ снова вступилъ на престолъ и по прежнему признанъ королемъ.

Съ другой стороны король Датскій, видя, что Карлъ въ Турціи, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будетъ завоевать Сканию * и далѣе вступить въ Швецію, обратилъ труда свои войска. Генералы его вюргнулись въ сію соседственную область, предметъ всегдашней его заботы. Но Шведы, большею частію кое-какъ и кой-гдѣ набранные люди, разбили ихъ на-голову. Датское войско бѣжало, подрѣзавъ жилы ногъ у лошадей, дабы не могли онѣ служить непріятелю, и бросивъ казну, обозъ и артиллерию.

Его Царское Величество, пользуясь разбитіемъ непріятеля, двинулъ посильно полки свои въ Лифляндію. Между-тѣмъ короли, Датскій и Польскій, должны были въ одно время войти въ Померанію, дабы произвели диверсію и облегчили Царю завоеваніе провинцій, коими онѣ давно добивался и онѣ коими онѣ уже успѣлъ

* Шоны.

отлупить * Нарву, дабы защищать Петербургъ—новый, укрѣпленный городокъ, выстроенный имъ на рѣкѣ *Нервѣ* (Narva) въ началѣ войны.

Сего недовольно; новое бѣдствіе поразило Швецію, гдѣ, въ опсупствіи короля, учрежденъ былъ совѣтъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ головъ всего государства: явилась чума въ Стокгольмѣ, въ Сканиі, въ Помераніи и во всей Лифляндіи, гдѣ свирѣпствовала во всей своей силѣ. Въ сіе-то время Его Царское Величество вознамѣрился овладѣть Лифляндіей и началъ свои завоеванія осадю Риги. Городъ принужденъ былъ къ сдачѣ болѣе чумою, нежели силою оружія и бомбами, копорья, безъ сего Божьяго наказанія, не принесли бы Царю великой пользы.

Около сего времени прибылъ я въ Ригу проситься въ службу къ Его Царскому Величеству, твердо рѣшившись скорѣе умереть съ голоду, нежели воевать прошиву опечества моего и вредить его пользѣ.

Царь, послѣ взятія Риги, поручилъ князю

* Dont il avoit déjà écorné Narva. Прим. А. С. II.

Меньшикову взять Ревель и Пернау, города укрѣпленные, имѣющіе гавани на Балтійскомъ морѣ.

Князь Меньшиковъ завоевалъ ихъ пѣмъ же средспвомъ, какимъ взята была Рига: чума предала ихъ въ его руки и увѣнчала его лаврами, межъ - пѣмъ какъ осыпала кипарисомъ несчастную Лифляндію, Курляндію, Ливву и Пруссію.

Послѣ Ревеля и Пернау князь Меньшиковъ, не нашедъ Выборга достойнымъ своего личного присупствія, опредилъ къ оному генералъ-лейтенанша Брекольса (Brecols) * съ доспапочнымъ числомъ войска, а самъ отправился въ Петербургъ опдашь во всемъ опчешъ Его Царскому Величешву **. Онъ приняшь былъ какъ побѣдитель; его пожаловали губернаторомъ Лифляндіи (Онъ уже былъ герцогомъ Ингерманландскимъ).

Порша испугалась быспрошы сихъ завоеваній.

* Беркгольтцъ, генералъ-маіоръ. *Прим. А. С. II*

** Все это писано наобумъ. Выборгъ взятъ былъ не Беркгольтцемъ, но сдался генералъ-адмиралу граву Анракскому, въ присутствіи самого Царя, 11 іюля 1710 года. Пернау взятъ 14 августа того же года не княземъ Меньшиковымъ, а генераломъ Боуромъ, отраженнымъ изъ - подъ осажденной Риги. Ревель взятъ имъ же, Боуромъ, 29 сентября, и проч. *Прим. А. С. II*

Султанъ и его сановники предвидѣли, что со-сѣдъ ихъ, если усилился, то нанесетъ имъ со-временемъ большія огорченія. Завоеваніе Азова * лежало у нихъ на сердцѣ, шѣмъ болѣе, что Царь въ укрѣпленіи онаго сдѣлалъ значительныя улуч-шенія, и содержалъ въ немъ морское войско, при-пѣсняя шѣмъ Турецкую торговлю на Черномъ морѣ, если ужъ не вовсе ея уничтожая. Сверхъ-того, для защиты Азова и окрестностей она-го, Петръ выстроилъ новыя крѣпости. Все это, при помощи происковъ Шведскаго короля, по-нудило Поршу объявить войну Его Царскому Ве-личеству. Царь получилъ о томъ извѣстіе по прибытіи князя Меншикова и по распредѣленіи войскъ по кварширамъ послѣ споль многошруд-ной компаніи. Онъ спалъ не на-шупку забо-питься о приготоженіяхъ къ будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опаснаго не-пріятеля, который на него навязывался.

Генераль-лейтенантъ Берггольцъ взялъ Вы-боргъ, но не безъ потерь и не безъ шруда. Царь однакожь, въ знакъ благоволенія, прислалъ ему свой поршреть, осыпанный алмазами, и повелѣлъ войска, осаждавшія Выборгъ, Ревель и Перновъ

* Asof, sur la Mer-Noir, пишетъ Морс. *Прим. А. С. II.*

(кроме конницы), распредѣливъ по сѣмъ городамъ. Всей же конницѣ, кроме нѣсколькихъ драгунъ, приказано идти въ Верхнюю-Польшу и въ Польскую-Росцію (*dans la Haute Pologne et dans la Russie Polonoise*), гдѣ легче было ея продовольствовать, нежели въ Лифляндіи, коей всѣ почти селенія опустошены были чумою *.

Около ноября мѣсяца курьеръ отъ князя Меншикова привезъ уполномоченному генералъ-коммиссару Лифляндскому барону Левенвольду приказаніе собрать Рижскихъ дворянъ и объявить имъ, что князь черезъ мѣсяць прибудетъ въ Ригу для принятія отъ нихъ присяги въ вѣрности и подданствѣ Его Царскому Величеству. Между разными новостями, князь прислалъ Левенвольду и условія, недавно предложенныя Портою Царю, во избѣжаніи войны, неминуемой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвольда. Мы провожали вмѣстѣ часы веселія на-досугъ. Онъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

I. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь предложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости, выстроенныя по берегамъ Чернаго моря, разорить.

* Отсюда разсказъ Моро становится достовернымъ. *Прим. А. С. II.*

II. Распоргнувъ совершенно союзъ, заключенный съ Фридрикомъ-Августомъ, курфирспомъ Саксонскимъ, и принять Спанислава королемъ Польскимъ.

III. Возвратить всю Лифляндію и вообще все завоеванное Русскими Шведскому королю, а Пешбургъ разорить и срыть до основанія.

IV. Заключить наступательный союзъ съ королями Карломъ XII и Спаниславомъ прошиву Фридерика-Августа, курфиспа Саксонскаго, если курфирспъ возобновишь припазанія свои на Польскій престолъ, имъ уступленный Спаниславу.

V. Казакамъ возвратить прежнюю вольность и преимуществва.

VI. Возвратить *натурой или иначе* все, что король Шведскій поперялъ черезъ Полшавское сраженіе.

VII. Морское войско и флотъ опвесити къ Воронежу и съ нимъ къ Черному морю не приближались.

Еслибъ Его Царское Величество находился въ положеніи Шведскаго короля, то и путь Пор-та не могла бы предложитъ ему условія болѣе при-тѣснительныя. Запо ихъ и не приняла. Спали сильно гошовишься къ войнѣ, дабы доказать Пор-тѣ, что Его Величество не дошелъ еще до того, чтобы могъ выслушивать шаковыя предложенія.

Между-тѣмъ какъ Царь созывалъ совѣтъ за совѣтомъ для опредѣленія мѣръ, нужныхъ про-тиву столь опаснаго непріятеля, повсюду при-гоповляли войско къ выступленію въ походъ, по первому приказанію. Посреди сихъ приуго-товленій, и въ самое то время, какъ Госу-дарь болѣе всего казался озабоченнымъ, Курлянд-скій герцогъ женился въ Пешербургѣ на племян-ницѣ Государя. Бракъ сей праздновалъ князь Меньшиковъ, и праздновалъ по-царски. Но моло-дой герцогъ шакъ былъ неводерженъ на пи-рахъ, данныхъ по тому случаю, и шакъ много пилъ Венгерскаго (къ чему Русскіе привыкли), что черезъ шесть дней послѣ свадьбы онъ занемогъ на обратномъ пути въ свои владѣнія, на первомъ ночлегѣ, и умеръ чрезъ пять дней. Объ немъ очень жалѣли его подданные и всѣ тѣ, которые имѣли честь быть съ нимъ знакомы. Гер-цогъ былъ любезный молодой человекъ и много общалъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ погребальнаго его шествія чрезъ Ригу въ Минаву, столицу Курляндскаго герцогства, гдѣ долженъ былъ онъ бытъ похороненъ между гробами герцоговъ, своихъ предковъ, князь Меншиковъ изъ Ревеля и Пернова, гдѣ принималъ онъ присягу дворянства, прибылъ въ Ригу для той же церемоніи. Въ при дня князь привелъ къ концу порученіе, на него возложенное, и возвратился въ Пестербургъ.

Его Царское Величество отправилъ изъ Пестербурга своихъ генераловъ, каждаго къ своей дивизіи, и повелѣлъ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести въ поле полки, назначенные къ походу, и самому слѣдовать за ними къ Днѣстру, гдѣ вся армія должна была собраться.

Съ другой стороны повелѣлъ онъ адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особѣ, ѣхать въ Азовъ, а самъ отправился въ Москву. Тамъ осмотрѣлъ онъ рекрутовъ, набранныхъ по его повелѣнію, и отправилъ ихъ къ Смоленску, гдѣ ихъ ожидалъ опрядъ, дабы препроводить въ Подолію для распределенія по полкамъ. Царь попомъ занялся послѣдними приуготовленіями, отправилъ казну, и самъ наконецъ поѣхалъ въ Польшу, поручивъ

князю Меншикову надзоръ надъ непріятелемъ въ Лифляндіи.

24 февраля 1711 года дивизія князя Рѣпина, споявшая около Ревеля и Пернова, выступила въ походъ къ Подоліи, назначенной сборнымъ мѣспомъ для всѣхъ войскъ. Баронъ Аллартъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ генераловъ Его Царскаго Величества, выступилъ изъ Липвы со своею дивизіей; по же сдѣлали генералы Вейде и баронъ д'Энгобергъ.

Имѣвъ честь быть приняту полковникомъ Казанскаго драгунскаго полка и бригадиромъ войска Его Царскаго Величества, получилъ я приказаніе ѣхать въ свой полкъ и къ своей бригадѣ, находившейся въ Польской Россіи на зимнихъ квартирахъ. Я имѣлъ дозволеніе взять изъ Курляндіи драгунскъ, сколько мнѣ ихъ понадобится, для доснавленія всего нужнаго мнѣ и людямъ моимъ во все время шлюль долгаго пути: отъ Риги до Сороки, что на Днѣспрѣ, къ сторонѣ Молдавіи, гдѣ соединилась армія, считавшаяся 266 Нѣмецкихъ миль, или 532 Французскихъ мѣ. Я повиновался данному мнѣ приказанію и отправился въ эту дальнюю дорогу съ двадцатью только драгунами. Я ѣхалъ на Митаву, Вильну,

Новгородскъ, Слуцкъ, Давидоградскъ (опъ коего въ шести Французскихъ лѣ переправился черезъ Днѣпръ, рѣку опасную, неизмѣющую береговъ, и разливающуюся направо и налѣво, на разстояніе нѣсколькихъ лѣ), попомъ на Полось, Оспрогъ, Мазибушь, Леополь, Замосць, Тарнаполь, Сашанопъ и Шарградъ (Разградъ?), гдѣ наспигъ я армію. Сей послѣдній городъ былъ нѣкогда весьма обширенъ и имѣлъ знашную торговлю. Но во время войнъ Польши съ Порпою Турки его опустошили; теперъ однѣ развалины свидѣпельспвуютъ о помъ, чѣмъ 'былъ онъ прежде.

Генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, вслѣдствіе своихъ повелѣній, нашель въ Бродахъ всю свою кавалерію, собранную начальникомъ оной генераломъ Янусомъ. Фельдмаршалъ пошелъ къ Могилеву съ нею и съ пѣхопными полками Ингерманландскимъ и Аспраханскимъ, сопровождавшими его опъ самой Риги. Тупъ и переправился онъ черезъ Днѣспръ въ прехъ разныхъ мѣстахъ, и занялъ Молдавію. Господарь опложился опъ Порпы, передался фельдмаршалу и привелъ къ нему до шести пысячь плохой Молдавской конницы; ихъ всадники большею-часпію вооружены спрѣлами или полупиками, подобно казакамъ; всѣ они ужасные воры.

Дивизія генерала Алларпа достигла Днѣспра, первая изъ всей пѣхоты. Вслѣдъ за нимъ прибылъ въ походъ же день генералы Брюсъ и Гинперъ со всею артиллеріей и своими полками. Баронъ Алларпъ переправился черезъ Днѣспръ на понтонахъ и послѣднимъ занялъ укрѣпленіе въ Сорокѣ, чему никто и не думалъ воспротивиться.

Сорокъ пять лѣтъ передъ тѣмъ, крѣпость эта выдержала славную осаду. 40,000 Турокъ и 40,000 Ташаръ, подъ предводительствомъ сераскира, принуждены были, послѣ шестимѣсячныхъ щепетныхъ усилій, со стыдомъ опуститься, покинувъ лагерь и всю артиллерію, за что сераскиръ заплашилъ своею головою.

Генералъ Алларпъ нашелъ хорошіе подземельные погреба, нѣсколько сабель, нѣсколько боченковъ пороху, не мало съвошныхъ припасовъ.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays, et deux doubles tenailles en queue.

Генералъ Алларпъ, сверхъ многихъ другихъ достоинствъ, есть одинъ изъ лучшихъ инжене-

ровъ своего времени. Онъ умѣетъ искусно развѣдать мѣстныя обстоятельства, расположиться лагеремъ, воспользоваться выгодами и начертать вѣрную каршу шаепру войны.

Покаместъ, по его приказанію, войско занималось работами, генераль-лейтенантъ Брюсъ переправилъ артиллерію подъ прикрытіемъ неразлучныхъ съ нею полковъ канонерскихъ и бомбардирскихъ; онъ расположилъ свой паркъ въ окопѣ укрѣпленія, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою.

30 мая дивизія генерала Адама Вейде заняла Днѣпровскія высоты въ получасѣ отъ Сороки, въ прекрасной долинѣ, куда прибылъ въ этотъ же день генераль баронъ Денсбергъ. На другой день, 31 мая, генераль князь Рѣпинъ спалъ тамъ же, на лѣвой сторонѣ линіи.

Его Царское Величество изъ Москвы отправился въ Польскій Ярославъ, гдѣ, по просьбѣ его, собраны были королевъ Польскіе сенаторы, съ тѣмъ, чтобы принудить, если возможно, республику соединиться съ Россією противу невѣрныхъ. Но сенаторы рѣшили иначе: положено было республикѣ держась условій Карло-

вицкаго мира, никакимъ образомъ не мѣшались въ эпю новую войну, ибо довольно было ей и своихъ междоусобій.

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, Государь отправился въ армію въ сопровожденіи генерала Рене, остававшагося въ окрестностяхъ Ярослава съ частію конницы для охраненія особы Его Величества.

12-го іюня * (сп. сп.) Государь прибылъ на берегъ Днѣпра съ Императрицею, съ своими министрами, съ казною, съ Преображенцами и Семеновцами (*les Breobrasenski et Simonovski*), своею гвардіею; полки сіи, хопя пѣхопные, но въ походѣ сядяся на конь и идущъ съ яншаврами, шпандаршами и прубами (прожъ и Ингерманландскій и Аспраховскій). Въ лагерь или въ городъ имъ возвращающъ барабаны.

13-го іюня, поупру, Его Величество дѣлалъ смопрь пѣхоптъ; послѣ обеда посвпнлъ онъ мосптъ, уже оконченнй попеченіями генерала

* У Моро поставлено здѣсь 2-го іюня: опшбка или опечатка. Въ журналѣ Петра Великаго сказано: « во 12 день (іюня) прибыли (Ихъ Величества) съ гвардіею къ рѣкѣ Днѣстру, гдѣ случилась съ нѣхотными дивизіями генерала Вейде и Алларта; отсель и отъ того же числа Петръ написалъ нѣсколько писемъ. *Прим. А. С. П.*

Амларша, также и новыя укрѣпленія Сороки. Государь былъ очень доволенъ. Попомъ осмогрѣлъ онъ артиллерію и возвратился въ свой лагерь.

14-го былъ у Его Величества большой военный совѣтъ; на немъ присутствовали всѣ генералы, которые могли только пріѣхать. И на семь-то совѣтъ предпринимаемы были Государемъ, по внушенію его министровъ и Русскихъ генераловъ, мѣры, произведшія бѣдствія, которые можно было избѣгать, если бы обратили порядочное вниманіе на положеніе, въ коемъ находилось войско, на мѣстные обстоятельства и на состояніе земли, въ которую готовились вступить; однимъ словомъ, если бы Его Величество согласился съ мнѣніемъ своихъ *Нѣмецкихъ* генераловъ *, которые, кромѣ его славы и пользы, ничего въ виду не имѣли.

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменипомъ этомъ совѣтѣ, я долженъ дать вамъ понятіе о состояніи арміи. Войско не имѣло съѣстныхъ запасовъ и на восемь дней, и могло, если оныхъ не находилось въ Молдавіи, быть

* Иностранцы. См. далѣе объясненіе самого Мора. Какъ замѣтно, что здѣсь говорить иностранецъ, приверженный къ своей партіи. *Прим. А. С. П.*

уничпожено не непріятелемъ, а голодомъ. Это запруднипельное положеніе извѣстно было всѣмъ; генералы, миниспры, самъ Государь это зналъ: комиссары посланы были имъ въ Венгрію для закупки быковъ, а въ Украину для забранія барановъ и муки.

Совѣтъ, собранный Его Величеспвомъ на берегу Днѣспра, и кошорый рѣшилъ судьбу всей кампаніи, соспавляли: великій канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и господинъ Сава (Рагузинскій)—всѣ прое пайные совѣтники (по же, что во Франціи миниспры); генералъ Ренс, князь Рѣпнинъ, Адамъ Вейде, князь Долгорукій и Брюсъ (все генералы, или лейтенантъ-генералы). Они соспавляли партію Русскихъ. Партію Нѣмцевъ соспавляли генералы: баронъ Аммаритъ и баронъ Денсбергъ и лейтенантъ-генералы баронъ Оспенъ и Беркгольць. Это раздѣленіе на двѣ партіи въ Россіи признано всѣми.

Спали разсуждать о томъ, что надобно было дѣлать? Войско было собрано, а о Туркахъ было не слыхать, какъ будто бы въ мирное время. Правда, нѣсколько тысячъ Буджацкихъ Татаръ нѣсколько времени предъ симъ учинили набѣгъ на Русскую Украину и на Землю Казаковъ (en Со-

зақиє), гдѣ они пожгли и ограбили селенія, опогнали скопѣ и захватили людей; но при приближеніи нашихъ полковъ, они уже не смѣли показываться, и лагерь нашъ былъ въ совершенномъ спокойствіи. Генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, стоявшій близъ Яссы, въ самой Молдавіи, былъ почто въ томъ же положеніи.

Совѣтъ начался. Нѣмецкіе генералы первые имѣли честь предложить свое мнѣніе. Они полагали нужнымъ оспаваться на берегахъ Днѣстра, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, для узнавія непріятельскихъ намѣреній; во-вторыхъ, дать арміи отдохнушь послѣ долгаго похода. Они представили, что съѣшныя запасы, безъ копорыхъ никакая армія не можетъ существовать, могутъ быть безъ большихъ расходовъ доставляемы по Днѣспру; что можно будетъ устроити магазины въ Польшѣ; что, занимая берега Днѣспра, не должно однако оспаваться въ бездѣйствіи, но что, напропивъ того, надобно идти къ Бендерамъ, которыя взявъ можно въ скоромъ времени, укрѣпити и сдѣлать изъ нихъ и крѣпость и военный магазинъ *en y etablissant un pont (P) de communication*; что Сорока, находясь уже во власпи Его Величества и будучи укрѣплена, есть также крѣпость и магазинъ;

что по же самое можно сделать и в Могилеве (на Днѣспрѣ), и что такимъ образомъ Его Величество будетъ имѣть при входа въ Молдавію, при всѣхъ шрехъ переправахъ черезъ Днѣспрѣ, и при магазина для своихъ войскъ; что Турки, будучи принуждены проходить спешью, потеряютъ лошадей, прежде нежели до насъ достигнутъ; что имъ почти невозможно будетъ взять наши крѣпости, защищаемыя многочисленнымъ и исправнымъ войскомъ; что вѣроятно не рѣшится они ихъ осадить, и того менѣе переправляясь черезъ Днѣспрѣ и строить мосты въ присутствіи войскъ Его Величества; что если Его Величество въ наступающихъ обстоятельствахъ захочетъ ввести армию свою въ Молдавію, то онъ можетъ ея лишиться и помрачить славу свою; что, по показанію Сорокинскихъ жителей, должно по крайней мѣрѣ пять дней проходить необитаемую спешью, гдѣ нельзя найти ни воды, ни хлѣба; что сторона, находящаяся за спешью, не изобилуетъ хлѣбомъ, ибо онаго недостаточно даже на продовольствіе жителей, хотя та часть Молдавіи мало заселена; что если въ Яссахъ, и по ту сторону сего города, и было чѣмъ продовольствоваться, то наша конница, спящая тамъ, въ три недѣли, вѣроятно, все уже потребила; что примѣръ Шведска-

го короля слишкомъ еще свѣжъ, и что не должно опважиться сдѣлать ошибку еще важнѣйшую, углубляясь въ незнакомую землю, о коей всѣ доселѣ получаемыя свѣдѣнія ничего благопріятнаго не предвѣщаютъ.

Въ заключеніе, Нѣмцы просили Его Величество бытъ увѣрену, что, представляя ему дѣло каково оно естъ, они не имѣли ничего въ виду, кромѣ его собственнѣйшей славы; что когда займемъ мы берега Дитъспра и устроимъ магазины, Турки, покусясь, на что бы то ни было, употребятъ свои силы всѣ, или опчаспн, между нѣмъ какъ Его Величество, имѣя шель свой свободнымъ, усилятъ свои войска, будутъ въ состояніи съ пользою употребитъ полки, оставленные въ Польшѣ, и послѣ кампаніи уже безо всякаго препятствія проводить непріятеля въ его собственную землю, и тамъ расположится по своей волѣ и приготовится къ завосаніямъ, прежде нежели Турки успѣютъ выдти изъ зимнихъ своихъ кварширь.

Мнѣніе сіе было самое здравое; но Русскіе ему воспропивились. Генералъ Рене, хотя родомъ и Курляндець, но по положенію своему придерживающійся спороны миниспровъ, возразилъ, что

неприлично было бы Его Величеству защищать рѣку съ такими прекрасными войсками; что, въ случаѣ испощенія запасовъ, должно будетъ ихъ доставить въ самой непріятельской землѣ; что области Греческія, по примѣру Молдавскаго господаря, готовы были возмутиться при первомъ вспушеніи нашихъ полковъ въ Турецкія границы; что, по донесеніямъ генераль-фельдмаршала графа Шереметева, за степью до Дуная армію можно будетъ продовольствовать; что спѣдно было бы праработать деньги на построеніе магазиновъ, когда можно дѣлать это на счетъ непріятеля; что надобно войти и углубиться въ Турецкія земли; что Турки будутъ полу-уничтожены уже и тѣмъ, что увидятъ сильное войско Его Величества посреди ихъ областей, готовое предписывать имъ законы; что примѣръ Шведскаго короля здѣсь вовсе нейдетъ; что полки наши тѣ же самые, которые разбили его и готовы разбить Турковъ; что таково его мнѣніе, и что славнѣйшаго и полезнѣйшаго способа Его Царскому Величеству избѣгать невозможно.

Съ симъ мнѣніемъ согласились Русскіе министры и генералы, охотно ему послѣдовали, и, вопреки благоразумному мнѣнію Нѣмцевъ, поло-

жено было переправиться черезъ Днѣспрѣ и войти въ степи.

Разсуждая о семъ движеніи, всѣ мы сильно обвиняли тѣхъ, которые его присовѣповали Его Величеству. Ясно было, что Государь принужденъ будетъ отступить отъ своихъ намѣреній. Но зная, что Русскій народъ склоненъ къ спокойствію, лѣнивъ и не любитъ военныхъ трудовъ, мы увѣрены были, что Царскіе министры, опасаясь слишкомъ продолжительной войны, нарочно завлекали Государя въ неудачу, дабы уменьшивъ въ немъ пылъ воинскій и принудивъ его къ покою *. Таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе почти всѣхъ иностранцевъ.

16-го іюня, рано утромъ, дивизіи генераловъ Алларша и Денсберга выступили въ походъ. 17-го, Его Величество съ Преображенцами, Семеновцами, своими министрами и всею свитою пошелъ въ авангардъ и выступилъ въ степи. За нимъ слѣдовалъ генераль-поручикъ Брюсъ съ ар-

* Напоминаемъ читателямъ сказанное въ предисловіи: переводчикъ не хотѣлъ ни скрыть, ни ослабить порицанія и вольныя сужденія автора, будучи увѣренъ, что они не могутъ вредить ни Петру Великому, ни Русскому народу: Моро не любилъ Русскихъ и былъ недоволенъ Петромъ.

пильеріей. Аррьергардъ составляли дивизія генерала Вейде и конница, приведенная изъ Ярослава генераломъ Рене и которую Его Величество поручилъ въ мое начальство, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дивизія князя Рѣпина осталась въ Сорокъ для окончанія работъ и для принятія запасовъ, которые, по приказанію Его Величества, должны были быть шуда доставлены *.

Генералы Аллартъ и Денсбергъ, вышедъ изъ степей, прибыли въ лагерь генералъ-фельдмаршала, который находился въ трехъ миляхъ отъ Яссъ на выгодномъ мѣстоположеніи.

Его Величество недолго промывался въ пустыняхъ: маршируя днемъ и ночью, достигнулъ онъ прекрасной долины, орошаемой Прупомъ, гдѣ и расположилъ свой лагерь пыломъ къ рѣкѣ. Онъ поспѣлъ опсправилъ бочки съ водою на собственныхъ подводахъ и на лошадяхъ свипы своей полкамъ, идущимъ по степямъ. Но сіе пособіе принесло имъ болѣе вреда, нежели пользы. Солдаты бросились пить съ такою жадностію,

* Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «и стояли тутъ (при городкѣ Сорокъ) Аллартова дивизія до 20-го (іюня), а Вейдева и князя Рѣпина до 22-го.» *Прим. А. С. П.*

что многіе перемерли. Мы лишились множества людей опть безводицы. Жары нестерпимы въ сихъ мѣспахъ, гдѣ видно полько небо да горы раскаленнаго песку, безъ деревьевъ, безъ жищелей и безъ воды *.

Дивизія Вейдова и артиллерія, послѣ шестидневнаго перехода чрезъ ужасныя сѣн пуспыни, соединилась съ лагеремъ Его Величества. 23-го іюня Государь ѣздилъ осматривать лагерь генераль-фельдмаршала, и принялъ въ подданство Молдавскаго господаря. Съ нимъ было полько приспа рейшаровъ. Онъ пожаловалъ господарю свой порпурешъ, осыпанный алмазами (что впоследствии времени пригодилось сему Турецкому даннику). Въ попть же вечеръ Его Величество возвратился въ свой лагерь, а на другой день приказалъ наводити два моста на Пруть.

Здѣсь спокойно оспавались мы опть 22 до 29 іюня, какъ-будто въ самое мирное время, ожидая запасовъ, кошыры князь Рѣпинъ долженъ былъ доставити и привезти. 26-го, фельдмар-

* Степи Буджацкія не песчаная: опъ стелются злачной, зеленой равниною, усыяною курганами. Моро здѣсь пользуется правомъ разскащика. Правда, что въ 1711 году эти степи были голы: трава съдѣна была саращюю. *Прил. А. С. II.*

шалъ и господарь посѣтили Его Императорское Величество. Войско спояло въ спрѳю. Имъ отдали честь по всему фронту, и самъ Государь салюповалъ саблею, споя передъ Преображенскимъ полкомъ, какъ генералъ - поручикъ своей арміи.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно Его Величествомъ въ память Полтавскаго сраженія, случившагося 27-го іюня, по старому спіаю.

Всѣ генералы съ упра явились къ Его Величеству, дабы вслѣдъ за нимъ опсправиться въ аршіллерійскую церковь, гдѣ опслушалъ онъ обѣдню, и гдѣ придворный священникъ * цѣлыхъ полпора часа говорилъ проповѣдь, имъ сочиненную на случай сего счастливаго дня.

Полки выспроены были въ боевомъ порядкѣ и соспавляли при фаса одного каррея; аршіллерія занимала чешвертый. Послѣ обѣдни спрѣльба началась съ правой спороны аршіллеріи и продолжалась по всѣмъ фасамъ; полки спрѣляли по мѣрѣ приближенія къ нимъ огня. Послѣ того всѣ генералы слѣдовали за Его Величествомъ къ его палаткамъ, гдѣ, въ землѣ, былъ утвердеиъ

споль необыкновенной длины, и за которымъ, насчиталъ я, до спа-десяши кувуртовъ съ каждой стороны.

Его Величештво находился въ центрѣ спола. По правую руку сидѣлъ Молдавскій господарь, по лѣвую графъ Головкинъ, миниспры, баронъ Шафировъ и Сава (Сава Владиславъ Рагузинскій); на углахъ спола генералы, генераль-поручики, генераль-маіоры, бригадиры и полковники, и прочіе; каждый по своему чину, помѣстились за эшимъ же споломъ. Кромѣ Венгерскаго вина, ничпо мнѣ не понравилось. Оно было опличное, по ешь по, которое доходило до меня, ибо полковники, сидѣвшіе ниже, пили другое, а подполковникамъ подносили особливое, капитанамъ еще хуже, и шакъ далѣе. Капитаны Преображенскіе и Семеновскіе разносили вина: каждый прислуживалъ шеспи персонамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи прехъ слугъ для перемѣны спакановъ и бушьлокъ. Тупъ-по, милоспивая государыня, вино лѣпся какъ вода; шупъ - по заспавляющъ бѣднаго человѣка, за грѣхи его, напивашься до чрезмѣрности *.

* Встарину пили не по-нашему. Предки наши говаривали: пьянъ да умень—два угоды въ цемъ. Впрочемъ пьянство никогда достоинствомъ не почиталось. Петръ I, указавъ содержать при монастыряхъ ошницровъ, оставленныхъ за болѣзнями, именно исключать болѣзнь отъ пьянства и распутства. *Прим. А. С. II.*

Императрица съ своей стороны угощала армейскихъ дамъ. Почти всѣ иностранные генералы имѣли съ собою своихъ женъ и дѣшей, по той причинѣ, что въ случаѣ разлуки срокъ свиданія неизвѣстенъ, и что, по недоспапкѣ почпы, нѣкто опгь своихъ не получаетъ извѣстїя. Если же и придуть письма, то генералы и миниспры имѣютъ похвальную привычку никогда ихъ не опдавать. Можно переписываться, только чрезъ миниспровъ иностранныхъ, но не всегда можно быть съ ними въ сношенїи. Я говорю по собственному опыту: въ печенїе четырнадцати мѣсяцевъ я только могъ однажды писать къ моей милой графинѣ (которая оставалась въ Данцигѣ), и то черезъ барона Лоца, посланника короля Польскаго при дворѣ Его Царскаго Величества.

Мало дамъ явилось къ Императрицѣ. Генеральша Алларпгъ и генераль-маіорша Гинперъ однѣ представились къ Ея Величеству и были милостиво приняпы.

Обѣдъ Государя продолжался цѣлый день, и никому не позволено было выдти изъ - за стола прежде одиннадцатаго часу вечера. Пили, шакъ ужъ пили (*on y but ce qui s'appelle boire*). Вся-

кое другое вино навѣрно меня убило бы, но я пилъ наспоющее Токайское, то же самое, какое подавали и Государю, и оно дало мнѣ жизнь.

Около пяти часовъ вечера одинъ изъ адъютантовъ князя Рѣпина привезъ письма къ Его Величеству. Генералъ давалъ знать, что 4000 быковъ, 8000 барановъ и 300 маленькихъ Польскихъ пележекъ съ рожью, мукою (*et de grit*) отправлены были къ намъ. Государь пусть же распредѣлить, что куда доставить, и приказалъ пость же часъ отправить часъ въ лагерь генералъ-фельдмаршалу.

28-го іюня мосты были готовы. Артиллерія поплыла черезъ Пруть по мосту, назначенному для Двора. Вейдова дивизія переправилась по другому, назначенному для войскъ, и расположилась лагеремъ въ Яской долинь, въ двухъ миляхъ отъ прежняго лагеря.

29-го іюня (по нашему приходился 10-го іюля, ибо Русскіе держатся еще стараго счисла) въ день святаго Петра, въ именины Его Царскаго Величества, я, слѣдуя обычаю, со всеми генералами, пришелъ поздравить Государя. Онъ принялъ милоспиво наши привѣтствія и всѣхъ

насъ оставилъ у себя обѣдать. Государь празднуетъ и эшоптъ день и обѣдаетъ съ своими министрами и офицерами, когда находишься въ своей арміи.

Около пяти часовъ генералъ - фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приказалъ мнѣ, чтобы я послалъ моего адъютанта, споявшаго за мною, посадить кавалерію мою на - конь, и велѣлъ ей идти впередъ къ своему лагерю съ моимъ экипажемъ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что мнѣ нужны будутъ только мои лошади, что я останусь при немъ, и что онъ беретъя быть моимъ жопаымъ. Я оцдалъ приказъ адъютанту. Кавалерія была въ порядкѣ, а экипажъ мой зложенъ. У Русскихъ обыкновенно употребляютъ телеги, ибо вьючныя лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенныя походы ихъ войскъ (5 à 600 lieux).

Наканунъ знали, что близъ лагеря фельдмаршальскаго произошло маленькое сраженіе. 20,000 Ташаръ показали на утренней зарѣ и ударили (въ рассыпную, по своему обычаю) на передовой пикетъ, составленный изъ 600 человекъ конницы, подъ начальствомъ полковника Роп (de Roop) конно - гренадерскаго полка моей бригады.

Непріятель пробился сквозь опрядь, не смотря на всѣ старанія командира. Число превозмогло, опрядь былъ окруженъ оповсюду. Одинъ капитанъ, родомъ изъ Лопарингги, надѣлалъ шупъ чудеса и былъ убитъ, къ сожалѣнію всѣхъ офицеровъ, знавшихъ его. Подполковникъ взялъ былъ въ плѣнъ, и убито 250 рядовыхъ. Все это произошло въ виду бригадира Шенсова * (Chensof), родомъ Русскаго, который былъ опряженъ съ 2,500 человекъ конницы на подкрѣпленіе Рона, и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Генералъ Янусъ, начальствующій въ опсушпвіе фельдмаршала, при семъ случаѣ сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобы исправить сію неудачу и предупредить бдльшее несчастіе. Онъ велѣлъ выѣхать чепыремъ конногренадерскимъ полкамъ и всячески старался уговорить бригадира Шенсова, чтобы онъ по крайней мѣрѣ хоть показался непріятелю. Но офицеръ сей отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе охранять лагерь, а не искать непріятелей. Наши конно-гренадеры разсѣяли эту сволочь и освободили лагерь (le front du camp.)

* Таковой фамиліи нѣтъ ни въ книгахъ нашего дворянства (стариннаго), ни въ спискахъ офицеровъ того времени. Кажется, дѣло идетъ о Шпевищевѣ, одномъ изъ начальниковъ драгунскихъ полковъ, набранныхъ въ 1699 году. *Прим. А. С. П.*

Никогда генераль Янусъ не говорилъ мнѣ безъ бѣшенства объ этомъ происшествіи и о маневрѣ бригадира Шенсова. А еще должно глопать такія пилюли не морщась и не жалуясь, попомучпо Его Величество и фельдмаршалъ неохотно выслушиваютъ жалобы и не любящъ видѣть ясныя доказательства, чпобы у кого-нибудь изъ Русскихъ не доспавало ума или храбрости *.

Какъ войска скоро соединяшся; по позволете, милоспивая государыня, исчислишь вамъ ихъ силы и познакомить васъ съ генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующій — генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ (Его Величество во время дѣла завѣдасить и вѣсто генераль-лейтенанта).

Дивизія Вейдова состояла изъ 8 пѣхотныхъ полковъ, каждый изъ 1,400 человекъ состоящій. Всего 11,200 человекъ; начальниками оной были: генераль Вейде, генераль-лейтенантъ Берггольдъ

* Благодаримъ нашего автора за драгоценное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что и Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали партіи Русской.
Прим. А. С. П.

(Vresols), генераль-маіоры Голосинъ (Goloccin) и де-Бушъ, и бригадиры графъ Ламберти и Боэ.

Дивизія Рѣпина, состоящая изъ такого же числа полковъ и людей. Начальники оной: генераль князь Рѣпинъ, генераль-лейтенантъ князь Долгорукой, генераль-маіоры Альфендель и Бомъ и бригадиры Бушъ и Голицынъ.

Дивизія барона Алларша, во всемъ равная двумъ первымъ, была подъ начальствомъ генерала Алларша, генераль-лейтенанта барона Остена и бригадировъ Спафа и Лессе.

Дивизія барона Денсберга, также равная другимъ, находилась въ командѣ генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкинга (Remquingue), его зятя.

Не худо замѣтить, что Русскіе дивизіонные начальники имѣли комплексное число подчиненныхъ имъ генераловъ; Нѣмцы же онаго не имѣли, особенно баронъ Денсбергъ, у котораго не было ни генераль-лейтенанта, ни генераль-маіоровъ, а только одинъ бригадиръ, зять его. Это происходило отъ генераль-фельдмаршала, нелюбив-

наго иноспранцевъ, какой бы націи ни были, и неподававшего имъ никакой помощи, нарочно для того, чпобъ вводить ихъ въ ошибки *. Однакожь баронъ Денсбергъ есть пошъ самый, который съ такимъ великодушїемъ и храбростїю защищалъ Кельскую крѣпость, осаждаемую герцогомъ Виллеромъ въ началѣ прошедшей войны. Онъ доказалъ, что былъ достоинъ начальствовать не только двенадцати тысячнымъ опрѣдомъ, но и цѣлыми арміями.

Полки Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій и Аспраханскій составляли 15 баталіоновъ, всего 15,000 человекъ, и были подъ начальствомъ самого Его Царскаго Величества, генералъ-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерскій и бомбардирскій, каждый изъ 1500 человекъ состоявшій.

Дивизія генерала Януса, состоявшая изъ 8 полковъ, каждый изъ 1000 человекъ, была подъ начальствомъ помянутаго генерала, генералъ-маіоровъ Волконскаго и Вейсбака и бригадировъ Мороде-Бразе, графа Ліонскаго и Шенсова.

* См. выше прим. редакт.

Дивизіей Рене, равной по числу полковъ и людей, начальствовали генералъ Рене, генералъ-майоры Вишманъ и Шариковъ (Cherikof), самый образованный и любезный изъ всѣхъ мнѣ знакомыхъ Русскихъ, и два бригадира.

Еще одинъ драгунскій полкъ, составлявшій гвардію князя Меншикова, не соединился съ арміей и оспаяся въ Яссахъ съ 2,000 избранныхъ фузиляровъ, между-тѣмъ какъ войско двинулось въ Молдавію.

Гвардейскій эскадронъ Его Царскаго Величества, состоящій изъ 500 рейтаровъ (*maitres reitres?*), сопровождалъ Государя въ его поѣздкахъ и другой службы не несъ.

Всѣ сіи отряды составляли на Днѣспрѣ 79,800 наличнаго войска. Каждый полкъ былъ укомплектованъ призванными рекрутами.

Артиллерія состояла изъ 60 пушекъ разнаго калибра, отъ двадцати до чепырехъ-фунтовыхъ, изъ 16-ти понпоновъ на шелегахъ и изъ 200 подводъ съ ящиками пороховыми, не считая шелегъ, нагруженныхъ бомбами и ядрами.

Кромѣ сей артиллеріи, въ каждомъ полку пѣхотномъ и конномъ находились чепыре малыя орудія двухъ и прехъ-фунтовыя. Они всегда слѣдуютъ за полкомъ, съ малыми своими ящиками и съ нужными офицерами. Ихъ зовутъ корпусными дѣтьми (ce qu'ils appellent les enfants des corps (кадеты?).

При каждомъ полку находятся также малыя телеги съ аммуниціей, которая, въ случаѣ нужды, всегда подъ рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы Его Царскаго Величества. Здѣсь не считая 10,000 Молдаванъ, годныхъ только для опустошенія земли какъ и Татары. Сей арміи было бы весьма достаточнo, чтобы управиться съ Турками, еслибъ вовремя ввели ее въ непріятельскія земли и еслибъ ее не раздѣлили, какъ вы въ послѣдствіи увидите.

29 іюня Его Царское Величество сидѣлъ за столомъ до семи часовъ вечера. Вставъ изъ-за стола, держалъ онъ совѣтъ. Генералъ Рене предложилъ опрядить 15,000 человекъ въ Валахію, хорошую спорону, въ кошорой всего было много и кошора могла продовольствовать армію. Онъ

упверждавъ, что Валахскій воевода, будучи одной націи и одного исповѣданія съ Молдавскимъ господаремъ, не замедлитъ покориться, соединитъ войско свое съ войсками Его Величества и доставитъ намъ жизненные запасы.

Генераль-поручикъ Беркгольцъ былъ единствен- ный Нѣмецъ на семь совѣтъ. Онъ сильно вос- прошивился предложенію генерала Рене, по при- чинѣ той, что Турки побѣждали всякій разъ, какъ прошивъ ихъ войска дѣйствовали отдѣль- но. Онъ привелъ въ примѣръ принца Карла V (Лотарингскаго), который во второй походъ, послѣ снятія Вѣнской осады, раздѣлилъ на че- тыре отряда свое войско, дабы удобнѣе оное продовольствовать, и видѣлъ, какъ Турки разбили всѣ четыре отряда одинъ за другимъ, не могли подать имъ никакой помощи. Но всѣ его раз- сужденія пропали вшунъ. Было положено отпра- дить войско, а начальство поручено генералу Рене, какъ подавшему первый на то совѣтъ. Кромѣ сихъ 15,000 отряженныхъ въ Валахію *, 4,000 должны были оспаиваться въ Сорокѣ, да- бы сберегать намъ опшущенія и для сопро-

* У Рене было восемь драгунскихъ полковъ (5,056 ч.), баталі- онъ Ингерманландскій, да 5,000 Молдаванъ. *Прим. А. С. П.*

вожденія провіанша, въ случаѣ, еслибъ мы остались въ Молдавіи; 2,000 въ Могилевъ, черезъ копорый можно было бы воропнисься въ случаѣ неудачи, да 3,000 въ Яссахъ, для охраненія Молдавіи и для удержанія жишелей въ повиновеніи.

Фельдмаршалъ съ 9-ши часовъ вечера съѣзъ верхомъ, и я, вслѣдъ за нимъ, прибылъ въ его лагерь. Господарь остался съ Его Царскимъ Величествомъ. Онъ былъ средняго роста, сложенъ удивительно стройно, прекрасенъ собою, важенъ, и съ самой счастливой фізіономіей. Онъ былъ учтивъ и лаковъ; разговоръ его былъ вѣжливъ и свободенъ. Онъ очень хорошо изъяснялся на Лапинскомъ языкѣ, что было весьма пріятно для тѣхъ, копорые его разумѣли.

Мы достигли мою конницу въ верстѣ отъ фельдмаршальскаго лагерьа, куда и прибыли въ 4 часа утра. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ лепучихъ кузнечиковъ (саранчу). Воздухъ былъ ими омраченъ: такъ густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряютъ земли, черезъ копорыя проходятъ, ибо въ Молдавіи видѣлъ я иссохшее болото, покрытое высокими проспнникомъ, копорый съѣденъ былъ ими на два вершка отъ земли.

Остальной лагерь Его Величества перешелъ черезъ Пруцъ 30 іюня. Моспъ, черезъ копорый переправился Государь съ своєю свитою, былъ пощчаеъ разобранъ; другой ошавленъ подь охраненіемъ 500 гренадеровъ для дивизіи князя Рѣпина, которюю ожидали.

Фельдмаршалъ, возврапясь въ свой лагерь, велѣлъ призвать бригадира Шенсова и высказалъ ему все, что заслуживало его гнусное поведеніе, о которомъ донесено ему было при его прїѣздѣ однимъ драгунскимъ полковникомъ моей бригады. Онъ приказалъ бригаднымъ маіорамъ опрядить по 20 человекъ съ каждой бригады для уснроенія двухъ мосповъ, находившихся въ пылу нашего лагеря, дабы ему безпрепятственно можно было, въ случаѣ нужды, идти соединиться съ Его Величествомъ. Это стоило труда, пощому-что моспы наведены были на малыхъ челнахъ, изъ выдолбленныхъ пней, кос-какъ собранныхъ по берегамъ Пруца. Мѣдные поншоны ошавались при Его Величествѣ для надобностей его собщвенныхъ. Того же самаго числа (30 іюня) генералъ Рене прибылъ къ фельдмаршальскому лагерю и собралъ полки, долженствовавшие идти въ Валахію подь его начальствомъ. Онъ выступилъ на другой день поущру и уже въ армію

не возвращался. Онъ соединился съ кавалеріей уже въ Польской Россіи, послѣ кампаніи, когда армія шамъ отдыкала.

Въ лагерь Его Царскаго Величества и въ фельдмаршальскомъ оспавались въ бездѣйствіи до самаго 7-го іюля. Въ сей день фельдмаршалъ получилъ отъ Государя приказаніе оспавлять поспепенно лагерь и перевести свою малочисленную армію за рѣку, находившуюся у него въ шьлу. Фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать долину, назначенную имъ для новаго лагеря, и возвращаясь, въ шопъ же день отдалъ въ приказѣ, что полки спануть перенравляться одинъ послѣ другаго во избѣжаніе смяшенія, могущаго произойти на мостахъ въ случаѣ, если войска выступятъ всѣ въ одно время.

Генералъ Янусъ, на котораго возложено было исполненіе сего, взялъ съ собою бригадира Шенсова, дабы, въ случаѣ нападенія отъ непріятели во время переправы, имѣть достаточную причину не употребить офицера споль ненадежнаго. Онъ оспавилъ его у моста, съ двумя майорами и двадцатью драгунами, для надзиранія за исправностію въ исполненіи приказовъ.

8-го іюля, на упрѣнной зарѣ, экипажи барона Денсберга, съ нѣсколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пѣхоты. Между-тѣмъ экипажи генерала Януса попянулись было по мосту, назначенному для кавалеріи. Но фельдмаршалъ, самъ заблагоразсудивъ оставить лагерь, приказалъ переправить прежде свои, а ospальнымъ экипажамъ генерала Януса не позволилъ переправиться прежде полковъ Аспраханскаго и Ингерманландскаго съ ихъ обозами. Фельдмаршалъ во всякомъ случаѣ радъ былъ дѣлать неприязность иноспраннымъ генераламъ.

9-го іюля съ утра войско и обозы попянулись, и только малая часть успѣла переправиться, какъ болѣе 30,000 Тапаръ явились передъ лагеремъ. Войско ospановили и попчасъ выспрошили въ боевомъ порядкѣ подъ прикрышіемъ рогашокъ. Пикетъ ospозвали; по приказанію генерала Януса два баталіона гренадеръ поставлены были на оба фланга, и въ семь расположеніи спали ожидать приближенія Тапаръ, дабы угоспипть ихъ каршечью изъ тридцати орудій. Фельдмаршалъ, генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейпенаупъ баронъ Оспенъ и бригадиръ баронъ Ремкингъ прѣехали изъ новаго лагеря, гдѣ они находились съ прошедшаго дня. Фельдмаршалъ

былъ очень доволенъ мѣрами, принятыми генераломъ Янусомъ для защищенія стараго лагеря въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Онъ опослалъ генерала Денсберга съ его бригадиромъ къ новому лагерю, для охраненія онаго, а въ старомъ оставилъ только генералъ - лейтенантъ Оспена подъ начальствомъ генерала Януса, съ полками, неуспѣвшими еще переправиться. Ихъ было довольно пропивъ и вдвое большаго числа Ташарь.

Но какъ они часъ-отъ-часу умножались, по фельдмаршалъ приказалъ казакамъ и Молдаванамъ (находившимся въ новомъ лагерѣ) прогнать и преслѣдовать непріятеля. Они пустились съ быстротою неимовѣрною, но копорая часть-отъ-часу болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ обѣихъ сторонъ все кончилось скаканіемъ да круженіемъ.

Одинъ капитанъ, родомъ Венгерецъ, вступившій въ службу Его Царскаго Величества, такъ же, какъ и многіе изъ его соотечественниковъ, послѣ паденія его свѣтлости принца Рогоци, находился въ лагерѣ съ нѣсколькими Венгерцами, въ надеждѣ быть употребленнымъ въ дѣло. Онъ уговорилъ опредѣ казачій поддержать его, обѣщаясь доказать, что не такъ-то мудрено управиться съ Ташарами. Казаки обѣщались отъ не-

го не опспавашь. Онъ бросился съ своими двенадцатью Венгерцами въ толпу Ташарь и множеству ихъ перерубилъ, пробиваясь сквозь ихъ кучи и разсѣвая кругомъ ужась и смерть. Но казаки ихъ не поддержали, и они уступили множеству. Ташары ихъ окружили, и всѣ принадлецать пали шупъ же, дорого продавъ свою жизнь; около ихъ легло 65 Ташарь, изъ коихъ 14 были обезглавлены. Всѣхъ менѣ рансый изъ сихъ храбрыхъ Венгерцевъ имѣлъ 14 ранъ. Всѣ бывшіе, какъ и я, свидѣтелями ихъ неумѣспной храбрости, сожалѣли о нихъ. Даже наши конные гренадеры, хопя и Русскіе, ш. е., хопь и неочень жалоспливый сердца, однако жъ просились на коней, дабы ихъ выручить; но генераль Янусъ не хопѣлъ взять на себя опвѣспшенность и завязашь дѣло съ непріятелемъ.

Пока Ташары привлекали на себя наше вниманіе, генераль Янусъ, предвидя, что наше опспупленіе могло бытъ обезпокоено еще бѣльшимъ числомъ Ташарь и даже самими Турками, приказалъ переправить всѣ корпусные экипажи, всѣхъ лошадей драгунскихъ и прочей кавалеріи и оспальные экипажи офицеровъ, дабы шѣмъ удобнѣе опспупишь до новаго лагеря шѣспина-

ми, вслуцими къ моспамъ, что и производилось во весь поцпъ день и въ ноци.

Между-твмъ Тапары, не видя никакого движенія въ лагеръ, гдѣ полки наши спояли все еще въ боевомъ порядкѣ за рогатками, ожидая смѣло ихъ нападенія, около претпяго часа по полудни опешупили, наскакавшись вдоволь, и пакимъ образомъ дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться въ новый лагеръ, куда вступилъ онъ самый послѣдній (10 июля).

Онъ приказалъ разобрать оба моспа и караулить лодки. По нашу сторону рѣки они могли пригодиться. Къ нимъ нарядили капитана съ двумя-спами гренадеръ.

Того же дня фельдмаршалъ отдалъ приказъ отрядить по 200 человекъ съ бригады для дѣланія фашинныхъ мостовъ черезъ большой и глубокой ручей, называемый Малымъ Прутомъ, и пропекавшимъ во спа шагахъ отъ нашего новаго лагеря, дабы, въ случаѣ нужды, можно было инотчасъ выступить.

Мосты построили къ полудню 11 июля. Въ пять часовъ вечера, одинъ изъ генералъ-адъютантовъ

Его Царскаго Величества привезъ фельдмаршалу приказъ, въ слѣдствіе коего мы, 12-го іюля, оставили лагерь, и въ одной милю ошъ онаго нашли Его Царское Величество. Вся армія тамъ соединилась, и такимъ образомъ расположилась вся на одной линіи. Царь съ полками: Преображенскимъ, Семеновскимъ, Астраханскимъ и Ингерманландскимъ стоялъ по лѣвую сторону, и слѣдственно въ авангардѣ. Дивизіи: Алларпа, Денсберга, Януса со всею оспальною кавалеріей, Брюсъ съ артиллеріей и Вейде стояли на правой рукѣ лицомъ къ горѣ и имѣя Прушь у себя въ плечу.

13-го, армія пошла въ походъ, принимая влѣво. Экипажи соспавляли вдоль Прупа впорую колонну. Мы прошли три мили до ночи, и расположились лагеремъ, принявъ вправо (*en faisant à droite*). Пространство между рѣкою и горами не позволяло намъ расширяться и соспавить двѣ линіи. Мы спали въ томъ порядкѣ, какъ стояли наканунѣ и какъ цѣлый день маршировали (т. е. въ одну линію).

14-го, мы подвинулись еще на три мили, не выдавъ ни города, ни деревни, но кое-гдѣ близь лѣсовъ разсѣяныя лачужки, копорыя показались намъ жалкими обипелями. Это насъ удиви-

ло, шѣмъ болѣе, что на нашихъ картахъ по берегамъ Прупа назначено было множество городовъ и деревень. Мы спали лагеремъ такъ же, какъ и въ предъидущіе два дни.

15-го, армія прошла еще три мили; но переходъ черезъ крупую гору, находящуюся на самомъ берегу рѣки, остановилъ войско. Мы достигли мѣста, назначеннаго для лагеря, не прежде какъ въ три часа по полуночи. Мы въ этотъ день видѣли за сей горою спаринную могилу одного Молдавскаго государя. Она имѣла видъ чепвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире въ основаніи, нежели въ высотѣ.

Молдаване, слѣдовавшіе за арміею, изъ коихъ многіе хорошо говорили по-Лашини, рассказали намъ о ней слѣдующее преданіе:

Государь, покоящійся въ сей могилѣ, былъ великій воинъ, но несчастный во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Учинивъ нападеніе на земли одного изъ своихъ сосѣдей, онъ привлекъ его въ свои собственныя владѣнія. Оба войска сошлись и сразились въ шой долинѣ. Кровопрлитная битва длилась два дня. Молдавскій государь остался побѣдителемъ; непріятельское войско бы-

ло имъ испреблено или захвачено въ плѣнъ, а прошивникъ его найденъ былъ между мертвыхъ тѣлъ, произненный одиннадцатью стрѣлами. Но побѣдитель, въ то самое время, какъ приносилъ Богу благодареніе, умеръ отъ раны, полученной имъ въ помъ сраженіи, и копорой онъ сгоряча не почувствовалъ. Онъ не имѣлъ дѣшей, и войско избрало себѣ въ государи одного изъ своихъ начальниковъ. Первымъ повелѣніемъ новаго государя было каждому воину, каждому Молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сіе мѣсто. Онъ послѣ того воздвигнулъ эту земляную пирамиду, въ срединѣ которой находился комната со сводомъ. Тамъ похоронено тѣло его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу. Потомъ входъ въ комнату былъ задѣланъ и пирамида окончена. На вершинѣ ея находилась площадка, сохранившаяся донинѣ; на ней возвышался протей изъ оружія убитыхъ, нынѣ уже несуществующій. Повѣствователь присовокупилъ, что всѣ изъ государей, властвовавшихъ потомъ, которые хотѣли проникнуть въ сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть одинъ камень заграждавшаго входа. Курганъ показался намъ пщачельно покрытымъ дерномъ. Мы спросили у нашего Молдаванина:

кто смошригъ за могилую? Онъ ошвѣчалъ, что жицели, поселенные кругомъ въ трехъ миляхъ, ошселъ, ежегодно въ мартъ и въ сентябрь мѣсяцъ приходящъ сырць могилу вожницами, подобными шѣмъ, кои упошребляюшя нащими садовниками. Онъ прибавилъ, что когда шого недѣлаюшъ, шогда бываетъ неурожай. Въ заключеніе онъ насъ увѣрялъ, что съ шѣхъ поръ, какъ саранча нашла на ихъ землю, все было ею разорено, кромѣ проспранства, заключеннаго въ эшихъ шрехъ миляхъ окружности, куда она не залешала, хошя была вездѣ, и съ боковъ и сзади.

Этой исторіи и ея послѣдствіямъ мы повѣрили только опчасти, хошя повѣшшовашель и хвалился бышъ дворяниномъ и воешнымъ человекомъ.

16-го, Его Царское Величество приказалъ выслать 1000 человекъ конныхъ гренадеръ, подъ начальствомъ г. полковника Роба, съ двумя вожаемыми, данными Царю самимъ господаремъ, слѣдовавшимъ за Его Величествомъ со своимъ Молдавскимъ дворомъ. Полковникъ Робъ имѣлъ повелѣніе изѣздить всю спорону, находившуюся вѣво опъ арміи вдоль Прупа, дабы удооповѣринься, возможно ли нешрїателю на-

наспь на насъ съ-пыла? Онъ возврашлся вскорь и объявилъ намъ, что капитанъ, наряженный съ двумя спами гренадерами для охраненія лодокъ, соспавлявшихъ мосты фельдмаршальскаго лагеря, и копорый подвигался вмѣстѣ съ арміей, былъ убитъ, а съ нимъ и всѣ его люди. Жители, бывшіе при полковникѣ, видѣли его за двѣ мили отъ лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что Тапаре, въ числѣ 20,000, переправились чрезъ рѣку, каждый держась за хвостъ своей лошади, и неожиданно напали на капитана въ одной пѣсины, гдѣ онъ и погибъ съ своимъ опрядомъ.

Эпо заспавлю Его Царское Величество расположилъ вдоль рѣки гренадерскіе взводы въ нѣкоторомъ разспояніи одинъ отъ другаго, имѣвшіе между собою коммуникацію и начальспвуемые однимъ подполковникомъ, двумя капитанами и чешырьмя поручиками.

Въ шопъ же день генералъ князь Рѣпинъ, сдѣлавъ усиленный переходъ, спалъ на той же линіи и занялъ правую руку или аррьергардъ.

Армія наша, вся вмѣстѣ состоявшая изъ 79,800 человекъ, не считая казаковъ и Молда-

ванъ, и, по опряженіи войскъ въ Валахію и на охраненіе Сороки, Могилева и Яссы, все еще составлявшая 55,000, уже не составляла и 47,000, какъ по оказалось на смопру, сдѣланномъ 17 іюля по приказанію Государя: слѣдствіе безпреспанныхъ шрудовъ, перенесенныхъ полками, изъ коихъ пѣхопные шли безъ опдыха опъ самага 24 февраля (нов. сп.). По счастью, смерпность пала по большой чашпи на однихъ рекрупъ, копорые видимо шаяли. Эпо могу я доказашь моими шабелями, копорыя я сохранилъ. Изъ всѣхъ чепырехъ полковъ моей бригады, составлявшихъ 4000 человекъ, на семь смопру 724 оказались, убывшими изъ коихъ только 56 убины въ помянутомъ сраженіи при никешѣ.

17-го, генералу Янусу повелѣно бышь голпову выспунить рано упрощь со всею нашею конницею и съ генералами, ею начальствовавшими, и явиться за часъ передъ свѣтомъ въ палатки Его Царскаго Величества, дабы получишь опъ него приказанія касательно шого похода. Какъ я имѣлъ честь приносить ему приказы и всякій день приходить узнавать опъ него, не было ли чего прибавить для бригады, шо я явился къ нему. Онъ просилъ меня прѣхашь за нимъ на

другой день за полчаса часа до свѣшу и сопроводить его къ Царю, къ чему я съ охотою и приготовился. И такъ 18-го передъ свѣшомъ явились мы къ Его Царскому Величеству.

Государь отдалъ генералу свои повелѣнія, и какъ ни онъ, ни я по-Русски не разумѣли, по Его Величество повелѣлъ ихъ объяснить на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ, и вручилъ намъ шопъ же приказъ, писанный по-Русски съ Лапшинскимъ переводомъ на оборотъ.

Приказъ состоялъ въ томъ, чшобы намъ идти по рѣкѣ Прунѣ воеемъ миль (или 16 льё) до того мѣста, гдѣ Турки, по донесеніямъ скороходовъ или шпионовъ (*scouteurs ou espions*), должны были наводить свои мосты. Еслибы генералъ ихъ нашелъ, то долженъ онъ былъ на нихъ ударить и уничтожить ихъ работу, коли только мосты не могли намъ пригодиться и копорье въ нашихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ извѣстить обо всемъ Государя черезъ четырехъ драгуновъ, посланныхъ черезъ полчаса одинъ послѣ другаго. Въ случаѣ же если Турковъ не встрѣшимъ, то идти къ Дунаю и тамъ остановиться, о чемъ также донести.

Выслушавъ приказъ и хорошо его понявъ, мы приспустили къ исполненію оваго: выступили изъ лагера въ пять часовъ и пошли по одной линіи эскадронъ за эскадрономъ. Экипажи наши шланулись въ другую линію вдоль берега Пруша, въ избѣжаніе нечаяннаго нападенія. Мы отрядили впередъ на довольно большое разстояніе двухъ конныхъ гренадеръ съ обнаженными палашами; за ними шестеро другихъ съ однимъ уншеръ-офицеромъ, и подкрѣпили ихъ двумя-спами рейпаровъ (maitres?), дабы могли они выдержашь первые выспрылы и дать намъ время съ выгодою ашпаковать непріятеля. Въ шакомъ порядкѣ, какъ мы, шакъ и нашъ обозъ, шли безъ помѣшательства и довольно скоро. Около 11 часовъ ушра, прошедъ не болѣе какъ двѣ мили (или 4 Французскихъ льё), вдругъ очутились мы, совсѣмъ неожиданно, въ шѣснинѣ весьма узкой, ибо рѣка прошекала ближе къ горѣ, около которой мы все еще шланулись. Генераль Янусъ, г. Видманъ (генераль-маіоръ) и я повѣхали къ передовому отряду гренадеръ, которые остановились и дали намъ знашь, что чѣмъ далѣе они ѣхали, шѣмъ уже спановилась дорога.

Генераль Янусъ приказалъ войску остановиться для отдыха, и мы отшправились высмашривашь мѣсположеніе. Земля, непримѣшно воз-

вышаясь, закрывала опъ насъ . спорону, находившуюся передъ нами. Когда досписали мы послѣдней почки сего возвышенія, увидѣли передъ собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую, а вдали множество бѣлыхъ головъ, скачущихъ по долинѣ съ большою ловкостію и быспрошою. Мы потчасъ съѣхали вѣтвь въ густопу деревъ, распущихъ на берегу Прупа. Мы подѣхали, какъ можно, ближе къ непріятелю и наконецъ уемотрѣли два укрѣпленія (*deux têtes-de-ponts traisées et palissadées en forme de demi-lune*), защищаемыя множествомъ пѣхоцы, кошорую признали мы въ послѣдствіи, по ея копкамъ, за Янычаровъ. За ними увидѣли мы два готовые моста, черезъ которые крупной рысью переправлялась конница и соединялась съ шюю, копорая находилась уже въ долинѣ.

Выемотрѣвъ все добрымъ порядкомъ, всѣ вмѣстѣ и каждый особо: генераль Янусъ, Видманъ и я, возвратились рысью по той же дорогѣ, и соединились съ нашими полками. Тупъ мы держали совѣтъ всѣ шрое между собою, ибо генераль не имѣлъ никакой довѣренности къ князю Волконскому и къ Вейсбаху (генераль-маіорамъ), а шого менѣе къ бригадиру Шенсову.

Нечего было перяпъ времени. Мы рѣшились спѣшишь нашу конницу и выспроипъ се въ

карре, поспавя экипажи въ срединѣ. Генераль написалъ письмо къ Государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерію въ аррьергардъ и на оба фланга, между шрепшимъ и четвертымъ рядомъ (войско выстроено было въ 4 шеренги). Мы приказали артиллерійскимъ офицерамъ зарядить пушки карпечью, а коннымъ гренадерамъ, составлявшимъ нашъ аррьергардъ (или фронтъ каррея со стороны Турокъ), не спрѣлать безъ приказанія, чтò бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой командѣ. Когда наши 32 орудія были уставлены, тогда мы вывели изъ рядовъ слабыхъ и больныхъ солдатъ, большюю часнію рекрутъ, и приказали имъ держать лошадей, находившихся, какъ и экипажи, въ ценшрѣ карре. Мы препоручили авангардъ князю Волконскому, правый флангъ авангарда Вейсбаху, величайшему прусу во всей Германіи, а левый бригадиру Шенсову. Видманъ и я, по вогъ генерала, оспались при его особѣ.

Опгъ роду мы не видывали офицеровъ столько смущенныхъ, какъ нашихъ шрехъ авангардныхъ генераловъ. Безпокойство ихъ очень забавляло насъ въ аррьергардѣ и вселяло въ насъ истинную къ нимъ жалость.

Въ семь порядкѣ мы двинулись, дабы возвратиться шуда, опколѣ мы пришли (?). Генераль

Янусъ, Видманъ и я дивились исправности свѣдѣній, доставляемыхъ Его Царскому Величеству его шпионами: въ двухъ миляхъ отъ лагеря находили мы два моста, наведенные и укрѣпленные, когда предполагали найсти ихъ еще только начашыми въ 8-ми миляхъ, и по ненавѣрно. Вдругъ драгунъ, оспавленный нами въ пылу, выспрыгнулъ вмѣсто сигнала и прискакалъ къ намъ. Мы скомандовали полу-оборотъ направо аррьергарду, полу-оборотъ вправо и вѣво флангамъ; и такимъ образомъ составили фронтъ со всѣхъ чешырехъ створонъ. Только-что успѣли выспрыгнуться, какъ увидѣли мы двѣ толпы въ чалмахъ, скачущія преугельникомъ и ревуція во все горло, какъ бѣшенныя, думая насъ уничтожить. Но какъ скоро они приблизились, первый рядъ нашихъ гренадеровъ легъ наземь, и мы воспрыгнули ихъ залпомъ изъ 12 орудій миніапюрной нашей артиллеріи, что удержало ихъ спремленіе, охладило ихъ пылкость и лишило ихъ очень многихъ товарищей. Однако жъ это не помѣшало имъ насъ окружить. Но воспрыгнувъ со всѣхъ створонъ отпоръ и видя, что нападающіе на насъ опасно, они довольствовались пѣтмъ, что издали досаждали намъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ и своими стрѣлами.

Здѣсь, милоспивая государыня, долженъ я вамъ чиспосердечно признапсья, что, будучи приученъ къ огню шеспью генеральными сраженіями и чепырнадцатпю осадами, при коихъ присуспсвовалъ я съ шѣхъ поръ, какъ служу, между прочими при осадѣ Монмеліана въ 1691 и Намура въ 1692, я спюлько опасаясь огня, сколько то надлежитъ челювѣку доброму и твердому; но мысль о спрѣлахъ была для меня спюль ужасна, что я внуспренне боялся ихъ, спого не показывая. Однако жъ, когда я увидѣлъ ихъ малое дѣйствіе, я къ нимъ привыкъ и спалъ смотрѣлъ на нихъ какъ на чучела, спыдясъ моего паническаго спраха.

Было два часа пополудни на нашихъ часахъ, какъ Турки къ намъ приблизились и съ нами поздравспвовались. Съ спой поры до десяти часовъ вечера болѣе пятидесяти тысячъ ихъ спдѣли у насъ на шеѣ, не смѣя ни ударить на насъ, ни разспронить насъ. Единственный ихъ успѣхъ соспюялъ въ замедленіи нашего марша. Они такъ часто насъ оспанавливали, что опъ двухъ часовъ до десяти прошли мы не болѣе какъ чеп верпъ мили. Ночью, однако, спдѣали они важную ошибку, копорою мы и воспользовались, не имѣя никакой охоты пропуститъ случай соеди-

внпсья съ нашимъ ценпромъ, ш. е. со всею арміей: они всѣ, безъ изьятія, при наступленіи ноци, решировались въ шу сторону, откуда явились. Замѣшивъ сіе, генераль отправилъ адъютанта на лучшей своей лошади съ донесеніемъ Государю обо всемъ, чмд произошло съ шѣхъ поръ, какъ имѣль онъ честь писать Его Величеству. Онъ рѣшился идти ночью, какъ можно поспѣшнѣе, и мы прошли болѣе мили довольно скоро и безъ всякаго препятствія. Теперь признайшесь, что если бы господа бѣлые колпаки опрѣзали намъ дорогу, высавя предъ нами толпу своей конницы и оставя таковую же у насъ въ пылу, шо мы бѣ принуждены были ночью спояпъ и, можетъ быть, не успѣли бы на другой день соединиться съ нашей арміей, и были бы принуждены успунить успалости, если ужъ не силѣ.

Турки догнали насъ на разсвѣтѣ въ болъшей силѣ, нежели наканунѣ; но все безъ пѣхопы и безъ артиллеріи. Они безпокоили насъ спрѣльбою непрерывно. Около пяти часовъ упира увидѣли мы пѣхоту, приближающуюся къ намъ на помощь, и которая гордымъ и медленнымъ своимъ движеніемъ вселила робость въ скакуновъ и наѣздниковъ. Генераль баронъ Денсбергъ со всею

дивизіей шелъ на обезпеченіе нашего отступленія. Корпусъ его соединился съ нашимъ; онъ сѣвннлъ нашихъ конныхъ гренадеръ, находившихся безпресипанно въ арріергардѣ двумя своими гренадерскими баталіонами и далъ почувствовать непріятелю непрерывнымъ и сильнѣйшимъ огнемъ, что не такъ-то легко было насъ смаять и помѣшать намъ соединиться съ арміею *.

Армія Его Царскаго Величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы къ ней возвращались съ такимъ прекраснымъ и многочисленнымъ обществомъ. Однако такъ случилось къ величайшему нашему сожалѣнію, и едва вспунили мы въ лагерь, какъ увидѣли противоположную гору, покрытую непріятельскими полками.

Генералъ-фельдмаршалъ прерва пушечными выстрѣлами далъ сѣгналъ всей линіи выстроиться въ боевомъ порядкѣ, что и было исполнено. Какъ Турки подступали съ лѣвой сто-

* Петръ негодовалъ на генерала Януса; въ журналѣ его сказано: «и конечно могъ оный Янусъ ихъ задержать (Турковъ), ежели бы сдѣлалъ такъ, какъ доброму человеку надлежитъ.» Но, какъ замѣчаетъ генералъ Бутурлинъ въ исторіи Русскихъ походовъ, ничто не можно помѣшать визирю перейти Прутъ выше того мѣста и стать вѣлѣ Русской арміи *Ирм. А. С. II*

роны, по Преображенцы, Семеновцы и полки Ингерманландскій и Аспраханскій вытерпѣли по большей части огонь непріятельскій, и во весь топъ день почти не имѣли покоя.

Я не говорилъ, милоспивая государыня, о потерѣ, претерпѣнной нами во время опспушенія, и, можетъ быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишкомъ счастливо. Довольно ужъ и того, что мы не погибли подъ усиліями пятидесяти тысячъ человекъ, сражавшихся противу восьми и менше. Мы лишились одного подполковника, двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ. Ранены были: подполковникъ моего полка, два поручика и приста съ чѣмъ - то драгуновъ и другихъ конныхъ рядовыхъ; раны большею частію были легкія. Генералъ баронъ Денсбергъ потерялъ одного пѣхотнаго полковника, о копоромъ весьма сожалѣли, семь или восемь раненыхъ офицеровъ, 160 рядовыхъ убитыми и 246 ранеными; все это менше, нежели въ два часа съ половиною времени. Нѣтъ сомнѣнія, что весь нашъ отрядъ былъ бы истребленъ, если бы непріятель ранѣ могъ насъ замѣпить. Но онъ далъ намъ время выпроиться въ карре, что и способствовало намъ удержаться и спасло насъ отъ смерти или рабства.

Около пяти часовъ вечера, 19-го іюля, Его Царское Величество приказалъ призвать своихъ генераловъ, дабы совѣщаваться съ ними о томъ, на что надлежало рѣшиться. Генералы: Янусъ, Алларпъ, Денсбергъ, генераль-поручики Оспенъ и Берггольцъ явились, но ни одинъ изъ генераловъ Русскихъ, ни изъ миниспровъ Его Величества не показался. Даже и генераль-фельдмаршала шуптъ не было. Генераль Янусъ взялъ меня съ собою, и такимъ образомъ былъ я свидѣтелемъ всего, что ни происходило. На семъ-по совѣтѣ генераль Янусъ представилъ Его Величеству о небреженіи, оказываемомъ иносстраннымъ его генераламъ, къ которымъ прибѣгали шолько тогда, какъ дѣла были уже въ опчаянномъ положеніи. Онъ сказалъ, что онъ, будучи начальникомъ всей кавалеріи и первымъ генераломъ арміи, не былъ заранѣе уведомленъ о предположеніяхъ всего похода. Онъ жаловался попомъ на неуваженіе миниспровъ и Русскихъ генераловъ, и въ заключеніе сказалъ Его Царскому Величеству, что нѣ же самые люди, которые завлекли армію въ лабиринтъ, должны были и вывести ее. Всѣ иносстранные генералы съ большимъ удовольствіемъ слушали генерала Януса. Царъ всячески обласкалъ его, и всѣ спали думать объ неправ-

леніи запушаннаго положенія, въ которомъ находилась армія.

Турокъ, слишкомъ приблизившійся къ нашему лѣвому флангу, во время нашего опступленія, схваченъ былъ шестью нашими конными гренадерами и приведенъ къ генералу Янусу, который приспавилъ къ нему спроргій караулъ и пошчасъ по вспушленіи въ лагерь опослалъ его къ Государю.

Плѣннаго допросили. Онъ показалъ, что Турецкая армія состояла изо спа-пяшидесяти тысячъ, т. е. изъ 100,000 конницы и 50,000 пѣхоты, что вся конница должна была къ вечеру соединиться, но что пѣхота, при которой находилось 160 аршиллерійскихъ орудій, не могла прибыть прежде, какъ къ завпрашнему дню около полудня.

По симъ извѣстіямъ, послѣ оказавшимся достоверными, приняты были въ совѣтъ слѣдующія мѣры:

Положено было арміи воропиться назадъ, успроясь въ карре и оградясь рогатками; экипажи, конница и аршиллерія должны были оспа-

вапсья въ центрѣ, и въ такомъ порядкѣ надлежало спарашься по возможности совершивъ небезславное опспуленіе. Недостатокъ конницы болѣе всего могъ намъ повредить. Наши лошади были совсѣмъ изнурены, а Турецкія свѣжи и сильны.

Опданъ былъ приказъ въ слѣдствіе сихъ положеній. Армія все еще находилась въ боевомъ порядкѣ, на одной линіи, съ своими рогатками передъ собою. Повелѣно было всѣмъ генераламъ и офицерамъ уменьшивъ по возможности свои экипажи и жечь все ими бросаемое.

При наступленіи ночи, Государь, Государыня Императрица, министры и весь дворъ перенеслись на правую сторону съ лѣвой, кошорая стала авангардомъ. Между-шкѣть готовились устроивъ башальонъ - карре, что и сдѣлано было въ ночь. Гора, по кошорой разсыана была Турецкая конница, явилась намъ вся въ огняхъ, разложенныхъ непріятелемъ.

Ненужно сказывать вамъ, что ночь эта прошла въ смяшеніи и безпорядкѣ. Мы видѣли, что Турки на горѣ шѣ подвигались впередъ, то шли назадъ, и не могли судить о ихъ намѣреніи ина-

че, какъ на-угадъ. Генералъ баронъ Алларшъ, генералъ баронъ Оспенъ и я занимали пошъ же поспъ и находились близко другъ опъ друга. И какъ главнымъ предметомъ была для насъ гора, занимаемая непріятелемъ, по мы полько и спарались поняшъ, что происходило тамъ, и къ чему клонились эти марши и конпръ-марши, замѣченные нами передъ наступленіемъ ночи. Мы подумали, что намѣреніе непріятеля было окружить нашу армію и напасть на нее со всѣхъ сторонъ. Это казалось намъ очевидно по движению полковъ, которые возвращались къ тому мѣсту, откуда пришли, дабы обойти лѣвый нашъ флангъ и растянуться вдоль берега Прута, съ коего имѣли предоспорожность снять всѣ наши поспы.

Непріятелю легче было судить о нашихъ движеніяхъ. Онъ споялъ надъ нами на высотѣ и лагерь нашъ былъ освѣщенъ, какъ среди бѣлаго дня, безчисленными множествомъ фуръ и пелегъ, сожигаемыхъ въ слѣдствіе повелѣнія.

Въ эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрѣлись уже на разсвѣтѣ, и погда полько увидѣли опасность, въ которой находились. Посптарались исправиться, каждый на сво-

емъ посту. Одной только важной ошибки, сдѣланной княземъ Рѣпнинымъ, не могли исправить прежде цѣлыхъ шести часовъ.

Генералъ сей начальствовалъ правымъ флангомъ нашего карре и не разсудилъ, что, какъ ни медленно подвигалась голова отряда, хвостъ его непременно долженъ слѣдовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; онъ прошелъ усиленнымъ маршемъ, думалъ, что все дѣло состояло въ томъ, чтобъ уйти какъ можно далѣе. Такимъ образомъ разрѣзалъ онъ флангъ, и чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ шире становился промежутокъ, имъ оставленный.

Экипажи, заключенные въ центръ, распянулись на просторъ, полагая себя огражденными рогатками, и такъ-то распянулись, что большая часть отдѣлилась отъ бапальона - карре и шла въ степи безъ всякаго прикрытія. Турки, замѣпивъ оплошность и видя, что экипажи составляли уголъ, незащищенный никакимъ отрядомъ, скользнули вдоль праваго фланга подъ нашимъ огнемъ, отрѣзали всѣ экипажи, вышедшіе изъ бапальона, и захватили ихъ. Экипажей было шутъ довольно: болѣе двухъ тысячъ панисонгъ карептъ, колясокъ, шелегъ малыхъ и боль-

шихъ попались въ руки непріятелю. Здѣсь-по, милоспивая государыня, попереялъ я свою карепу и весь свой обозъ. Я успѣлъ спасти только *une petite paloube* съ моимъ бѣльемъ и плашьемъ, довольно порядочнымъ.

Нѣскольکو дамъ были умерщвлены съ дѣтьми своими въ карешахъ. Жена подполковника Рона, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при пикеспѣ, погибла съ іпремя своими дѣтьми. Почти всѣ слуги, управлявшіе экипажами, или шупъ же замѣшавшіеся, имѣли шу же участь.

Ошибка князя Рѣпнина была замѣчена, но сдѣшкомъ поздно. Посланъ былъ къ нему одинъ изъ адьюшаншовъ Его Величества съ повелѣніемъ остановинься. Между шѣмъ выставили нѣскольکو арпимлерійскихъ орудій въ промежутокъ праваго фланга, дабы опогнать непріятеля и восіпрепятствовашъ ему прорвашъ. Цѣлыхъ пять часовъ употреблено было на исправленіе ошибки, непростишельной для генерала. Турки, окружавшіе насъ со всѣхъ споронъ, съ упра самага не оставляли насъ въ покоѣ, усиливая огонь.

Эпо было причиною шому, что Турецкая пѣхоша и арпимлерія въ печеніе дня успѣла насъ догнашъ.

Генераль баронъ Алларпъ былъ легко раненъ въ руку; зяпъ его подполковникъ Лиенро (Lienrot) раненъ былъ смертельно близъ него; генераль-маіоръ Волконскій также. Всѣ прое были на лѣвомъ флангѣ, на углу фронта аррьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генераль-лейтенантъ баронъ Оспень раненъ былъ въ правое плечо, чтѣ не помѣшало ему надзирать за безопасностію своего поспа, гдѣ чрезвычайно спало жарко, когда догнала насъ Турецкая пѣхота.

Около пяти часовъ вечера фронтъ нашего башальонъ-карре дошелъ до рѣки Пруша. Его Величество приказалъ остановитъся и выпронитъся. Аррьергардъ, сдѣлавъ полу-оборонъ направо, спалъ нашимъ правымъ флангомъ, а правый флангъ лѣвымъ. Едва успѣли мы произвестн сіе нужное движеніе, какъ Турки уперлись своими обонми флангами къ рѣкѣ и заключили насъ съ прехъ сторонъ двойною ливіей, расположенной полукружіемъ. Нѣсколько времени спустя, горы, находящіяся по той сторонѣ рѣки, заняты были Шведами, Поляками Кіевскаго Палашина и Буджацкими Тапарами.

Выспроенные въ башальонъ-карре и со всѣхъ

сторонѣ обращенные лицомъ къ непріятелю, мы завалили землю наши рогатки, и пока часть полковъ погребала насъ, оспальная производила беспреспанный огонь на непріятеля, который съ своей стороны также укрѣплялся.

Около семи часовъ, какъ я возвращался къ генералу Янусу, начальствовавшему на правомъ флангѣ, гдѣ находился и мой полкъ, исполнивъ данное имъ порученіе, я былъ раненъ пулею въ правую руку, но довольно легко, и могъ оспаться на своемъ мѣстѣ, гдѣ люди падали въ числѣ необыкновенномъ, ибо непріятельская артиллерія почти не давала промаха. Въ восемь часовъ вечера три орудія были у меня сбиты. Его Величество, посѣпившій мой полкъ, какъ и прочіе, приказалъ ихъ исправить въ ночь и присокупилъ двенадцати-фунтовое орудіе.

Могу засвидѣтельствовать, что Царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его воиновъ. Онъ переносился повсюду, говорилъ съ генералами, офицерами и рядовыми нѣжно и дружелюбно (*avec tendresse et amitié*), часпо ихъ разспрашивая о томъ, что происходило на ихъ постахъ.

При наступленіи ночи роздали намъ, по 800 на каждый полкъ, новоизобрѣшенныхъ ножей, съ прехъ споронъ острые какъ бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались въ землю; намъ повелѣли ихъ бросать не прежде, какъ когда непріятель вздумаетъ насъ аппаковать. Въ эту ночь непріятель сдѣлалъ только два покушенія: одно, при свѣтѣ фейерверка, на постъ, занимаемый генералъ-поручикомъ Оспенъ - Сакеномъ, а другое на постъ генералъ-маіора Буша. Ихъ опразили съ той и другой спороны. Они приблизились снова уже на разсвѣтѣ и дали знашь о себѣ непрерывнымъ огнемъ изъ сѣмидесяти пушекъ, поддержанныхъ безпреспанной пальбою ихъ конницы и пѣхоты.

Будемъ справедливы. Генералы: Янусъ, Алартъ и Денсбергъ, генералъ-поручики Оспенъ и Бергольцъ, генералъ-маіоры Видманъ и Бушъ и бригадиръ Ремкингъ сдѣлали болѣе, нежели можно пересказать. Между-тѣмъ какъ Русскіе начальники показывались только ночью, а днемъ лежали подъ своими экипажами, генералы многоспранные были въ безпреспанномъ движеніи, днемъ поддерживая полки въ ихъ поспахъ, исправляя уронъ, нанесенный непріятелемъ, давая отдыхасть солдатамъ наиболѣе усталымъ и смѣняя

ихъ другими, находившимися при поспахъ, менѣе подверженныхъ нападенію непріятеля.

Коли ночь показалась намъ коротка, попомучю не были мы обезпокоены, но упрю запо показалось намъ очень долгимъ, по причинѣ быспраго и безпрестаннаго непріятельскаго огня, опъ копорого много мы терпѣли, по крайней мѣрѣ на правомъ нашемъ флангѣ, со стороны фронша. Войско, приближенное къ рѣкѣ, было совсѣмъ безопасно.

Около девяти часовъ упра Его Величество, коему не безызвѣстно было, что иностранные генералы одни могли спасти его арміи, приказалъ позвать ихъ въ центръ экипажей, гдѣ находилась его палатка. Генералъ Янусъ, копорого Царь приглашалъ особенно вмѣстѣ съ барономъ Оспеномъ, взялъ меня съ собою къ Его Величеству. Государь милоспиво освѣдомился о моей ранѣ, копорая очень меня безпокоила, попомучю я только еще промывалъ ее виномъ, даннымъ мнѣ генералъ-маіоромъ Бушомъ. У меня не было ни капли. Телеги мои были въ числѣ пѣхъ, копорыми овладѣли Турки.

Государь, генералъ Янусъ, генералъ-поручикъ

Оспень и фельдмаршалъ держали долгое тайное совѣщаніе. Попомъ они всѣ подошли къ генералу барону Алларпу, лежавшему въ каретѣ по причинѣ раны, имъ полученной, и шуптъ, между карепою сего генерала и карепою баронессы Оспень, въ которой находилась г-жа Бушъ, положено было, что фельдмаршалъ будетъ писать къ великому визирю, прося опъ него перемирія, дабы безопасно приступить къ примиренію обоихъ Государей.

Трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ, и мы ожидали отвѣта, каждый на своемъ посту, какъ объявили намъ о смерти генералъ-маіора Видмана.

Эпо было невозвратная потеря для Царя. Видманъ былъ человекъ достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищъ и хороший кавалерійскій офицеръ, основательно знавшій свое дѣло. Всѣ объ немъ сожалѣли, пѣтъ болѣе, что онъ находился не на своемъ посту: онъ служилъ въ дивизіи генерала Рене и долженъ былъ бы съ нимъ отправиться въ Валахію, если бъ Его Царское Величество не оставилъ его въ своей арміи, изъ уваженія къ нему.

Не прошло двухъ часовъ по отъѣздѣ прубача, какъ увидѣли мы, что онъ возвращается съ агою Янычаровъ. Турокъ прибылъ на постъ, гдѣ находился генераль-поручикъ Беркгольцъ, и сказалъ ему на Арабскомъ языкѣ, на кошоромъ Беркгольцъ изъяснялся хорошо, что великій визирь соглашался на требуемое перемиріе, и давалъ намъ знать, чтобъ мы прекратили нашъ огонь (что и съ ихъ стороны будетъ учинено), и чтобы мы присылали комиссаровъ для переговоровъ о мирѣ.

Мы не дождались повелѣній генераль-фельдмаршала и оспановили огонь, каждый на своемъ посту, и въ минушу на той и другой сторонѣ водворилось спокойствіе.

Не прошло и двухъ часовъ со времени, что перемиріе было объявлено и что баронъ Шафировъ опсправился въ лагерь великаго визира въ качествѣ комиссара съ препорученіемъ практиковать о мирѣ, какъ увидѣли мы всю Турецкую армию около нашихъ рогатокъ: Турки пріѣхали насъ навѣспить и полюбовались нами въ нашей кѣпкѣ. Наконецъ они пакъ приблизились, что генералы наши возымѣли подозрѣніе, особенно генераль Янусъ, кошорый послалъ г-на Беркголь-

ца къ великому визирю, прося его приказати войску своему возвратиться въ окопы и учредить караулы для удержанія Турокъ въ повиновеніи, что, съ нашей стороны, должны были сдѣлать и мы.

Генералъ-лейтенантъ Бергольцъ возвратился съ тѣмъ же Янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю Турецкую армію въ ея окопы. Онъ распавилъ попомъ караулы (*vedettes*) со стороны ихъ, а мы съ нашей.

Признаюсь, милоспивая государыня, изо всѣхъ армій, которыхъ удалось мнѣ только видѣть, никогда не видывалъ я ни одной прекраснѣе, величественнѣе и великолѣпнѣе арміи Турецкой. Эти разноцвѣтные одежды, ярко освѣщенныя солнцемъ, блескъ оружія, сверкающаго наподобіе безчисленныхъ алмазовъ, величавое однообразіе головного убора, эти легкіе, но завидные кони— все это на гладкой степи, окружая насъ полумѣсяцемъ, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желаніе, я могу вамъ дать только слабое понятіе.

Когда увидѣли, что дѣло клонилось къ миру не на шутку, мы отдохнули, переобмѣнили бѣлье

и платье. Вся наша армія походила на прубочисновъ: пошъ, пыль и порохъ шакъ покрывали насъ, что мы другъ друга ужъ не узнавали. Мегѣ нежелн черезъ при часа всѣ явились въ золотѣ, всякій одѣлся какъ можно великолѣпнѣе.

22-го вечеромъ узнали черезъ барона Шафирова, прибывшаго изъ Турецкаго лагеря для объясненій съ Его Величествомъ о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ и черезъ часъ уѣхавшаго обратно, что все шло хорошо и что конечно миръ будетъ заключенъ.

Не могу, милоспивая государыня, здѣсь не упомянуть о благородномъ поступкѣ, который заставилъ насъ уважать Турецкій народъ. Какой-то спаги, или, что все равно, всадникъ, перешелъ за указную черту и явился близъ моего поста, гдѣ прогуливался я съ сыномъ барона Денсберга, подполковникомъ въ Бѣлозерскомъ полку, и съ генераль-маіоромъ Вейсбахомъ.

Этотъ спаги говорилъ что-то нашимъ драгунамъ, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею, и полагая, что мы понимали его нарѣчіе. Офицеръ, развѣзжавшій около ихъ лагеря, замѣпилъ, что спаги перешелъ за поло-

женную черпу, и, давая знакъ возвраишься въ лагерь, съ твердоспiю выговаривалъ ему. Спаги его не послушался; офицеръ, послѣ двукрапнаго пребыванiя, приблизился къ нему молча, и махомъ своей сабли чистю опрубилъ руку, кошорая упала съ саблею къ нашимъ ногамъ; попиомъ, продолжая пущь свой съ пѣмъ же хладнокровiемъ, проспился съ нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не спалъ прапишь времени и ускакалъ во весь опоръ, оспавя руку и саблю у ногъ молодого Денсберга. Сей поспупокъ невѣрнаго служипъ урокомъ для Хрисiанъ, съ какою строгостiю должно хранишь свое слово, данное и неприятсламъ.

22-е и 25-е числа прощли въ непергѣлнвомъ ожиданiи споль нужнаго и споль желаемаго мира. Положенiе, въ кошоромъ мы недавно находилсь, пюго требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство — не было средины. Намъ должно было выбрашь изъ двухъ одно, еслибъ великiй визирь сдѣлалъ свое дѣло и служилъ съ усердiемъ государю своему. Надлежало ему полько бышь ошорожнымъ, укрѣпляться въ окопахъ и оспаваться въ бездѣйствiи. Армiя наша не имѣла провианта; пяиный день большая часнь офицеровъ не ѣли хлѣба; пѣмъ-паче солданы,

которыя пользуются меньшими удобностями. Лошади были изнурены (*étoient depuis le même temps au filet*); нѣкоторые генералы имѣли при себѣ нѣсколько кулей овса, и кое-какъ поддерживали своихъ лошадей; оспальные же кони лизали землю и были такъ изнурены, что когда пришлось употребить ихъ въ дѣло, то не знали, съдлапъ ли, запрягашъ ли ихъ, или нѣтъ.

Вечеромъ 23 іюля (по старому стилю) бригадиры получили приказъ отобрать розданные ножи, по 800 на каждый полкъ, и побросать ихъ ночью въ рѣку черезъ надежныхъ офицеровъ. Узнали также, что въ аршилерійскомъ паркѣ зарыто было множество пороху, бомбъ, гранатъ и ядеръ, также и оружія, предварительно сломаннаго, что предвѣщало намъ конецъ нашимъ бѣдспвіямъ.

Наконецъ, милостивая государыня, 24-го увидѣли мы одну изъ придворныхъ повозокъ (*ra'ou-be*), въ которой везли на 200,000 червонцевъ золота и вещей, обѣщанныхъ барономъ Шафировымъ въ подарокъ великому визирю. Въ полдень, Его Царское Величество чрезъ своего генераль-адъютанта объявилъ всѣмъ генераламъ, что онъ заключилъ съ Портою швердѣй, неко-

любимый и вѣчный миръ, и приказалъ дать знать о томъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ своей арміи.

Еслибы сказали намъ 22 іюля упрямъ, что миръ заключенъ будетъ такимъ образомъ 24-го, то всякій почелъ бы конечно мечпашелемъ и сумасшедшимъ того, кто бы осмѣлился ласкать насъ надеждою на такое несбыточное счастье. Я помню, что когда прубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ фельдмаршала, въ которомъ просилъ онъ перемирія, генералъ сказалъ намъ, возвращаясь къ нашимъ постамъ, что пошъ, кто завелъ Его Царское Величество въ это положеніе, долженъ былъ быть величайшимъ безумцемъ всего свѣта; но что если великій визирь приметъ наше предложеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ, то это первенство принадлежитъ ему. Богу угодно было, чтобъ генералъ невѣрныхъ ослѣпленъ былъ блескомъ двухъ-сотъ-тысячъ червонцевъ, для спасенія великаго множества честныхъ людей, которые, по-истинѣ, находились въ рукахъ Турковъ.

Въ часъ пополудни Опюманы обвародовали миръ, и почти въ то же время фельдмаршалъ отдавалъ приказъ арміи выступить въ походъ въ

шестъ часовъ вечера, въ новомъ боевомъ порядкѣ, коего планъ розданъ былъ всѣмъ генераламъ, дабы каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Войска должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ флейшами передъ каждымъ полкомъ.

Ненужно было приказывать офицерамъ, у коихъ оставались еще экипажи, ихъ облегчить: необходимость и такъ ужъ того требовала. Множество добра побросали въ лагерь, ибо лошади едва пашкались, изнуренныя и чуть живыя.

Прежде нежели оставимъ лагерь, вы позволите, милосивыя государыня, исчислить вамъ потерю обѣихъ армій въ эти четыре дня. Достоверно, что Его Царское Величество лишился не болѣе какъ 8,800 человекъ убитыми. Изъ генераловъ убитъ одинъ г. Видманъ; два полковника, пять поковниковъ, 18 капитановъ и 26 нижнихъ чиновъ раздѣлили съ нимъ ту же участь. Турки числосердечно признались намъ, что они потеряли убитыми 8,900 человекъ, между прочимъ, одного любимца ихъ султана и множество офицеровъ.

24-го, въ 6 часовъ вечера, армія выступила въ походъ центромъ праваго фланга. Четыре

батальона, въ немъ паходившіеся, составляли фронтъ подъ командою генерала барона Денсберга, генераль-маіора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Moreau de Brasey, comte de Lion en Beance). Прочіе генералы слѣдовали по спаршинству; Адамъ Вейде и князь Голицынъ составляли аррьергардъ, а солдаты несли рогапки, какъ и во время сраженія. Армія, составляя батальонъ-карре, гордо прошла мимо Турковъ, выстроенныхъ въ одну линію въ долину, по лѣвую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который былъ опъ насъ вправо, а горы влѣво.

Одинъ Французскій инженеръ, по имени Терсонъ, человекъ самый честный, уважаемый Царемъ и Русскими, пріятель всего свѣта, удостоверялъ меня, что есть люди, не вѣдущіе вѣрныя предчувствія о своей смерти. Сей Французъ подружился со мною въ Ригѣ, гдѣ я узналъ его; и когда, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ, встрѣпились мы въ той же арміи, онъ часто дѣлалъ мнѣ честь навѣщать меня и довольствоваться моею хлѣбъ-солью. Въ шестъ день, какъ возвратились мы въ лагерь, въ сопровожденіи непріятелей, онъ ко мнѣ пришелъ поздравить меня съ достославнымъ нашимъ опспушеніемъ и съ

тѣмъ, что генераль Янусъ благосклонно опъзы-
вался ему обо мнѣ, радуясь, что въ семь слу-
чаѣ имѣлъ меня при себѣ. Я отвѣчалъ, что
генераль Янусъ отдавалъ свои приказанія съ па-
кою ясностію, что офицеру, какъ бы шупо ни
было его понятіе, невозможно было ихъ не вы-
полнить. Умирая съ голоду, я ѣлъ съ большимъ
аппетитомъ то, что могъ еще найпти годнаго
въ моихъ запасахъ, и Терсонъ послѣдовалъ моему
примѣру. Тупъ открылъ онъ мнѣ за шайну, что
ему изъ Молдавіи не выдпи и что онъ оста-
вилъ въ ней свои коспи. Я всячески спарался
разсѣять его мрачное предчувствіе, но щепно.
Заключили миръ, армія выступила. Терсонъ при-
былъ къ моему посту и довольно долго со мною
разговаривалъ. Я спалъ смѣяясь надъ его пред-
чувствіемъ, доказывая его ложность, ибо миръ
былъ заключенъ. Онъ отвѣчалъ, что генераль
Янусъ, которому пакже онъ открылся, дѣлалъ
ему по же разсужденіе, но что онъ и мнѣ даспъ
попъ же опвѣпъ какъ и генералу, именно, что
онъ изъ Молдавіи еще не вышелъ и что мы
успѣемъ надъ нимъ посмѣяться, когда войско
перейдетъ за Днѣстръ. Нѣсколько времени спу-
спя, онъ меня оставилъ и побхалъ къ генералу
Янусу, который, спрадая подагрой, ѣхалъ въ
каретѣ вдоль праваго фланга во спа шаговъ

опть фронтѣ. Поговоривъ съ нимъ немного, онъ оставилъ его по нѣкоторой нуждѣ. Одинъ изъ Тапаръ, слѣдовавшій за нашей арміей, въ намѣреніи что-нибудь подцѣпить, проскакавъ мимо его, вопкнулъ въ него копье и оставилъ его мертвою, не снявъ даже съ него шляпы. Генералъ Янусъ послалъ за мною своего адъютанта, и показалъ мнѣ его пѣлю, принесенное къ батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалѣли объ немъ опть всего сердца и дивились между-пѣмъ предчувствіямъ, которыя оспаривалъ я съ упрямствомъ. Фельдмаршалъ послалъ трубача къ великому визирю съ жалобою на нарушеніе условій. Трубачъ возвратился ночью съ предписаніемъ вѣщать всѣхъ Тапаръ, которые попадутся намъ въ руки, гонимъ за нашей арміей.

При совершенномъ наступленіи ночи, Его Царское Величество велѣлъ остановиться батальону-карре. Мы выстроились какъ можно исправнѣе. Мы расположились на бивакахъ. Ночлеги были крапко и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительнымъ въ отношеніи къ вашему полу, ибо до сихъ поръ не говорилъ я вамъ о всемъ,

что претерпѣли дамы, находившіяся въ нашей арміи? Вообразите ихъ себѣ, милоспивая государыня, среди ужасовъ четырехъ-дневнаго сраженія, подверженныхъ шѣмъ же опасностямъ, какъ и мы; кареты ихъ прострѣлены были пулями, разбины пушечными ядрами; и эти милыя дамы должны были поспѣть въ пынь, если не погибнуть въ нечаянномъ нападеніи, коего мы только и опасались. Не знаю, болѣе ли онѣ спрадали во время битвы, нежели радовались о своемъ избавленіи; но знаю, что генераль-маіорша Бушъ, при недѣли послѣ, не могла еще оправиться опъ страха, ею претерпѣннаго въ шѣ четыре дня, какъ мы имѣли дѣло съ Турками.

Какъ объ условіяхъ мира хранили глубокое молчаніе, то мы (иностранны) никого и не спрашивали, а рассуждали о нихъ между собою, не сомнѣваясь, чтообъ они не были весьма шяго-сипны для Его Царскаго Величества. Однако мы узнали обо всемъ въ походѣ (25 іюля) и совѣмъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Армія выступила въ походѣ на разсвѣтѣ съ экипажемъ, уменьшеннымъ по крайней мѣрѣ двумя шрепями. Въ полдень пришли мы въ шѣсни-

ну, гдѣ мы такъ долго проспозли въ началѣ нашего похода. Я былъ одинъ изъ начальниковъ авангарда или фронта нашего батальонъ - карре, который, для большей удобности экипажей, раздѣлился при входѣ въ пѣснину. Мы первые прибыли въ долину, находящуюся за пѣснною: мѣсто пріятное, окруженное густыми деревьями и огражденное съѣва высокими, лѣсными горами, а справа рѣкою Прупомъ, разливающимъ на свои берега прохладу, копорой мы и воспользовались. Тамъ насъ спигли меня сначала генералъ-майоръ Бушь, а вслѣдъ за нимъ генералъ баронъ Оспенъ. Всѣ шрое мы проголодались. Карета госпожи Бушь ѣхала невдалекъ. Мужъ ея послалъ спросить: нѣтъ ли у нея, чшо бы намъ пообѣдать. Эпа милая дама прислала намъ бутылку Венгерскаго вина, чепыре холодныхъ цыпленка, хлѣба довольно черстваго, но все жъ хлѣба, и мы, при приближеніи такого сильнаго скурса, избрали мѣстоположеніе и спали работать съ одинаковою жадностію. Бутылка наплаась недоспапочною для утоленія нашей жажды мы послали за подкрѣпленіемъ, копорое и было намъ доставлено съ шую же любезностію. Только-чшо мы кончили нашъ обѣдъ, елдваршалъ на насъ наѣхалъ и попросилъ насъ угостить шрехъ нашихъ, присланныхъ ошъ великаго визи-

ря къ Его Царскому Величеству, покаместъ Государь не дастъ имъ отвѣта. Мы къ нимъ оправились. Одинъ изъ нихъ говорилъ хорошо по-Нѣмецки и еще лучше по-Лапинѣ. Онъ достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба однимъ изъ остальныхъ, говорившимъ только по-Нѣмецки. Въ минувшы первыхъ привѣспвій слуги фельдмаршальскіе разбили шаперъ, послали на-земь коверъ Турецкій, на который усадили мы нашихъ прехъ пашей. Они съли сложивъ ноги креспомъ и велѣли принесши себѣ прубки, конхъ чубуки споль были длинны, что головки ихъ лежали на землѣ.

Сначала разговоръ нашъ былъ общій. Они сказали намъ, что великій визирь послалъ ихъ предложить Его Царскому Величеству 2,000 чловѣкъ спаговъ для опогнанія Татаръ, насъ преслѣдующихъ, и изъ конхъ шестеро ночью были пойманы, не считая прищани убитыхъ нашими конными гренадерами. Наконецъ паша, говорившій по-Лапинѣ, коль скоро узналъ, что я Французъ, подозвалъ меня къ себѣ и громко объявилъ, что Французы были пріятели Туркамъ. Тогда, вспутивъ въ частныя разсужденія, я спросилъ у него, по какой причинѣ и на какихъ условіяхъ заключили они миръ? Онъ отвѣчалъ,

что твердость наша ихъ изумила, что они не думали найти въ насъ столько ужасныхъ пропивниковъ; что, судя по положенію, въ которомъ мы находились и по отступленію нами совершенному, они видѣли, что жизнь наша дорого будетъ имъ стоить, и рѣшились, не упуская времени, принять наше предложеніе о перемиріи, дабы насъ удавить. Онъ объявилъ, что въ первые три дня армія наша испробовала и изувѣчила множество изъ ихъ единоземцевъ, что у нихъ было 8,000 убитыхъ и 8,000 раненыхъ, и что они поступили благоразумно, заключивъ миръ на условіяхъ, почетныхъ для султана и выгодныхъ для его народа.

Вы чувствуете, милоспивая государыня, что, увидя случай отозваться съ похвалою о вашей арміи, я не смѣлъ скромничать и, признаюсь, отъ-роду не извѣдалъ я съ такимъ усердіемъ и не встрѣчалъ подобной довѣренности. Полюбовавшись я сказалъ ему, что, будучи доволенъ изъясненіемъ причинъ, по которымъ заключили они миръ, я хотѣлъ бы знать и условія онаго; онъ охотно исполнилъ мое желаніе, выпивая кофе, который между-тѣмъ имъ подносили. И вотъ они, сн условія, которыя тѣмъ болѣе изумили меня, что, основываясь на предложеніяхъ, показанныхъ

мнѣ въ Ригѣ Левенвольдомъ, я полагаю короля Шведскаго истинною причиною войны.

1) Его Царское Величество возвратилъ Туркамъ Азовъ, срывъ новыя укрѣпленія онаго, также и крѣпости, выстроеныя имъ по берегу.

2) Флотъ свой и морское войско переведеть онъ въ Воронежъ и не будетъ имѣть другой, ближайшей пристани къ Черному морю, кромѣ Воронежской.

3) Казакамъ возвративъ ихъ старинную вольность, а Польшѣ Украину Польскую, такъ же какъ и Эльбингъ и другіе города, имъ захваченныя.

4) Выведеть безъ изъясненія всѣ полки, находящіяся въ разныхъ частяхъ Польши, и впредь, ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ не введеть ихъ обратно, самъ или черезъ своихъ генераловъ.

5) Наконецъ Его Царское Величество дастъ королю Шведскому свободный пропускъ въ его государство, даже, въ случаѣ нужды, и черезъ свои владѣнія, съ конвоемъ, который данъ бу-

день опть султана; также не спашепть никакимъ образомъ превозжитъ короля во время проѣзда его черезъ Польскія владѣнія, обязуясь въ то же время удержать и Фридерика Августа, курфирста Саксонскаго, опть всякаго непріязненнаго покушенія какъ на особу короля, такъ и на конвой, его сопровождающій.

Таковы были условія мира, споль полезнаго и споль нужнаго для славы Его Царскаго Величества. Прибавьте къ тому и 200,000 червонцевъ, подаренныхъ великому визирю (что подтверждено мнѣ было моимъ пашею).

Онъ сказалъ мнѣ, что, спустиа часть, по опспуленіи арміи нашей, Шведскій король отвѣчалъ черезъ Прунгъ на челвоиъ, сдѣланноиъ изъ выдѣлбленнаго пня, пустивъ лошадь свою въплавъ, и самъ шѣстиъ приискавалъ въ лагерь великаго визиря; что король говорилъ ему съ удивительною гордостію и между прочимъ сказалъ, что «если одинъ изъ его генераловъ вздумалъ бы только заключить таковой миръ, то онъ отрубилъ бы ему голову, и что ему, визирю, должно того же ожидать опть султана.» На всю эту брань великій визирь отвѣчалъ только то, что онъ имѣлъ опть султана приказаніе, и что онъ ни-

чего не сдѣлалъ безъ согласія одного министра (de Sa Hauteesse), находящагося въ его лагерь, и своего военного совѣща.

Мы разговаривали обо всемъ эпимъ, какъ фельд-маршалъ пришелъ имъ объявить, что Его Величество принимаетъ учтливое предложеніе великаго визиря. Наши ошклялись, взявъ съ собою шестперыхъ Ташаръ, схваченныхъ нами ночью, и ошослаи ихъ связанныхъ къ великому визирю для примѣрнаго наказанія.

Я всегда воображалъ себѣ Турковъ людьми необыкновенными; но мое доброе о нихъ мнѣніе усилилось съ шѣхъ поръ, какъ я на нихъ насмотрѣлся. Они большею частію красивы, носятъ бороду, не столь длинную какъ у кшудиновъ, но снизу чешыреугольную и холятъ ее, какъ мы холимъ лошадей. Эти паши, хоша въ шрое разнаго цвѣща, имѣли красивѣйшія лица. Тотъ, съ которымъ я разговаривалъ, признался мнѣ, что ему было 63 года, а на взглядъ нельзя было ему дать и сорока пашаи.

Армія наша, распроившая бапальонъ - карре при входѣ въ шѣснину, раздѣлилась въ долину, находящейся при выходѣ изъ оной. Его Царское

Величество съ Преображенцами, Семеновцами, Аспраханцами и Ингерманландцами спашь въ авангардѣ въ двухъ миляхъ ошь пѣснины. Генералъ-лейтенантъ Брюсъ съ артиллеріей и дивизія князя Рѣпина слѣдовали за Его Величествомъ и расположились лагеремъ въ полушортъ-мили; генералъ баронъ Денсбергъ въ одной мили; генералъ баронъ Алларпъ въ полу-мили, съ кавалеріей, кошорою командовалъ онъ по приказанію Его Величества, ибо г-нъ Янусъ спирадалъ въ эпо время подагрою. Дивизія же Адама Вейде осталась при выходѣ изъ пѣснины. Двухъ-тысячный Турецкій опрядъ раздѣлился на три части: одна осталась въ пылу армін, а двѣ другія расположились по ея флангамъ. Въ такомъ расположеніи и наблюдая всѣ шѣ же диспанціи, мы пошли на Яссы, гдѣ вадѣлись найшимъ всѣ запасы, нужные для обратнаго нашего похода черезъ степи. Мы достигли сего города въ шесть переходовъ, каждый въ чепырехъ миляхъ состоявшій. Тамъ оснавались мы чепыре дня и запаслись всѣмъ, что могли только найсти.

Много претерпѣлъ бы я во время сего перехода, еслибы генералъ баронъ Алларпъ, знаа, что я потерялъ мой экипажъ, не снабдилъ меня великодушно повозкою, чепверкою лоша-

дей и прекрасною палаткой съ ея маркизою. А какъ въ повозочкѣ моей (paloube) съ одеждой и бѣльемъ находилась и постеля, то я въ свосмѣ несчастіи почипалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ.

Давъ, чепырехъ - дневный опдыхъ своей арміи и собравъ запасы для перехода черезъ степи, Его Царское Величество повелъ насъ вдоль Пруша до (Stanope) Спанопы, по дорогѣ не столь шрудной и дальней, какъ Сороцкая. Въ Спанопѣ мы стояли опять чепыре дня по той причинѣ, что Его Величество приказалъ навести одинъ молько мостъ для переправы всей арміи.

Здѣсь распались мы съ шрема пашами и съ ихъ опрядомъ. Дорогой имѣлъ я честь нѣсколько разъ съ ними разговаривать, а однажды и обѣдать вмѣстѣ у генералъ-лейтенанта барона Ошена. Они попросили рису варенаго на молоко и наѣлись его, насыпавъ кучу сахару. Мы никакъ не могли заспавить ихъ пить Венгерскаго вина, какъ ни просили; они предпочитали кофе, сваренный по ихъ обычаю, и которъи пили они цѣлый день.

Опъ Спанопы армія въ чепыре дня пришла

къ Могилеву на Днѣспрѣ, куда прибылъ ужь Сорочкѣй гарнизонъ, испребивъ мостъ и наружныя укрѣпленія города. Новый мостъ, который должно было навести на Днѣспрѣ, задержалъ насъ шуть еще восемь дней. Буджацкіе Ташаре вздумали-было насъ беспокоить. Казачій полковникъ заманилъ ихъ по-своему въ засаду. 160 были убиты, шестеро взяты въ плѣнъ, и фельдмаршалъ велѣлъ ихъ повѣсить всѣхъ на одномъ деревѣ на самой высокой изъ сосѣднихъ горъ, дабы устрашить ихъ, которые вздумали бы опять насъ беспокоить въ нашемъ лагерѣ или оуражировать, что не переставали они чинить съ нами опъ самага Спанопа.

Мостъ былъ готовъ, и армія спокойно переправилась въ шрое суюкъ. Шестя батальоновъ гренадеръ остались въ арріергардѣ лагеря, изъ опасенія, чтобъ Ташаре, кроющіеся въ горахъ, не попрестожили переправы нашихъ послѣднихъ полковъ. Но они оказались болѣе благоразумными, нежели мы предполагали; проученные послѣднею своею неудачей, они уже не показывались, и општушеніе наше совершилось со всевозможнымъ спокойствіемъ.

Во время нашего пребыванія въ лагерѣ за Днѣ-

спромъ въ Подоліи, Его Царское Величество пожелалъ узнать въ почности пошерю, имъ понесенную въ сей крапкѣй, но прудный походъ. Приказано было каждому бригадиру предшавишь къ слѣдующему упру подробную опись своей бригадѣ, опредѣливъ состояніе оной въ первый день вступленія нашего въ Молдавію и по, въ кошоромъ находилась она въ день опданнаго приказа. Воля Его Царскаго Величества была исполнена: изъ 79,800 людей, соспоявшихъ на лицѣ при вступленіи нашемъ въ Молдавію, если вычеспъ 15,000, находящихся въ Валахіи съ генераломъ Рене; оспаваться надлежало 64,800; но оказалось только 57,515. Вотъ все, что вышло изъ Молдавіи. Прочіе оспались на удобреніе сей безплодной земли, опчасни истребленные огнемъ испріяшельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голodomъ.

На претій день нашего пребыванія въ новомъ лагерѣ, куда припасы спекались изобильно изъ Каменца и другихъ городовъ Подольскихъ, Государь, Императрица, свипа ихъ и миниспры (за исключеніемъ барона Шафирова и графа Шеремпева, оспавленныхъ въ лагерѣ Турецкомъ заложниками мира) опсправились incognito въ 10 часовъ вечера, подѣ прикрпшіемъ одного поль-

ко гвардейскаго эскадрона, къ Ярославу. Тамъ, по приказанію Государя, пригоповлены были суда, на копорыхъ онъ Вислою отправился въ Торнъ, гдѣ Императрица, въ то время беременная на седьмомъ мѣсяцѣ, располагалась родить. Это былъ первый ея ребенокъ съ того времени, какъ она признана была Императрицей: честь, коей она достойна болѣе многихъ принцессъ, которыя должны бы краснѣть отъ стыда, видя, что женщина ничтожнаго происхожденія (*une femme de rien*), безо всякаго образованія, не воспитанная въ чувствахъ величія и душевной возвышенности, свойственныхъ высокому рожденію, поддерживаетъ санъ Императорскій со всею честью, величіемъ и умомъ, какихъ можно было бы только ожидать отъ самой знатнѣйшей крови.

- На другой день отъѣзда Его Величества, фельдмаршалъ со всею арміей выступилъ въ походъ и остановился лагеремъ въ Шарградъ, куда, по его приказанію, съѣхались всѣ генералы изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они находились; ибо армія была распределена по разнымъ направленіямъ для удобства продовольствія и фуражировки.

Когда генералы собрались въ палаткахъ фельд-

маршала, онъ объявилъ имъ, что Его Царское Величество, заключивъ миръ съ Турками, не имѣлъ уже надобности въ столь великомъ числѣ генераловъ, что онъ имѣлъ повелѣніе Государя отпустить ихъ изъ нихъ, которые, по ихъ большому жалованью, наиболѣе были ему шягошны; что онъ именемъ Его Царскаго Величества благодаритъ ихъ за услуги, ими оказанныя, особенно въ сей послѣдній походъ; потомъ онъ роздалъ абшиды генераламъ, коимъ прилагаю здѣсь списокъ, включая въ томъ числѣ ихъ, которые оставили службу Его Величества съ 1-го января 1711 года.

СПИСОКЪ ГЕНЕРАЛАМЪ,

ОТПУЩЕННЫМЪ ЕГО ЦАРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ИЛИ
ОСТАВИВШИМЪ ЕГО СЛУЖБУ БЕЗЪ ОТПУСКА.

Фельдмаршалъ генералъ - лейтенантъ Гольцъ отошелъ безъ отпуска, не получивъ 60,000 экю и болѣе должнаго ему жалованья.

Генералъ Янусъ отошелъ безъ отпуска по той же причинѣ.

Генераль баронъ Денсбергъ оппущень съ абшидомъ.

Генераль - лейтенантъ баронъ Оспенъ оппущень съ абшидомъ.

Генераль - лейтенантъ Беркгольцъ оппущень съ абшидомъ.

Генераль - лейтенантъ Носпицъ, Эльбингскій комендантъ, опошелъ безъ абшида, самовольно удовольствовивъ себя 50,000 эку, копорые считалъ за Государемъ.

Бригадиръ графъ де-Фризъ опошелъ безъ оппуска.

Бригадиръ Моро-де-Бразе (comte de Lion en Beauce) оппущень съ абшидомъ.

Бригадиръ Боэ оппущень съ абшидомъ.

Бригадиръ баронъ Ремкингъ оппущень съ абшидомъ.

Бригадиръ графъ Ламберши оппущень съ абшидомъ.

Баронъ Денсбергъ, кавалерійскій полковникъ, оппущень также съ абшидомъ.

Полковникъ отъ инфантерія Миронсъ оппущень также съ абшидомъ.

На слѣдующій же 1712 годъ оппущены съ абшидомъ генераль баронъ Аллартъ и генераль-лейтенантъ Флюгель.

14-ть иностранныхъ полковниковъ оппущено съ абшидомъ; нѣкоторые же оппшили сами.

22 полковника оппущены съ абшидомъ, оппчастн оппшили.

156 капитановъ оппущены или оппшили сами.

Фельдмаршалъ не слишкомъ много испрашилъ денегъ, опппуская всѣхъ сихъ офицеровъ; ибо никому ничего не заплашилъ; и до сихъ поръ за нимъ прощадеть жалованья моего за 13 мѣсяцевъ *, по 130 рублей на мѣсяць (рубль спшилъ 5 Фр. ливровъ): я получалъ 70 рублей какъ бригадиръ, 40 какъ полковникъ и 20 какъ капитанъ.

Генералъ баронъ Денсбергъ имѣлъ ужасную схвапку съ фельдмаршаломъ, касательно денегъ; но это ни къ чему не послужило. Дѣланъ было нечего; мы рѣшились терпѣть. Генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Оспенъ и я оппправились вмѣстѣ черезъ Salanore (Тарнаполь, гдѣ мы встрѣпили полки генерала Рене, возвращающіеся изъ Валахін, и которые тамъ обоганились въ той же мѣрѣ, какъ мы обнищали) и попомъ черезъ Замосць въ Леополь, гдѣ

* Кажется, слышншь храброго капитана Dalgetty, жалующагося на недоимки и неисправность въ платежѣ жалованья. *Прим. А. С. П.*

цѣлый мѣсяць опдыхали опть прудовъ нашего сумасброднаго похода. Въ семь-то городѣ познакомился я съ госпожею коронною спароспиной и ея сестрою, госпожею великой хорунжихою. Обѣ опть сестры великому коронному гешману Синявскому. Сии дамы оказали мнѣ множесство въжливостей; между прочимъ получилъ я опть спароспины прекраснаго Испанскаго пабаку, который оживилъ мой носъ, совсѣмъ изнемогавшій безъ сей благодѣтельной помощи, для меня необходимой.

Изъ Леополя мы прѣхали въ Варшаву, гдѣ опдыхали еще одинъ мѣсяць. Оптуда Вислою отправился я съ барономъ Оспеномъ и его супругою въ Данцигъ, гдѣ нашелъ я свою жену и семейство свое, умноженное одною наследницею, милымъ и прекраснымъ ребенкомъ.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.